

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 7. ВНУТРЕННИЙ ОГОНЬ.

«Я хотел бы выразить свое восхищение и благодарность великолепному учителю... за помощь в восстановлении моей энергии и обучении иному для нас пути к полноте и благополучию».

ПРОЛОГ

Я издал обширные описательные отчеты о своих отношениях как ученика с индейским колдуном из Мексики доном Хуаном Матусом. Из-за чуждой для меня концепций и практики, которые я должен был понять и усвоить, по мысли дон Хуана, у меня не было другого выбора, как передать его учения в форме рассказа — повествования о том, что случилось и как это происходило.

Организация инструкций дон Хуана основывалась на том, что у человека есть два типа сознания: он называл их «правосторонним» и «левосторонним». Первое он описал как состояние обычного сознания, необходимого для повседневной жизни. О втором он говорил как о таинственной стороне человека — таком состоянии, которое необходимо для деятельности колдуна и видящего. В соответствии с этим он разделил свои инструкции на учение для правой стороны и учение для левой стороны.

Свои учения для правой стороны он передавал, когда я находился в состоянии обычного сознания, и эти учения описаны в моих предыдущих отчетах. В этом моем состоянии он сказал мне, что он колдун. Он даже познакомил меня с другим «колдуном», доном Хенаром Флоресом, и в связи с характером наших отношений я пришел к логическому выводу, что они приняли меня в ученичество.

Это ученичество закончилось непостижимым актом, к исполнению которого привели меня они оба: они заставили меня прыгнуть в пропасть с вершины плоской горы. В последней, разыгранной там драме учений для правой стороны участвовали: сам дон Хуан, дон Хенаро, еще два ученика — Паблито, Нестор и я. Паблито, Нестор и я прыгнули с вершины в бездну.

В течение нескольких лет после этого я думал, что только моего полного доверия к дону Хуану и дону Хенаро было достаточно для отклонения всех моих рациональных страхов перед лицом настоящего уничтожения. Теперь я знаю, что это не так: я знаю, что секрет этого таился в учениях дон Хуана для левой стороны, а также то, что для проведения этих учений в жизнь от дон Хуана, дон Хенаро и их компаньонов потребовались громадная дисциплина и упорство..

Чтобы собрать вновь то, что происходило при обучении для левой стороны и что позволило мне выполнить этот непостижимый акт — прыжок в пропасть — мне потребовалось десять лет. Именно в своих учениях для левой стороны дон Хуан изложил то, что он, дон Хенаро и их компаньоны делали со мной и кто они такие. Они обучали меня вовсе не колдовству, а тому, как овладеть тремя аспектами древнего знания, которыми они владели: сознанием, искусством следопыта и намерением. Они оказались вовсе не колдунами, они — видящие, а дон Хуан не только видящий, но и нагваль.

В своих учениях для правой стороны дон Хуан уже многое объяснил мне относительно нагваля и видения. Как я понял, видение является способностью людей расширять свое поле восприятия настолько, что они становятся способными оценивать не только внешнюю видимость, но и саму суть всего. Он также объяснил мне, что видящие видят человека, как в поле энергии, которое выглядит подобно светящемуся яйцу. Он сказал, что у большинства людей это поле разделено на две части, однако у некоторых мужчин и женщин оно разделено на четыре, а иногда на три. Из-за своей большой сопротивляемости, по сравнению со средними людьми, эти люди, после обучения видению могут стать нагвалями.

В своих учениях для левой стороны дон Хуан объяснил мне сложность видения и бытия нагваля. Стать нагвалем, сказал он, гораздо более сложно и многообещающе, чем быть просто прочным человеком, научившимся видеть. Быть нагвалем означает быть вождем, учителем и проводником.

Как нагваль дон Хуан был руководителем группы видящих, известных как «партия нагваля», которая состояла из восьми женщин: Сесилии, Делии, Гермелинды, Кармелы, Нелиды, Флориды, Зулейки и Зойлы; троих мужчин-видящих: Висенте, Сильвио Мануэля и

Хенаро, а также четверых «курьеров» или посланников: Эмелито, Хуана Тумм, Марты и Терезы.

Кроме руководства партией нагваля дон Хуан занимался также обучением и руководством группой учеников-видящих, известной как «новая партия нагваля». Она состояла из четырех молодых людей: Паблито, Нестора, Элихио и Бениньо, и пяти женщин: Соледад, ла Горды, Лидии, Жозефины и Розы. Я был номинальным лидером новой партии нагваля наряду с женщиной-нагвалем по имени Кэрол.

Для того, чтобы дон Хуан мог передать мне свои учения для левой стороны, я должен был входить в уникальное состояние перцептуальной ясности, известное как «повышенное сознание». В течение многих лет моей связи с ним он попеременно вводил меня в такое состояние с помощью удара, который он наносил своей ладонью в верхней части моей спины.

Дон Хуан объяснил, что в состоянии повышенного сознания ученики могут вести себя почти так же естественно, как и в повседневной жизни, однако оно позволяет фокусировать свой ум на чем угодно с необычайной силой и ясностью. И все же особым качеством состояния повышенного сознания является то, что оно не поддается обычному воспоминанию. То, что происходило в этом состоянии, становится частью повседневного сознания ученика только через потрясающее усилие восстановления.

Мое взаимодействие с партией нагваля является примером этой трудности воспоминания: я был в контакте с ними, за исключением Хенаро, только в состоянии повышенного сознания, и, следовательно, в своей повседневной жизни я не мог вспомнить их даже как неясные тени сновидений. Образ моих встреч с ними всякий раз был почти ритуалом: я должен был приезжать на машине к дому дон Хенаро в маленький городок на юге Мексики. Дон Хуан обычно немедленно присоединялся к нам, и мы уже втроем занимались затем учениями дон Хуана для правой стороны. После этого дон Хуан заставлял меня изменить уровень сознания, а затем мы ехали на машине в большой близлежащий город, где жил он и другие пятнадцать видящих.

Всякий раз, входя в состояние повышенного сознания, я не мог не изумиться различию своих двух сторон. Я чувствовал себя всегда так, как если бы с моих глаз была снята пелена, как если бы я был до этого частично слеп, а теперь прозрел. Свободу и чистую радость, которые обычно овладевали мной в этих случаях, нельзя было сравнить ни с чем, что я испытывал прежде. Однако вместе с этим присутствовало тревожащее чувство печали и какого-то томления, которые шли рука об руку с радостью. Дон Хуан объяснил мне, что не было бы полноты без печали и томления, поскольку без них нет трезвости и доброты, а мудрость без доброты, как он сказал, и знание без трезвости бесполезны.

Организация обучения для левой стороны требовала также, чтобы дон Хуан, совместно со своими товарищами-видящими, объяснил мне три аспекта их знания: управление сознания, искусство следопыта и искусство намерения.

В этой работе я изложил искусство управления сознанием, которое является частью целой системы его учений для левой стороны-системы, которую он использовал для того, чтобы подготовить меня к удивительному акту прыжка в бездну. Ввиду того, что пережитый мною опыт, о котором я здесь рассказываю, не имеет характера повседневной жизни, я постарался снабдить его нужными деталями, все же не переходя границ документальной повести. В состоянии повышенного сознания мало создаешь окружающую обстановку, поскольку все внимание сосредоточено на деталях совершаемого в данный момент действия.

В нашем случае совершаемое в данный момент действие естественно было освещением искусства овладения сознанием. Дон Хуан принимал искусство овладения сознанием как современную версию чрезвычайно древней традиции, которую он называл традицией древних толтеков-видящих. И хотя он чувствовал себя неразрывно связанным с этой древней традицией, он считал себя одним из видящих нового цикла. Когда я спросил его однажды, каковы же существенные черты характера видящих нового цикла, он ответил, что это воины полной свободы, что они такие же мастера сознания, искусства следопыта и намерения, что не ловятся смертью, как остальные смертные, а избирают сами момент и путь своего исхода из этого мира. В этот момент они поглощаются внутренним огнем и исчезают с поверхности земли, как если бы они никогда не существовали.

1. НОВЫЕ ВИДЯЩИЕ

Я прибыл в город Оаксаку на юге Мексики по пути в горы, чтобы поискать дон Хуана. На пути из города рано утром у меня возникло сильное желание проехать через главную площадь, и там я нашел его сидящим на своей любимой скамейке и как бы ожидающим моего приезда.

Я присоединился к нему. Он сказал, что в городе по делам и остановился в местном пансионате, и что он приглашает меня поселиться вместе с ним, поскольку должен остаться в городе еще на два дня. Мы поговорили немного о моей деятельности и проблемах академического мира.

Как уже стало обычным для него, он неожиданно ударил меня по спине, когда я этого меньше всего ожидал, и этот удар сместил меня в состояние повышенного сознания.

Мы долго сидели в молчании. Я с нетерпением ждал, когда он начнет говорить, и все же, когда он заговорил, я был поражен неожиданностью.

— Несколько веков до того, как испанцы пришли в Мексику, — сказал он, — там жили необычные толтеки-видящие, люди способные на непостижимые действия. Они были последним звеном в цепи знания, которая протянулась через тысячелетия.

Толтеки-видящие были необычайными людьми — могущественными колдунами, мрачными преследователями, разгадавшими тайны и владеющими тайным знанием, которое они использовали для влияния на людей и превращения их в жертву путем фиксации сознания своих жертв на всем, что изберут.

Он остановился и пытливо посмотрел на меня. Я чувствовал, что он ожидает от меня вопроса, но я не знал что спросить.

— Я должен подчеркнуть важный факт, — продолжал он, — что те колдуны знали, что фиксировали сознание своих жертв. Ты не обратил на это внимания: когда я упомянул об этом, оно для тебя ничего не значило. И это не удивительно: одна из труднейших для признания вещей та, что сознанием можно манипулировать.

Я сконфузился. Я знал, что он подводит меня к чему-то. Мне уже было знакомо это чувство опасения — оно всегда возникало при начале нового раунда его учений. Я сказал ему как себя чувствую. Он неопределенно улыбнулся. Обычно, когда он улыбался, он излучал счастье, но на этот раз он определенно был озабочен. Казалось, он соображает, продолжать ли дальше беседу. Он опять пытливо уставился на меня, медленно переводя взгляд вдоль всего моего тела. Затем, очевидно удовлетворенный, он кивнул и сказал, что я готов к своему последнему испытанию, к чему-то, через что все воины проходят перед тем, как стать на собственные ноги. Я был заинтригован этим более, чем когда-либо раньше...

— Мы собираемся говорить о сознании, — продолжал он. — толтеки-видящие знали искусство управления сознанием. Фактически они были в этом искусстве верховными мастерами. Когда я сказал, что они знали как фиксировать сознание своих жертв, я имел в виду, что их тайные знания и тайные приемы позволяли им вторгаться в тайну сознания. Значительная часть их приемов дожила до наших дней, но, к счастью, в измененном виде. Я сказал «к счастью» потому, что эти приемы не вели древних толтеков-видящих к свободе, а лишь к их роковой судьбе.

— Знаешь ли ты сам эти приемы? — спросил я.

— Почему же нет? Конечно, — ответил он. — у нас не было способа обойти эти методики, однако это не означает, что мы сами используем их. У нас другие взгляды, мы принадлежим к новому циклу.

— Но ты же не считаешь себя колдуном, дон Хуан, не так ли? — спросил я.

— Нет, не считаю, — ответил он. — я — воин, который видит. Фактически все мы «лос нуэвос видентес» — новые видящие. А древние видящие были колдунами.

— Для среднего человека, — продолжал он, — колдовство — это определенное дело, однако оно, все же, восхитительно. Вот почему я вдохновил тебя в твоём нормальном сознании, думать, что мы колдуны. Рекомендуются поступать именно так, это служит для привлечения интереса. Для нас же стать колдуном все равно, что выйти на смертельно тупиковую улицу.

Я захотел узнать, что он под этим подразумевает, но он отказался обсуждать это. Он сказал, что остановится на этом вопросе по мере продвижения в вопросе сознания. Я спросил затем относительно источника толтекских знаний.

— Способ, которым толтеки вышли на путь знания, было вначале потребление растений силы, — ответил он. — побуждаемые любопытством или голодом, они по ошибке ели их, а поскольку растения силы оказывали на них свое воздействие, то было только вопросом времени, когда некоторые из них стали анализировать свои переживания. По моему мнению, первый человек на этом пути знания был очень смелым, но он очень ошибся.

— Не является ли все это предположением с твоей стороны, дон Хуан?

— Ничуть, это не мои предположения. Я видящий, и когда я фиксирую свое видение на том времени, я знаю все, что происходило.

— Можешь ли ты видеть детали событий прошлого? — спросил я.

— Видение — это особое чувство познания, — ответил он, — познания чего-либо без тени сомнения. В этом случае, однако, я знаю, что делали те люди, не только благодаря своему видению, но еще и потому, что мы так тесно связаны.

Дон Хуан затем объяснил, что его использование термина «толтек» не соответствует тому, что я подразумеваю под этим. Для меня это означало культуру — империю толтеков, для него же термин «толтек» означал «человек знания».

Он сказал, что в то время, о котором он говорит, за несколько столетий, а может быть и за тысячелетие до испанского нашествия, все такие люди знания жили в обширной географической области к северу и югу от долины мексико и занимались особой работой: были лекарями, сказителями, танцорами, оракулами, приготавливали пищу и питье. Эта линия деятельности создавала в них особую мудрость, отличающую их от средних людей, тем не менее эти толтеки были людьми, вплетенными в ткань повседневной жизни, подобно тому как в наше время это происходит с врачами, учителями, священниками и дельцами. Они занимались своей профессиональной деятельностью под строгим контролем организованных братств, и стали опытными и влиятельными настолько, что доминировали даже над группами, живущими вне их географической области.

Дон Хуан сказал, что после того, как некоторые из них научились, наконец, видеть — после столетий приема растений силы, наиболее предприимчивые из них стали учить других знанию, как видеть. И это стало началом их конца. Со временем число видящих увеличивалось, а их привязанность к тому, что они видели, наполнившая их почтением и страхом, стала такой сильной, что они перестали быть людьми знания. Они стали чрезвычайно опытными в видении и начали оказывать большое влияние на странные миры, свидетелями которых они оказались. Однако все это было бесполезно: видение подрывало их крепость и привело к тому, что они попали в зависимость от того, что видели.

— Были, однако видящие, избежавшие этой судьбы, — продолжал дон Хуан, — великие люди, которые, несмотря на то, что были видящими, никогда не переставали быть людьми знания. Некоторые из них научились положительно использовать видение и стали учить этому своих братьев. Я убежден, что под их руководством население целых городов уходило в другие миры и никогда не вернулось.

Те же видящие, которые занимались только видением, потерпели фиаско, и вся страна, в которой они жили, подверглась нашествию завоевателей, они были так же беззащитны, как и любой человек.

— Эти завоеватели, — продолжал он, — захватили мир толтеков, они присвоили все, но никогда не научились видеть.

— Почему ты думаешь, что они не научились видению? — спросил я.

— Потому что они копировали процедуры толтеков — видящих, не имея их внутренних знаний. В наши дни по всей Мексике полно колдунов, потомков тех завоевателей, которые следуют путями толтеков, но не знают, что они делают или о чем говорят, потому что они невидящие.

— Кем же были эти завоеватели, дон Хуан?

— Другими индейцами, — ответил он. — к тому времени, когда пришли испанцы, древние видящие ушли — еще за столетия до них, но были новые поколения видящих, которые начали работать над своей безопасностью в новом цикле.

— Что ты называешь «новым поколением видящих»?

— После того, как мир древних толтеков был разрушен, выжившие видящие отступили и начали серьезное исследование своих приемов. Первое, что они сделали — это выделили искусство следопыта, сновидения и намерения в качестве ключевых процедур и умили использование растений силы. Это, возможно, позволяет понять то, что случилось с ними в связи с растениями силы.

— Новый цикл только начал набирать силу, когда испанские конкистадоры запленили страну. К счастью, к тому времени новые видящие уже тщательно подготовились к встрече с опасностью: они уже были экспертами в искусстве следопыта.

Дон Хуан сказал, что последующие столетия порабощения создали для этих новых видящих идеальные условия для совершенствования их мастерства.

Как это ни странно, но именно предельная суровость и принуждения того периода дали им толчок для совершенствования их новых принципов. И благодаря тому факту, что они никогда не популяризировали свою деятельность, они были оставлены в покое при картографировании своих находок.

— Было ли много новых видящих во времена конкисты? — спросил я.

— Вначале было много, но к концу только горстка. Остальные были истреблены.

— А что в наши дни, дон Хуан? — спросил я.

— Сейчас их немного, они повсюду рассеяны, понимаешь?

— Знаешь ли ты их? — спросил я.

— На такой вопрос труднее всего ответить, — сказал он. — есть некоторые, кого мы знаем очень хорошо, но они не совсем такие, как мы, поскольку сосредоточились на других специфических аспектах знания, таких как танец, лечение, заклинание, а не на том, что рекомендуют новые видящие — искусстве следопыта, сновидения и намерения.

Те же, кто подобны нам, не пересекаются с нами. Видящие, жившие в период конкисты, установили это правило для того, чтобы избежать истребления в столкновении с испанцами. Каждый из тех видящих основал свою линию, но не все из них имеют последователей, так что линий не много.

— Знаешь ли ты какую-либо, которая была бы точно как наша? — спросил я.

— Несколько, — ответил он лаконично.

Я попросил его тогда дать мне об этом всю информацию, какую он может, поскольку я жизненно заинтересован в этом вопросе: для меня чрезвычайно важно узнать имена и адреса с целью убеждения и подтверждения. Дон Хуан, очевидно, не хотел угодить мне.

— Новые видящие прошли через такое подтверждение, — сказал он. — половина из них оставила свои кости в камере подтверждения, так что теперь они вольные птицы. Оставим это. Все, о чем мы можем говорить, это наша линия: об этом и ты и я можем говорить сколько душе угодно.

Он объяснил, что линии видящих начались в одно время и одинаковым образом: примерно в конце XVI века каждый из нагвалей намеренно изолировал себя и свою группу видящих от каких-либо открытых контактов с другими видящими. Следствием этого жесткого разделения, как сказал он, было формирование индивидуальных линий. Наша линия, сказал он, состоит из 14 нагвалей и 126 видящих. Некоторые из этих 14 нагвалей имели с собой не более 7 видящих, другие-11, а некоторые до 15.

Он сказал мне, что его учителем, или «благодетелем», как он называл его, был нагваль Элиас. Я спросил его, знает ли он имена всех 14 нагвалей. Он назвал и пронумеровал их мне так, что я узнал кто они. Он сказал мне также, что лично знал 15 видящих, которые входили в партию его благодетеля, и знал учителя своего благодетеля нагваля Элиаса, а также 11 видящих из его партии.

Дон Хуан заверил меня, что наша линия совершенно исключительная, поскольку она подверглась в 1723 году принципиальному изменению в результате внешнего влияния, которое воздействовало на нее и неумолимо изменило путь.

Он не хотел в тот момент обсуждать само это событие, он сказал, что с тех пор отсчитывается новое начало, и 8 нагвалей, которые с тех пор продолжили эту линию, считаются внутренне отличными от тех шести, которые им предшествовали.

У дон Хуана на следующий день были, видимо свои дела, так что я не видел его до полудня. Тем временем в город пришли трое из его учеников: Паблито, Нестор и ла Горда. Они занимались покупкой инструментов и материалов для плотницкой деятельности Паблито. Я сопровождал их и помог завешить все поручения. Затем все мы возвратились в пансионат.

Мы все четверо сидели кружком, разговаривая, когда в комнату вошел дон Хуан.

Он объявил нам, что все мы отправимся после обеда, а пока мы собираемся поесть. У него есть кое-что, о чем ему надо поговорить со мной наедине. Он хотел, чтобы мы оба прогулялись вокруг главной площади, а затем все мы встретимся в ресторане.

Паблито и Нестор встали и сказали, что у них есть еще некоторые поручения, которые они должны выполнить до встречи с нами, а ла Горда казалась раздосадованной.

— О чем вы собираетесь говорить? — выпалила она, но быстро поняла свою ошибку и захихикала.

Дон Хуан взглянул на нее как-то странно, но не сказал ничего. Воодушевленная его молчанием, ла Горда предложила, чтобы мы взяли ее с собой. Она уверила, что нисколько нам не помешает.

— Я уверен, что ты не мешаешь нам, — сказал ей дон Хуан, — но я просто не хочу, чтобы ты слышала что-либо из того, что я должен сказать ему.

Гнев ла Горды был очевиден. Она покраснела, а когда мы выходили из комнаты, все ее лицо потемнело от тревоги и напряжения, мгновенно исказившись. Рот ее открылся, губы пересохли.

Настроение ла Горды меня очень встревожило: я чувствовал себя неудобно. Я не сказал ничего, но дон Хуан, очевидно, заметил мое состояние.

— Ты должен благодарить ла Горду день и ночь, — сказал он неожиданно. — она помогает тебе разрушить чувство собственной важности. В твоей жизни она является мелочным тираном, но ты до сих пор не понял этого.

Мы прогуливались вокруг площади пока не исчезла вся моя нервность. Затем опять сели на его любимую скамейку.

Древние видящие были, в действительности, очень счастливыми, — начал дон Хуан, поскольку у них было достаточно времени для изучения замечательных вещей. Позволь мне сказать тебе: они знали чудеса, которых мы сейчас не можем даже вообразить.

— Кто научил их всему этому? — спросил я.

— Они всему научились сами по себе, через видение. Большинство вещей, которые мы имеем на своей линии, происходят от них. Новые видящие исправили ошибки древних, но основа того, что мы знаем и делаем, восходит ко временам толтеков.

— Древние видящие выяснили, — продолжал он, — что лучшим способом обучения их знанию будет заставить своих учеников переместиться на левую сторону в состояние повышенного сознания. Реальное обучение происходит именно там.

— Древним видящим в качестве учеников давались очень юные дети, — продолжал дон Хуан, — так что они не знали никакой другой жизни. Эти дети, в свою очередь, когда вырастали, брали в ученики других детей. Вообрази себе все, что они могли открыть в своих смещениях налево и направо за века подобного сосредоточения.

Я отметил, насколько расстраивающими для меня являются эти смещения. Он сказал, что его опыт был подобен моему. Его благодетель нагваль Хулиан создал в нем глубокое расщепление, заставляя его переходить от одного сознания к другому. Он сказал, что ясность и свобода, которые он переживал в состоянии повышенного сознания, находились в полном контрасте с рациональностью, незащищенностью, гневом и страхом его нормального состояния.

Древние видящие обычно создавали эту полярность для достижения своих собственных целей: этим способом они заставляли своих учеников достичь того сосредоточения, которое необходимо для изучения техники колдовства.

Однако новые видящие, как он сказал, используют это, чтобы привести своих учеников к убеждению, что в человеке есть нереализованные возможности.

— Наибольшее достижение новых видящих, — сказал дон Хуан, — лежит в их объяснении тайны сознания. Они сконденсировали это в некоторые концепции и действия, которым обучаются ученики, когда находятся в состоянии повышенного сознания. Он сказал, что ценностью метода обучения новых видящих является то, что в нем используется одно преимущество: никто не может вспомнить ничего из того, что случилось с ним в состоянии повышенного сознания. Эта неспособность вспомнить создает почти непреодолимый барьер для воинов, которые должны вспомнить все это обучение, если они хотят продолжать этот путь. Только после многих лет борьбы и дисциплины воины могут вспомнить свое обучение. Благодаря этому усваиваются те понятия и процедуры, которым их обучали, и они приобретают ту силу, которую намеревались вложить в это новые видящие.

2. МЕЛОЧНЫЕ ТИРАНЫ

Дон Хуан не обсуждал со мной больше искусства овладения сознанием, пока не прошло несколько месяцев. В то время мы находились в доме, где жила партия нагваля.

— Пойдем погуляем, — сказал дон Хуан, положив мне на плечо свою руку. — или, еще лучше, пойдем к городской площади, где много народа, сядем и поговорим.

Я удивился, что он заговорил со мной, поскольку был в доме уже два дня, а он не сказал мне ничего, кроме «здравствуй».

Пока мы с доном Хуаном выходили из дома, ла Горда перехватила нас и потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Казалось, она решила не слушать возражений. Дон Хуан очень сурово сказал ей, что ему нужно обсудить со мной кое-что наедине.

— Вы собираетесь говорить обо мне, — сказала ла Горда, а ее тон и жесты выдавали подозрение и досаду.

— Ты права, — ответил дон Хуан сухо. Он прошел мимо нее, даже не взглянув. Я последовал за ним, и мы шли в молчании до городской площади. Когда мы сели, я спросил, что же такое мы можем обсуждать в отношении ла Горды. Я все еще чувствовал смятение от ее угрожающего взгляда, который она бросила, когда мы выходили из дома.

— Нам нечего обсуждать относительно ла Горды или кого бы то ни было еще, — сказал он. — я сказал ей это просто для того, чтобы возбудить ее ненормальное чувство собственной важности. И это сработало — она рассердилась на нас. Насколько я ее знаю, она будет достаточно долго убеждать себя, подогревая свою уверенность и «справедливое» негодование за отказ и свое дурацкое положение. Я не удивлюсь, если она набросится на нас здесь же, на парковой скамейке.

— Если мы не собираемся говорить о ла Горде, что же мы будем обсуждать? — спросил я.

— Мы продолжим наше обсуждение, которое начали в Оаксаке, — ответил он. — для того, чтобы понять объяснение относительно управления сознанием, от тебя потребуется предельное усилие и желание перемещаться туда и сюда по уровням сознания. Пока мы заняты этим объяснением, я потребую от тебя полного сосредоточения и терпения.

Почти жалуясь, я сказал ему, что он поставил меня в очень неудобное положение отказываясь говорить со мной в прошедшие два дня. Он посмотрел на меня и поднял брови. На его губах заиграла и исчезла улыбка. Я осознал, что он дал мне понять, что я не лучше ла Горды.

— Я вызвал твоё чувство собственной важности, — сказал он хмуро. — чувство собственной важности — наш злейший враг. Подумай об этом: нас ослабляет чувство оскорбления со стороны наших людей-собратьев. Чувство собственной важности заставляет нас большую часть нашей жизни быть обиженными кем-то.

Поэтому новые видящие рекомендуют приложить все усилия для искоренения чувства собственной важности из жизни воина. Я следовал этим рекомендациям, и большинство из моих затей с тобой было направлено на то, чтобы показать, что без этого чувства мы неуязвимы.

Пока я слушал, я увидел, что глаза его неожиданно засияли. Я подумал про себя, что он, по-видимому, на краю того, чтобы разразиться смехом, а к этому вроде бы не было причины, когда неожиданно был поражен болезненной пощечиной по правой щеке. Я вскочил — позади стояла ла Горда и её рука была все еще поднята. Её лицо пылало гневом.

— Теперь ты можешь сказать, что тебе во мне нравится и это будет более справедливо, — закричала она. — если все же у тебя есть, что сказать, скажи мне это в лицо!

Эта вспышка, по-видимому, истощила её, так как она села на асфальт и зарыдала. Дон Хуан светился чистым весельем, а я замер в безумном гневе. Ла Горда взглянула на меня, а затем, обратившись к дону Хуану, мягко сказала, что у нас нет права критиковать её. Дон Хуан рассмеялся так сильно, что почти перегнулся пополам. Он не мог даже говорить. Два или три раза он пытался что-то мне сказать, а затем встал и ушел, его тело подергивалось от спазм смеха.

Я был почти готов бежать за ним, все еще негодуя на ла Горду, она казалась мне презренной, как вдруг нечто необычайное произошло со мной: я понял, что таким смешным показалось дону Хуану. Ла Горда и я были ужасно похожи друг на друга: наше чувство собственной важности было монументальным. Мое удивление и яростный гнев за пощечину были совсем такими же, как чувство гнева и подозрения у ла Горды. Дон Хуан был прав: наши чувства собственной важности — большое препятствие. Я побежал за ним, окрыленный, в то время, как слезы текли по моим щекам. Я догнал и рассказал, что я понял. Его глаза светились восторженно и проказливо.

— Как я должен поступить с ла Гордой? — спросил я.

— Никак, — ответил он, — осознание чего-либо всегда лично.

Он изменил тему и сказал, что знаки говорят, что наше обсуждение надо перенести обратно в дом — либо в большую комнату с удобными креслами, либо на задний дворик, вокруг которого есть крытый коридор. Он сказал, что когда он ведет свои объяснения в доме, эти две площади остаются никем незанятыми.

Мы вернулись в дом, и дон Хуан рассказал всем, что сделала ла Горда. Град насмешек, с каким все видящие встретили её, сделал её положение очень неудобным.

— С чувством собственной важности нельзя нянчиться, — заметил дон Хуан, когда я выразил свое беспокойство относительно ла Горды. Затем он попросил всех выйти из комнаты. Мы сели, и дон Хуан начал свои объяснения.

Он сказал, что видящие, как новые, так и древние, разделяются на две категории. К первой относятся те, кто согласен на самоограничение и может направить свою деятельность на практические цели, чтобы принести пользу другим видящим и всему человечеству. К другой категории относятся те, кто не заботится ни о самоограничении, ни о практических целях. И видящие пришли в этом вопросе к согласию с тем, что эти последние не смогли разрешить проблему чувства собственной значимости.

— Чувство собственной важности — это не просто что-то простенькое и наивное, — объяснил он. — с одной стороны, как чувство собственного достоинства, это ядро всего доброго в нас, а с другой стороны — это источник гнили. Чтобы освободиться от гнилой части чувства собственной важности, требуется мастерская стратегия. Во все века видящие высоко ценили тех, кто разрабатывал такую стратегию.

Я пожаловался, что идея искоренения чувства собственной важности, хотя временам временами очень мне нравится, остается, говоря по-правде, непонятной. Я сказал ему, что нахожу его указания о том, как освободиться от этого чувства, настолько неопределенными, что не могу им следовать.

— Я уже не раз говорил тебе, — начал он, — что для того, чтобы следовать путем знания, нужно быть очень изобретательным. Видишь ли, на пути знания нет ничего настолько ясного, как нам бы хотелось.

Неудобство моего положения заставило меня спорить и заявить, что его предостережения относительно чувства собственной важности напоминают мне христианские заповеди, а целая жизнь, полная разговоров о зле греха, набила у меня оскомину.

— Для воина война против чувства собственной важности это вопрос стратегии, а не принцип, — ответил он. — твоя ошибка в том, что ты пытаешься понять то, о чем я говорю, через призму морали.

— Я смотрю на тебя, дон Хуан, как на очень морального человека, — настаивал я.

— Ты увидел мою безупречность, это все, — сказал он. — безупречность, как и освобождение от чувства собственной важности, слишком смутные понятия, чтобы иметь для меня ценность, — заметил я.

Дон Хуан задохнулся от смеха, и я заставил его объяснить мне, что такое безупречность.

— Безупречность — это ни что иное как правильное использование энергии, — сказал он.

— Мои утверждения не имеют никакого морального оттенка. Я беру энергию, и это делает меня безупречным. Чтобы понять это, ты должен сам запастись достаточно энергии.

Мы сидели спокойно некоторое время. Мне хотелось обдумать то, что он сказал. Неожиданно он опять начал говорить.

— Воины ведут стратегический список, — сказал он, — они перечисляют все, что делают, а затем решают, что из перечисленного следует изменить, чтобы создать передышку в смысле усиления своей энергии.

Я заявил, что такой список может включать все на свете. Он терпеливо объяснил, что стратегический список, о котором идет речь, включает только образ того поведения, которое не является существенным для выживания и благополучия. Я подскочил от возможности указать на то, что выживание и благополучие можно понимать бесконечно многообразно, следовательно, нет пути к соглашению о том, что существенно и что несущественно для выживания и благополучия.

Пока я это говорил, я начал терять уверенность. Наконец, я остановился, поняв бесплодность своего спора. Затем дон Хуан сказал, что в стратегических списках воинов чувство собственной важности фигурирует как деятельность, поглощающая наибольшее количество энергии, отсюда их усилия по искоренению этого чувства.

— Первейшая задача воина — освободить эту энергию, чтобы с ее помощью встретиться с неведомым. Действие по перераспределению этой энергии — это безупречность.

Он сказал, что наиболее эффективная стратегия для этого была разработана видящими периода конкисты — неоспоримыми мастерами искусства следопыта. Оно состоит из шести переплетающихся элементов. Пять из них называются атрибутами воинственности: контроль, дисциплина, терпение, своевременность и воля. Они принадлежат миру воина, борющегося с чувством собственной важности. Шестой элемент, возможно, наиболее важный из всех, относится к внешнему миру и называется мелочным тираном.

Он взглянул на меня, как бы безмолвно спрашивая, понял ли я.

— Я совершенно запутался, — сказал я. — ты продолжаешь говорить, что ла Горда является мелочным тираном в моей жизни. Что же такое мелочный тиран?

— Мелочный тиран — это мучитель, — ответил он. — это кто-нибудь, либо имеющий власть распоряжаться жизнью и смертью воина, либо досаждающий ему смертельно.

Пока он говорил это, на лице его сияла лучезарная улыбка. Он сказал, что новые видящие разработали свою классификацию мелочных тиранов, и хотя эта концепция — одна из важнейших и серьезнейших находок, они развили ее не без чувства юмора. Он уверил меня, что во всякой их классификации присутствует оттенок сарказма, поскольку юмор — это единственное противоядие стремлению человеческого сознания к составлению списков и громоздких классификаций.

Новые видящие, в соответствии со своей практикой, сочли возможным поставить во главу своей классификации первичный источник энергии, первого и единственного правителя вселенной и назвали его просто — тираном. Остальные деспоты и правители, естественно, оказались ниже категории тирана. По сравнению с источником всего, даже

наиболее свирепые тиранические люди кажутся просто шутами, поэтому мы им дали название мелочных тиранов — «пинчес тиранос».

Он сказал, что имеется два подкласса мелочных тиранов. К первому подклассу относятся мелочные тираны, способные преследовать и приносить несчастье, не вызывая все же чьей-либо смерти. Они называются мелочными тиранчиками — «пинчес тиранитос». Второй подкласс состоит из мелочных тиранов, которые только раздражают и наводят скуку без всяких последствий. Они называются мелюзговыми тиранчиками — «репинчес тиранос», или крошечными «пинчес тиранитос чикититос».

Мне эта классификация показалась смешной: я был уверен, что он импровизирует испанские термины. Я спросил его, так ли это.

— Совсем нет, — ответил он с выражением удовольствия. — новые видящие велики в деле классификации, и Хенаро, без сомнения, один из величайших: если бы ты наблюдал за ним внимательно, ты бы тоже понял, как новые видящие относятся к своим классификациям.

Он громко захохотал, когда я спросил его, не дурачит ли он меня.

— И не думал никогда дурачить тебя, — сказал он, улыбаясь. — Хенаро может себе позволить это, но не я, особенно учитывая твоё отношение к классификациям. Это только новые видящие так непочтительны к ним.

Он добавил, что мелочные тиранчики делятся далее еще на четыре категории. К первой относятся те, кто действует грубо и насильственно. Ко второй — создающие невыносимую тревогу окольным путем. К третьей те, кто угнетает, досажда. А последняя категория вводит воина в гнев.

— Ла Горда относится к собственному классу, — добавил он. — она действующий мелюзговый тиранчик. Она разрывает тебя на части и сердит тебя. Она даже бьет тебя. Всем этим она обучает тебя отрешенности.

— Это невозможно, — запротестовал я.

— Ты еще не совместил все составляющие стратегии новых видящих, — сказал он. — когда ты это сделаешь, ты поймешь, насколько умно и эффективно продумана ими стратегия использования мелочного тирана. Я сказал бы еще, что эта стратегия позволяет не только избавиться от чувства собственной важности, но и готовит воина к окончательному осознанию, что на пути знания идет в счет только непогрешимость.

Он сказал: то, что новые видящие имеют в виду, это смертельный маневр, при котором мелочный тиран высится словно горная вершина, а атрибуты воинственности подобны альпинистам, взбирающимся на нее.

— Обычно в игре участвуют только четыре атрибута, — продолжал он. — пятый — воля — откладывается до предельной реализации, когда воину приходится предстать, так сказать, перед расстрелом.

— Почему это делается?

— Потому что воля принадлежит к другой сфере — к сфере неведомого. Остальные четыре относятся к известному — как раз к тому, где действуют мелочные тираны. В действительности то, что превращает людей в мелочных тиранов, это страстное манипулирование известным.

Дон Хуан объяснил, что взаимодействие всех пяти атрибутов воинственности осуществляется только видящими, которые стали уже непогрешимыми воинами и овладели мастерством управления волей. Такое взаимодействие — это верхний маневр, который нельзя осуществить на обыденной человеческой сцене.

— Четыре атрибута — это все, что необходимо для взаимодействия с худшим из мелочных тиранов, — продолжал он. — при условии, конечно, что такой тиран найден. Как я уже сказал, мелочный тиран — это внешний элемент, такой, над которым у нас нет контроля, и наиболее существенный, пожалуй, из всех: мой благодетель любил повторять, что воин, напоровшийся на мелочного тирана, это счастливчик. Он понимал под этим то, что ты счастливчик, если встретил такого на своем пути, иначе придется выйти и поискать его где-то еще.

Он объяснил, что одним из величайших достижений видящих периода конкисты было построение, которое он называл «трехфазной прогрессией». Понимая природу человека, они были способны прийти к неоспоримому выводу, что если видящие смогут справиться с собой перед лицом мелочных тиранов, они будут в силах безупречно встретиться с неведомым, а затем выстоять даже в присутствии непостижимого.

— Реакция среднего человека будет той, что порядок этого построения следует обратить, — продолжал он. — видящий, способный справиться с собой в присутствии неведомого, конечно, встретит мелочного тирана должным образом. Но это не так. Это допущение и погубило многих великолепных видящих древности. Теперь мы знаем это

лучше. Мы знаем, что ничто так не закаляет характер воина, как вызов взаимодействовать с невыносимыми людьми, наделенными властью. Только при этих условиях воины могут приобрести ту трезвость, безмятежность, какие необходимы, чтобы выстоять перед лицом непостижимого.

Я яростно спорил с ним. Я сказал ему, что по моему мнению, тираны могут сделать свои жертвы либо беспомощными, либо такими же скотами, как они сами. Я отметил, что было проведено немало исследований по влиянию физических и психических пыток на их жертвы.

— Различие как раз в том, о чем ты говоришь, — остановил он меня, — они жертвы, а не воины. Было время, когда я чувствовал так же, как и ты. Я расскажу тебе, что заставило меня измениться, а пока вернемся опять к тому, что я сказал относительно времени конкисты. Видящие того периода не могли бы найти лучшей почвы: испанцы были теми мелочными тиранами, которые испытывали мастерство видящих до предела. После такого взаимодействия с завоевателями видящие получили способность встретиться с чем угодно. Им повезло — в то время повсюду были мелочные тираны.

— После этих замечательных лет изобилия все слишком изменилось. Мелочные тираны никогда больше не имели таких возможностей: только в те времена их власть была неограниченной. А великолепным ингредиентом в сознании совершенного видящего является мелочный тиран с неограниченными полномочиями.

В наше время, к сожалению, видящим приходится идти на крайние меры, чтобы найти достойного. Большую часть времени приходится удовлетворяться мелюзгой.

— Нашел ли ты себе мелочного тирана, дон Хуан?

— Мне повезло: нашелся тиран королевского достоинства, хотя в то время я чувствовал себя, как ты — я не считал себя счастливым.

Дон Хуан сказал, что божий суд над ним начался за пять недель до того, как он встретил своего благодетеля. Ему тогда было около двадцати лет. Он получил работу на сахарном заводе в качестве подсобного рабочего. Он всегда был очень сильным, поэтому ему не составляло труда найти работу, требующую крепких мышц. Однажды, когда он переносил тяжелые мешки с сахаром, подошла какая-то женщина. Она была очень хорошо одета, и, казалось, что она из богатых. Ей было, видимо, за пятьдесят, сказал дон Хуан, и выглядела она весьма властной. Она посмотрела на дону Хуана, а затем сказала что-то надсмотрщику и ушла. Тогда к дону Хуану подошел надсмотрщик и сказал, что за некоторую плату он рекомендовал бы его для работы в доме хозяина. Дон Хуан ответил ему, что у него нет денег. Надсмотрщик усмехнулся и сказал, что у него будет полно денег в день получки, он похлопал дону Хуана по спине и заверил его, что это большая честь работать на босса.

Дон Хуан сказал, что будучи примитивным индейцем, который и пищу-то засовывал в рот просто рукой, он не только поверил каждому слову, но и подумал, что добрая фея коснулась его. Он пообещал надсмотрщику заплатить, сколько тот хочет. Тот назвал большую сумму, которую следует выплачивать по частям.

Сразу после этого надсмотрщик сам отвел дону Хуана к дому, который находился довольно далеко за городом, и передал его там другому надсмотрщику — громадному, мрачному и грязному человеку, который задал кучу вопросов. Он хотел знать относительно семьи дону Хуана. Тот ответил, что у него ее нет. Человек так обрадовался, что даже улыбнулся, обнажая гнилые зубы. Он пообещал дону Хуану, что они будут ему платить достаточно, так что он сможет накопить денег, поскольку ему не придется вообще их тратить, потому что он будет жить и есть в доме.

То, как этот человек засмеялся, было устрашающим. Дон Хуан понял, что нужно немедленно бежать. Он отправился к воротам, но человек стал на пути с револьвером в руке. Он взвел курок и приставил револьвер к животу дону Хуана. «Ты здесь для того, чтобы сработаться до костей, — сказал он. — и не забывай этого». Он избил дону Хуана полицейской дубинкой, а затем отвел его в сторону дома, заметив, что заставляет людей работать без передышки от рассвета до заката, и приказал дону Хуану выкорчевать два громадных пня. Он сказал также дону Хуану, что если тот когда-нибудь еще попытается убежать или пожалуется властям, он застрелит его, а если все же дону Хуану удастся ускользнуть, он поклянется в суде, что дон Хуан пытался убить хозяина. «Ты будешь работать здесь пока не сдохнешь, — сказал тот. — тогда другой индеец займет твое место так же, как ты пришел на место умершего индейца».

Дон Хуан сказал, что дом выглядел, как крепость, с людьми, вооруженными мачете, повсюду. Поэтому он занялся работой, стараясь не думать о своих затруднениях. В конце дня тот же человек вернулся и пинками загнал его на кухню, потому что ему не понравился вызывающий взгляд дону Хуана. Он угрожал перерезать жилы на его руках, если дон Хуан не будет ему повиноваться.

На кухню старуха принесла пищу, но дон Хуан был так расстроен и напуган, что не мог есть. Старуха посоветовала ему есть побольше: «ты должен быть сильным, — сказала она, — потому что работе не будет конца». Она предупредила его, что человек, выполнявший его работу, умер только за день до этого. Он был слишком слаб, чтобы работать, и выпал из окна третьего этажа.

Дон Хуан сказал, что так он работал в доме хозяина в течение трех недель, и что тот человек каждый день запугивал его по всякому поводу. Он заставлял его работать в наиболее опасных условиях, делать невообразимо тяжелую работу под постоянной угрозой ножа, револьвера или полицейской дубинки. Ежедневно он посылал его чистить конюшню, когда там находились беспокойные жеребцы. В начале каждого дня дон Хуан думал, что это его последний день на земле, а выживание означало только то, что завтра он попадет в тот же ад.

Конец ускорило то, что дон Хуан попросил разрешения отлучиться на время. Предлогом было то, что он должен пойти в город, чтобы заплатить надсмотрщику сахарного завода деньги, которые должен. Но его надсмотрщик сказал ему, что дон Хуан не может откладывать свою работу ни на минуту, так как он по уши в долгу за привилегию работать там. Дон Хуан понял, к чему тот клонит: он понял маневр этих людей. Они сговорились получать с завода примитивных индейцев, загонять их до смерти и делить их заработок. Эта мысль его так разозлила, что он бросился с криком через кухню и попал в главное здание. Надсмотрщик и другие рабочие были захвачены врасплох неожиданностью. Он выбежал из парадной двери и убежал, однако надсмотрщик догнал его на дороге и ранил в грудь. Он оставил его умирать.

Дон Хуан сказал, что умереть не было его судьбой: там его нашел его благодетель и выхаживал до тех пор, пока он не поправился.

— Когда я рассказал своему благодетелю всю историю, — продолжал дон Хуан, — тот едва смог сдержать свое возбуждение. «Этот надсмотрщик — настоящая находка, — сказал мой благодетель. — он слишком хорош, чтобы его потерять, поэтому когда-нибудь тебе придется вернуться в тот дом».

— Он бредил от моей удачи — находки такого, одного на миллион, мелочного тирана с почти неограниченной властью. Я думал, что старик рехнулся. Прошли годы, прежде чем я полностью понял, о чем он говорил.

— Это одна из самых ужасных историй, какую я когда-либо слышал, — сказал я. — ты действительно вернулся в тот дом?

— Конечно, я вернулся — через три года. Мой благодетель был прав: такие мелочные тираны, как этот, встречаются один на миллион, и его нельзя было упустить.

— Как же тебе удалось вернуться?

— Мой благодетель разработал стратегию с использованием четырех атрибутов воинственности: контроля, дисциплины, терпения и своевременности.

Дон Хуан сказал, что его благодетель, объясняя ему, что он должен делать, чтобы воспользоваться выгодой от встречи с человеком-людоедом, рассказал ему также о том, что новые видящие считают четырьмя ступенями на пути знания. Первый шаг — это решимость стать учеником. После того, как ученик изменит свой взгляд на мир и на себя, он делает второй шаг и становится воином, то есть способным к предельной дисциплине и контролю над собой. С третьим шагом, овладев терпением и своевременностью, он становится человеком знания. Когда человек знания научится видеть, он делает четвертый шаг и становится видящим.

Его благодетель подчеркнул то, что дон Хуан уже достаточно долго был на пути знания для овладения минимумом первых двух атрибутов — контроля и дисциплины. Дон Хуан отметил, что оба эти атрибута относятся к внутреннему состоянию. Воин самоорганизован, но не в эгоистическом смысле, а в отношении полного и непременного исследования себя.

— В то же время я был огражден от двух других атрибутов, — продолжал дон Хуан. — терпение и своевременность — это не просто внутреннее состояние. Они находятся в области человека знания. Мой благодетель показал мне их через свою стратегию.

— Означает ли это, что ты не смог бы встретиться с мелочным тираном сам по себе? — спросил я.

— Я уверен, что смог бы сделать это и сам, хотя всегда сомневался в том, что я смог бы выполнить это с блеском и радостью. Мой благодетель просто наслаждался случаем направлять это. Идея использования мелочных тиранов нужна не только для совершенствования духа воина, но и для наслаждения и счастья.

— Как может кто-либо получать наслаждение от чудовища, которое ты описал?

— Он ничто по сравнению с настоящими чудовищами, с которыми встретились новые видящие во времена конкисты. По всем указаниям те видящие осуществляли с ними даже

непристойные сделки. Они доказали, что даже наихудшие тираны могут привести в восторг при условии, что сам ты — воин.

Дон Хуан объяснил, что ошибка, которую совершают обычные люди при встрече с мелочными тиранами, состоит в том, что они не имеют стратегии отступления. Фатальный дефект заключается в том, что средние люди принимают себя слишком всерьез. Их действия и чувства, так же как и у мелочных тиранов, всепоглощающи. Воины, с другой стороны, не только имеют хорошо обдуманную стратегию, но к тому же свободны от чувства собственной важности. Их чувство собственной важности ограничивает то, что они поняли: реальность это та интерпретация, которую мы даем. Это знание было их решительным преимуществом перед простоватыми испанцами.

Он сказал, что был убежден в том, что сможет победить надсмотрщика, используя единственно лишь осознание того, что мелочные тираны принимают себя слишком серьезно, а воины — нет. Поэтому, следуя стратегическому плану своего благодетеля, дон Хуан опять получил работу на том же сахарном заводе. Никто не помнил, что он уже работал здесь в прошлом. Поденщики приходили на сахарный завод и уходили бесследно.

Стратегия его предусматривала, что дон Хуан будет к услугам того, кто придет за очередной жертвой. Случилось так, что та же самая женщина пришла и остановила его, как это было несколько лет назад. Теперь он был еще сильнее физически.

Началась та же процедура, однако стратегия предусматривала отказ от платы надсмотрщику с самого начала. Этот человек никогда не получал отказ и потому опешил. Он стал угрожать, что уволит дону Хуана с работы. В ответ дон Хуан пригрозил ему, что сам пойдет к дому госпожи и расскажет ей. Дон Хуан знал, что женщина, жена владельца завода, не знала, что вытворяли эти два надсмотрщика. Он сказал надсмотрщику, что знает где она живет, поскольку работал на близлежащих плантациях, заготавливая сахарный тростник. Этот человек начал торговаться, и дон Хуан потребовал от него денег прежде, чем он примет предложение пойти в дом хозяина. Надсмотрщик сдался и дал ему несколько бумажек. Дон Хуан прекрасно сознавал, что сговорчивость надсмотрщика — это только хитрость, чтобы заставить его идти в тот дом.

— Наконец, тот же самый надсмотрщик привел меня опять в тот же дом, — сказал дон Хуан. — это была старинная усадьба, владельцем которой был человек с сахарного завода, богач, который либо знал, что происходит, но не интересовался этим, либо был настолько безразличен, что даже не замечал этого.

— Как мы только прибыли туда, я побежал в дом, чтобы повидать госпожу. Я нашел ее, бросился на колени и поцеловал руку в знак благодарности. Оба надсмотрщика побагровели.

Надсмотрщик в доме действовал тем же образом, что и прежде, но у меня была соответствующая экипировка для борьбы с ним: у меня были контроль, дисциплина, терпение и своевременность. Вышло так, как предусмотрел мой благодетель. Мой контроль позволял мне выполнять самые идиотские требования этого человека. Что действительно истощает нас в таких ситуациях, так это вздохи и ахи от чувства собственной важности. Каждый, у кого есть хоть на йоту гордости, будет разорван на части от чувства своего ничтожества.

Я всецело делал все, что он от меня требовал. Я был радостен и полон сил и совсем не беспокоился ни о своей гордости, ни о своем страхе. Я был там как безукоризненный воин: настройка духа, когда кто-то попирает тебя, называется контролем.

Дон Хуан объяснил мне, что стратегия его благодетеля требовала вместо того, чтобы чувствовать огорчение за себя, как было у него раньше, приступить немедленно к работе, составляя карту сильных сторон тирана, его слабостей и причуд.

Он обнаружил, что сильнейшими сторонами тирана была насильственная природа его и смелость — ведь он выстрелил тогда в дону Хуана днем и прямо на глазах множества свидетелей. Его главной слабостью было то, что ему нравилась его служба и он не хотел подвергать себя опасности потерять ее, поэтому ни при каких обстоятельствах он не попытается убить дону Хуана внутри усадьбы в дневное время. Другой его слабостью было то, что он был семейным: у него были жена и ребенок, которые жили в лачуге вблизи дома.

— Собрать всю эту информацию, пока тебя избивают, называется дисциплиной, — сказал дон Хуан. — этот человек был сущим дьяволом — он не знал пощады. Согласно взглядам новых видящих, деяния совершенного мелочного тирана не могут быть искуплены. Дон Хуан сказал, что два других атрибута воинственности, терпение и своевременность, которыми он еще не обладал, автоматически содержались в стратегии его благодетеля. Терпение — это бесстрастное ожидание: ни спешки, ни тревоги, просто поддержание того, что должно.

— Я пресмыкался ежедневно, — продолжал дон Хуан, — иногда плача от ударов бича, и все же я был счастлив. Стратегия моего благодетеля была тем, что позволяло мне переходить от одного дня к другому без ненависти, я был воином. Я знал, что выжидаю, и знал, чего жду. В этом и состоит великая радость воинственности.

Он добавил, что стратегия его благодетеля была направлена на то, чтобы систематически изводить этого человека, находя прикрытие высшего порядка, так же, как это делали видящие периода конкисты, которые прикрывали себя поддержкой церкви. Простой священник бывает иногда более могущественным, чем дворянин.

Шитом дона Хуана была госпожа, нанявшая его на службу. Он преклонял перед ней колена и называл святой всякий раз, когда видел. Он упросил ее подарить ему медальон с изображением ее святого покровителя, чтобы он мог молиться ему о ее здоровье и благополучии.

— Она мне дала такой медальон, — продолжал дон Хуан, — и это вывело из себя надсмотрщика. А когда я настроил слуг молиться по ночам, у него случился почти сердечный приступ. Я думаю, что тогда он и решил убить меня — он не мог мне позволить действовать так дальше.

Как противодействие я организовал службу по четкам среди всех слуг дома. Хозяйка думала, что я совершаю дела благочестивого человека.

После этого я уже не мог спокойно спать, и я не спал больше в своей кровати. Каждую ночь я залезал на крышу. Оттуда я видел этого человека, дважды искавшего меня среди ночи с убийством в глазах.

Ежедневно он посылал меня чистить конюшни, надеясь, что я буду раздавлен насмерть, но у меня была перегородка из крепких досок, которой я загораживал один из углов и прятался за ней. Этого он не знал, так как его тошнило от

Лошадей — еще одна его слабость, наиболее смертельная из всех, как потом оказалось.

Дон Хуан сказал, что своевременность — это качество, которое управляет освобождением всего, что подготовлено. Контроль, дисциплина и терпение подобны дамбе, за которой все собрано. Своевременность — шлюз этой дамбы.

Этот человек знал только насилие, с помощью которого он терроризировал. Если нейтрализовать это насилие, он становился почти беспомощен. Дон Хуан знал, что этот человек не осмелится убить его на виду у всего дома, поэтому однажды, в присутствии других рабочих и, конечно, на глазах своей госпожи, дон Хуан оскорбил его. Он назвал его трусом, который боится жены хозяина.

Стратегия его благодетеля призывала быть начеку в ожидании такого момента, когда можно опрокинуть столы на мелочного тирана, неожиданные вещи всегда так происходят: нижайший из рабов неожиданно дурачит тирана, насмехается над ним, делает его смешным перед лицом значительных свидетелей, а затем убегает, не дав тирану времени на отмщение.

— Мгновение спустя этот человек обезумел от ярости, а я уже преданно преклонил колени перед госпожой, — продолжал дон Хуан.

Дон Хуан сказал, что когда госпожа вошла в дом, этот человек и его друзья позвали его на задний двор, якобы для выполнения какой-то работы. Этот человек был бледен — он побелел от гнева. По звуку его голоса дон Хуан знал, что он действительно собирается сделать. Дон Хуан притворился согласным, однако вместо того, чтобы идти на задний двор, он побежал в конюшню. Он надеялся, что лошади поднимут такой грохот, что хозяевам придется выйти, чтобы посмотреть, в чем дело. Он знал, что в этом случае тот человек не осмелится убить его: это было бы слышно, а страх того человека потерять службу был слишком обезоруживающим. Дон Хуан знал также, что он не войдет к лошадям, если его не вывести совершенно из себя.

— Я заскочил в стойло к наиболее дикому жеребцу, — сказал дон Хуан, — а мелочный тиран, ослепленный гневом, вынул нож и заскочил за мной. Я тотчас скрылся за перегородкой. Конь лягнул его разок, и на этом все было кончено.

Я провел шесть месяцев в этом доме и за это время изучил на своем опыте четыре атрибута воинственности. Благодаря им я преуспел. Ни разу я не пожалел себя и не заплакал от чувства оскорбленного достоинства. Я был весел и безмятежен мой контроль и дисциплина были так же остры, как всегда, и у меня были личные свидетельства того, что терпение и своевременность делают для безупречных воинов. И я ни разу не пожелал смерти этому человеку.

Мой благодетель объяснил мне нечто весьма интересное. Терпение означает удержание в духе того, о чем воин знает, что это справедливо. Это не означает, что воин ходит вокруг, строя злобные интриги или планируя свести старые счета. Терпение — это нечто

независимое. Когда воин обрел контроль, дисциплину и своевременность, тогда терпение обеспечивает то, что должно произойти с тем, кто этого заслуживает.

— Бывает ли так, что мелочные тираны выигрывают и убивают воина, столкнувшегося с ними? — спросил я.

— Конечно. Было время, когда воины гибли, как мухи, — в начале конкисты. Их ряды поредели. Мелочные тираны могли любого придать смерти по прихоти. Под действием такого рода давления видящие достигли тончайших состояний.

Дон Хуан сказал, что это было время, когда оставшиеся в живых видящие должны были доводить себя до предела, чтобы найти новые пути.

— Новые видящие использовали мелочных тиранов, — сказал дон Хуан, пристально глядя на меня, — не только для того, чтобы освободиться от чувства собственной важности, но и для исполнения сложного маневра — выведения себя из этого мира. Ты поймешь этот маневр по мере того, как мы будем продвигаться в обсуждении искусства сознания и управления им.

Я сказал дону Хуану, что хотел бы знать, могут ли в наше время мелочные тираны, которых он называет «мелюзгой», победить все же воина.

— Во все времена, — ответил он. — последствия, конечно, не столь страшны, как в те отдаленные времена. Сейчас очевидно, что воины имеют шанс справиться или спастись и вернуться позже. Но есть и другая сторона этой проблемы: быть побежденным «мелюзгой» не смертельно, но разрушительно. Степень смертности, фигурально говоря, почти так же велика. Под этим я подразумеваю, что воин, скончавшийся под действием мелюзгового тиранчика, раздавлен в буквальном смысле слова своим собственным поражением и бесполезностью. Это и означает для меня «высокую смертность».

— Как ты определяешь поражение?

— Всякий, кто присоединяется к мелочным тиранам, потерпел поражение. Действовать в гневе, без контроля и дисциплины, не иметь терпения — это означает потерпеть поражение.

— Что случается после того, как воин потерпел поражение?

— Он либо перестраивается, либо оставляет поиск знания и присоединяется к рядам мелочных тиранов в обыкновенной жизни.

3. ЭМАНАЦИИ ОРЛА

На другой день дон Хуан и я вышли на прогулку по дороге, ведущей в город Оаксаку. В это время дорога была пустынной. Было два часа дня. Мы неторопливо двигались, и дон Хуан совершенно неожиданно начал беседу. Он сказал, что наш разговор относительно мелочных тиранов был просто введением к теме сознания. Я заметил, что он открыл мне новую перспективу. Он попросил меня объяснить, что же я понял.

Я сказал ему, что он положил конец тому спору, который мы вели несколько лет назад относительно индейцев яки. В процессе изложения своих учений для правой части он пытался мне рассказать о тех преимуществах, которые могли бы найти индейцы яки в притеснении. Я тогда страстно спорил и говорил, что невозможно найти преимущества в том извращенном положении, в каком они живут. И я сказал ему, что не могу понять, как он сам, будучи индейцем яки, не реагировал против этой явной несправедливости.

Он выслушал внимательно, а затем, когда я был уверен, что он будет защищать свою точку зрения, он согласился с тем, что условия жизни индейцев яки действительно извращены. Но он отметил, что в этом отношении бесполезно выделять индейцев яки, потому что условия жизни всех людей вообще ненормальны.

— Не огорчайся за бедных индейцев яки, — сказал тогда он, — подумай обо всем человечестве. А относительно индейцев яки я могу сказать, что они из счастливейших: они подавлены и благодаря этому некоторые из них в конце могут выйти победителями, а угнетатели, мелочные тираны, подавившие их, не имеют ни шанса даже в аду.

Я немедленно ответил на это градом политических лозунгов — я совсем не понял его точки зрения. Он опять пытался изложить мне всю концепцию мелочных тиранов, но все это прошло мимо меня. И только теперь все встало на свое место.

— Ничего еще не стало на свое место, — сказал он, посмеиваясь над тем, что я рассказал ему. — завтра, когда ты будешь в своем нормальном состоянии сознания, ты даже не вспомнишь о том, что сейчас понял.

Я почувствовал себя совершенно подавленным, потому что знал, что он прав.

— То, что происходит сейчас с тобой, было и со мной, — продолжал он. — мой благодетель, нагваль Хулиан, заставлял меня понять в состоянии повышенного сознания то, что ты осознал относительно мелочных тиранов, и я кончил тем, что в своей повседневной жизни изменил свое мнение, сам не зная почему.

— Я всегда был угнетаемым, поэтому у меня была реальная злоба по отношению к своим угнетателям. Вообрази себе мое удивление, когда я обнаружил, что ищу компании мелких тиранов — я подумал, что сошел с ума.

Мы дошли до места на той стороне дороги, где оставались полупогребенными старым обвалом несколько больших валунов. Дон Хуан направился к ним и сел на плоский камень. Он жестом указал мне сесть рядом, лицом к нему, и сразу без всяких предисловий начал объяснения относительно искусства управления сознанием. Он сказал, что есть ряд истин, которые были открыты видящими, древними и новыми, относительно сознания, и что эти истины были выстроены в определенной последовательности с целью их понимания.

Он объяснил, что мастерство управления сознанием состоит в усвоении всей последовательности таких истин. И первая истина состоит в том, что наше знакомство с воспринимаемым нами миром принуждает нас верить, что мы окружены предметами, существующими сами по себе и независимо, так, как мы их воспринимаем, тогда как в действительности нет мира предметов, а есть вселенная эманаций Орла. Он сказал также, что прежде, чем он объяснит мне эманации Орла, он должен рассказать мне относительно неведомого и непостижимого.

Он сказал также, что прежде, чем он объяснит мне эманации Орла, он должен рассказать мне относительно неведомого и непостижимого. Он сказал, что большинство истин относительно сознания открыты древними видящими, однако порядок их расстановки выработан новыми видящими, а без этого порядка они почти непостижимы.

Он сказал, что отсутствие поиска порядка — одна из величайших ошибок древних видящих. Смертельным следствием этого явилось допущение того, что неведомое и непостижимое — это одно и то же. И только новые видящие исправили эту ошибку. Они установили границы и определили неведомое как нечто, скрытое от человека, одетое, возможно, устрашающим образом, однако находящееся все-таки в пределах человеческой досягаемости. Неведомое в свое время становится известным. Непостижимое, с другой стороны — это неопишное, немислимое, неосуществимое. Это что-то такое, что никогда не будет нам известно, однако это что-то есть там — ослепляющее и в то же время устрашающее в своей огромности.

— Как могут видящие сделать это различие? — спросил я.

— Есть простое правило большого пальца, — сказал он. — перед лицом неведомого человек предприимчив: свойство неведомого — вселять в нас чувство надежды и счастья. Человек чувствует себя крепким и оживленным — даже опасения, которые оно вызывает, содержат что-то многообещающее. Новые видящие увидели, что человек выявляет свои лучшие качества перед лицом неведомого.

Он сказал далее, что когда за неведомое принимается непостижимое, результаты разрушительны. Видящие чувствуют себя опустошенными, запутавшимися, ужасная подавленность овладевает ими: их тело теряет тонус, их разум и трезвость блуждают, так как у непостижимого совершенно отсутствуют энергетизирующие эффекты. Оно за пределами человеческой досягаемости и в него не следует вторгаться по глупости или даже с предосторожностями. Новые видящие осознали, что в этом случае следует быть готовыми заплатить невероятную цену за легчайший контакт с ним.

Дон Хуан объяснил, что новым видящим, чтобы победить, пришлось преодолеть ужасные барьеры старой традиции. И в то же время, когда начался новый цикл, никто из них определенно не знал, какие процедуры из этой огромной традиции правильны, а какие нет. Очевидно было, что что-то не так со старыми видящими, однако новые не знали, что именно. Они начали с предположения, что все, что делали их предшественники, ошибочно. Эти древние видящие были мастерами догадок, например, они допустили, что их способность видеть оберегает их. Они думали, что они неприкосновенны, и это длилось до тех пор, пока завоеватели не раздавили их и не предали многих из них страшной смерти. У древних видящих вообще не было никакой защиты, хотя они были полностью уверены, что неуязвимы.

Новые видящие не стали попусту терять время на размышления о том, что же случилось. Вместо этого, они начали набрасывать карту неведомого, чтобы выделить его из непостижимого.

— Как они стали картографировать неведомое, дон Хуан? — спросил я.

— Посредством контролируемого использования видения, — ответил он.

Я сказал, что, задавая вопрос, я намеревался узнать, что представляет собой картографирование неведомого. Он ответил, что картографировать неведомое — значит делать его доступным нашему восприятию. Постоянно практикуя видение, новые видящие обнаружили, что неведомое и ведомое в действительности лежат на одном и том же

фундаменте, поскольку оба они находятся в пределах человеческого восприятия. В действительности видящие могут в любой момент оставить известное и войти в неведомое.

А то, что находится за пределами нашей способности восприятия, это непостижимое. И различие между ним и неведомым критическое. Путаница между ними может поставить видящих в очень опасное положение при встрече с непостижимым.

— Когда это произошло с древними видящими, — продолжал дон Хуан. — они решили, что не сработали их процедуры: им никогда не приходило в голову, что большинство из того, чем они занимались, находится за пределами нашего понимания. И это было ужасной ошибкой с их стороны, за которую они дорого заплатили.

— Что случилось после того, как различие между неведомым и непостижимым было осознано? — спросил я.

— Начался новый цикл, — ответил он. — это различие и является границей между новым и старым: все, что сделали новые видящие, исходит из понимания этого различия.

Дон Хуан сказал, что видение является критическим элементом в разрушении мира древних видящих и в реконструкции новых взглядов. Именно через видение новые видящие открыли некоторые неопровержимые факты, которыми они воспользовались, чтобы прийти к определенным, революционным для них выводам относительно природы мира и человека. Эти выводы, позволившие начать новый цикл, и были теми истинами, которые дон Хуан излагал мне относительно сознания.

Дон Хуан пригласил меня сопровождать его в центр города для прогулки вокруг площади. По пути мы стали беседовать о машинах и разных тонких инструментах. Он сказал, что инструменты — это продолжение наших органов чувств, а я настаивал на том, что есть инструменты и не из этой категории, поскольку они выполняют функции, которые мы физиологически не в состоянии выполнить.

— Наши органы чувств способны на все, — заверил он.

— Я могу дать тебе подходящий пример, — сказал я. — есть инструменты, способные принимать радиоволны, приходящие из космоса, а наши чувства не могут их улавливать.

— Я убежден в другом, — сказал он. — я думаю, что наши чувства могут уловить все, что находится в нашем окружении.

— Ну, а как насчет ультразвука? — настаивал я. — у нас нет органического снаряжения, чтобы слышать его.

— Видящие убеждены, что мы коснулись пока очень малой части самих себя, — ответил он.

Он погрузился на время в размышления, как бы пытаясь решить, что сказать дальше. Затем он улыбнулся.

— Первой истиной относительно сознания, как я уже сказал тебе, — начал он. — Является то, что окружающий нас мир совсем не таков, как мы думаем. Мы думаем, что это мир вещей, а он таким не является.

Он помедлил, как бы оценивая эффект своих слов. Я сказал ему, что согласен с этой предпосылкой, поскольку все можно свести к полю энергии. Он сказал, что я интуитивно почти проник в истину, однако выразить — это не значит проверить. Он сказал, что его не интересует мое согласие или несогласие, а интересует моя попытка понять, что содержится в этой истине.

— Ты не можешь быть свидетелем поля энергии, — продолжал он. — по крайней мере, как средний человек, однако если бы ты был способен видеть его, ты был бы видящим и в этом случае ты объяснял бы истины сознания. Понимаешь ли ты то, что я говорю?

Далее он сказал, что выводы, к которым мы приходим рациональным путем, имеют очень мало влияния на изменение нашего жизненного пути. Поэтому так бесконечно велико число людей, имеющих яснейшие убеждения, однако действующих все время вопреки им. Единственным оправданием для себя они считают то, что «человеку свойственно ошибаться».

— Первой их истиной является убеждение, что мир таков, каким кажется, однако это не так: он не так прочен и реален, как нас пытается убедить наше восприятие, однако он не призрак. Мир — это не иллюзия, как о нем иногда говорят, он реален с одной стороны и не реален с другой. Обрати на это особое внимание, поскольку это следует понять, а не просто принять. Мы воспринимаем — это твердый факт, однако же, что мы воспринимаем, это факт не того же рода, поскольку мы учимся тому, что воспринимать.

Что-то оттуда действует на наши чувства — это та часть, которая реальна. Нереально то, что наши органы чувств говорят нам об этом. Возьмем, например, гору. Наши органы чувств говорят нам, что это объект: он имеет размеры, цвет, форму. Мы даже разбиваем горы по категориям, и это, пожалуй, верно. Относительно этого пока все верно, дефект только в том, что нам никогда не приходит в голову, что наши органы чувств играют лишь

поверхностную роль, а наши чувства воспринимают так потому, что особая черта нашего сознания заставляет их делать это.

Я опять начал соглашаться с ним, но не потому, что хотел этого, я не вполне понял его аргументы, скорее всего я просто среагировал на угрожающую обстановку. Он остановил меня.

— Я воспользовался словом «мир», — продолжал дон Хуан. — для обозначения всего, что окружает нас. У меня есть, конечно, лучший термин, но он будет для тебя малопонятным. Видящие говорят, что мы думаем, что это мир предметов только потому, что таково наше сознание. Но то, что реально там находится, так это эманации Орла — текущие, всегда в движении, и все же неизменные, вечные.

Когда я захотел спросить его, что же представляют собой эманации Орла, он остановил меня жестом. Он пояснил, что одно из наиболее драматических открытий, которое нам завещали древние видящие, то, что смыслом существования всех чувствующих существ является рост сознания. Дон Хуан назвал это колоссальным открытием.

В полушутливом тоне он спросил меня, не знаю ли я лучшего ответа на этот вопрос, который всегда преследовал человека — вопрос о смысле нашего существования. Я встал незамедлительно в защитную позицию и начал говорить о бессмысленности постановки этого вопроса, поскольку на него нет логического ответа. Я сказал ему, что для того, чтобы обсудить этот предмет, нам следовало бы поговорить о религиозных верованиях и обратить все это в дело веры.

— Древние видящие не просто говорили о вере, — сказал он. — хотя они и не были столь практичны, как новые видящие, однако они были достаточно практичны, чтобы понять то, что видят. То, на что я хотел обратить внимание своим вопросом, так сильно тебя расстроившим, состоит в том, что только наша рациональность не может подойти к этому вопросу о смысле нашего существования. Всякий раз, когда она это делает, ответ превращается в дело веры. Древние видящие пошли другим путем и нашли ответ, который основан не только на вере.

Он сказал, что древние видящие, встречаясь с несказанными препятствиями, в действительности видели ту неописуемую силу, которая является источником всех чувствующих существ. Они называли ее орлом, поскольку в тех немногих взглядах украдкой, какие они могли вынести, они видели ее в виде чего-то, напоминающего пестрого черно-белого Орла бесконечной протяженности.

Они видели, что этот орел наделяет сознанием, орел творит чувствующие существа так, чтобы они могли жить и обогащать сознание, данное им вместе с жизнью. Они также увидели, что орел пожирает это самое обогащенное сознание после того, как чувствующие существа лишаются его в момент смерти.

— Для древних видящих, — продолжал дон Хуан. — сказать, что смыслом существования является рост сознания, не было вопросом веры или дедукции — они видели это.

Они видели, что сознание чувствующих существ улетает в момент смерти и воспаряет, как светящаяся паутинка, прямо к клюву Орла, чтобы быть поглощенным. Для древних видящих это было доказательством того, что чувствующие существа живут только для того, чтобы обогатить сознание, то есть пищу Орла.

Дону Хуану пришлось прервать объяснения, так как ему пришлось отлучиться на короткое время по делам. Нестор отвез его в Оаксаку. Видя их отъезжающими, я вспомнил, что в начале моей связи с доном Хуаном каждый раз, когда он упоминал об отъезде по делам, я думал, что это благовидный предлог для чего-то еще, однако в конце концов я понял, что это было действительно то, о чем он говорил. Когда предстояла такого рода поездка, он надевал один из многих своих безупречно сшитых костюмов с жилетом и выглядел тогда как угодно, но только не как старый индеец, которого я знал. Я сообщил ему относительно сложности для меня этой его метаморфозы.

— Нагваль — это некто, достаточно гибкий для того, чтобы быть всем, чем угодно, — ответил он тогда. — быть нагвалем, кроме всего прочего, означает также не иметь ничего, что нужно было бы защищать. Запомни это: мы будем возвращаться к этому неоднократно.

Мы действительно возвращались к этому не раз под различными предлогами. Он как будто действительно не имел ничего, что нужно было бы защищать, однако во время его отъезда в Оаксаку у меня появилась тень сомнения в этом. Неожиданно я осознал, что нагваль имеет все-таки один пункт, требующий защиты: описание Орла и его требований, и защита эта, по моему мнению, должна быть страстной.

Я пытался поставить этот вопрос некоторым из компаньонов дона Хуана, но они уклонились от моих попыток. Они сказали, что я, так сказать, нахожусь в карантинном положении по отношению к такого рода обсуждениям до тех пор, пока дон Хуан не

закончит свои объяснения. Сразу, как только он вернулся, мы сели для беседы, и я спросил его об этом.

— Эти истины не являются чем-то, что требует страстной защиты, — ответил он. — если ты думаешь, что я собираюсь их защищать, ты ошибаешься. Эти истины сгруппированы вместе для восторга и просветления воинов, а не для возбуждения каких-то собственнических чувств. Когда я сказал тебе, что нагвалю нечего защищать, я имел в виду, между прочим, что у нагваля нет страстных привязанностей.

Я сказал ему, что не следую его учению, поскольку одержим описанием Орла и его действий. Я все время возвращаюсь к ужасу этой идеи.

— Это не идея, — сказал он. — это факт, и я могу сказать — устрашающий факт, если ты спросишь меня об этом. Новые видящие не играют просто в идеи.

— Но какого же рода силой может быть орел?

— Я не знаю, как ответить на это: орел для видящих так же реален, как для тебя тяготение и время, и так же абстрактен и непостижим.

— Подожди минутку, дон Хуан. Это действительно абстрактные понятия, однако они относятся к реальным явлениям, которые подтверждаются. Есть целые отрасли знания, посвященные этому.

— Орел и его эманации равным образом имеют подтверждение, — возразил дон Хуан. — а исследования новых видящих как раз этому и посвящены.

Я попросил его объяснить, что же представляют собой эманации Орла. Он ответил, что эманации Орла — это невыразимые вещи в себе, охватывающие все существующее — познаваемое и непознаваемое.

— Невозможно описать словами, что представляют собой эманации Орла, — продолжал дон Хуан. — видящие должны стать свидетелями этого.

— Был ли ты сам их свидетелем, дон Хуан?

— Конечно был, и все же я не могу сказать тебе, что они такое. Они являются присутствием, почти как масса своего рода, как давление, создающее ослепительное ощущение. Можно схватить лишь их отблеск, так же, как можно схватить лишь отблеск Орла.

— Мог бы ты сказать, дон Хуан, что орел является источником своих эманаций? — я имею в виду, так ли это визуально?

— В орле нет ничего визуального — все тело видящего ощущает Орла. В каждом из нас есть что-то, что делает нас свидетелями всем своим телом. Видящие объясняют акт видения Орла в очень простых выражениях: поскольку человек составлен из эманаций Орла, ему следует обратиться только к собственным составляющим. Проблема возникает с сознанием, — ведь именно его сознание удушено и спутано. В критический момент, когда должен быть простейший случай признания эманациями самих себя, человеческое сознание принуждено интерпретировать. В результате получается видение Орла и его эманаций, однако нет ни Орла, ни его эманаций, а есть нечто, чего ни одно живое существо не в состоянии уловить.

Я спросил его, не потому ли источник эманаций называют орлом, что орлы вообще рассматриваются как важный символический образ.

— Это просто пример того, когда нечто непостижимое смутно напоминает что-то известное, — ответил он. — по этой причине, конечно, и были сделаны попытки наделить орлов атрибутами, которых у них нет. Это случается всегда, когда впечатлительные люди учатся исполнению акта, требующего великой трезвости. А видящие входят во все размеры и формы.

— Означает ли это, что есть различные роды видящих?

— Нет, я имею в виду просто то, что есть достаточно безумцев, становящихся видящими — видящими, полными слабостей, или, лучше сказать, людей со слабостями, способных стать видящими. Они похожи на тех несчастных, которые стали «выдающимися» учеными.

Характерной чертой несчастных видящих является то, что они хотят забыть чудеса мира. Они переполнены тем, что они видящие, и полагают, что это их добрый гений. На самом деле видящий должен быть образцом, чтобы преодолеть непобедимую слабость нашего человеческого положения. Еще более важным, чем видение, является то, что видящие делают с тем, что они видящие.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— Взгляни на то, что некоторые видящие сделали с нами: мы оказались пригвожденными их видением Орла, правящего нами и пожирающего нас в момент смерти.

Он сказал, что в этом видении есть определенная слабость, и что лично он не поддерживает идею чего-то пожирающего нас. Для него более точно было бы сказать, что есть сила, притягивающая наше сознание, подобно тому, как магнит притягивает железо. В

момент смерти все наше существо распадается под воздействием этой громадной силы притяжения. Интерпретацию этого момента, как пожирание нас орлом, он считает гротеском, поскольку это обращает неопишуемый акт во что-то столь повседневное.

— Я очень посредственный человек, — сказал я. — описание Орла, пожирающего нас, произвело на меня сильное впечатление.

— Реальное воздействие можно будет измерить только тогда, когда ты увидишь это сам, — сказал он. — однако ты должен помнить, что наши дефекты остаются с нами даже тогда, когда мы становимся видящими. Так что, когда ты увидишь силу, ты, возможно, согласишься с теми слабыми видящими, которые называют ее орлом, как это делаю я сам. Но, возможно, ты не согласишься: может быть, ты сможешь устоять перед искушением приписать человеческие атрибуты непостижимому и создашь действительно новое, более точное название.

— Видящие, которые видят эманации Орла, часто называют их «командами», — сказал дон Хуан. — я не имел бы ничего против того, чтобы называть их командами, если бы не привык называть их эманациями. Это реакция на предпочтение, которое оказывал этому термину мой благодетель: для него это были «команды». Я думаю, что это слово больше подходило для его силовой личности, чем мне, а мне хочется чего-то безличного. «Команда» звучит для меня слишком по-человечески, однако это то, чем они в действительности являются — командами.

Дон Хуан сказал, что видеть эманации Орла — это накликасть несчастье. Новые видящие вскоре открыли связанные с этим ужасные трудности, но только после больших несчастий при попытках картирования неведомого и отделения его от непостижимого они все же осознали, что все сделано из эманаций Орла. Лишь малая часть этих эманаций находится в пределах досягаемости человеческого сознания, но даже эта малая часть уменьшается дальше под действием ограничений нашей повседневной жизни. Именно эта ничтожная часть эманаций Орла и становится ведомым, немного большая часть, вообще доступная человеку — неведомым, а неисчислимый остаток — непостижимым.

Он продолжил разговор и сказал, что новые видящие, имеющие прагматическую ориентацию, немедленно осознали принуждающую силу этих эманаций. Они поняли, что все живые существа вынуждены пользоваться эманациями Орла, даже не зная, что они такое. Они также поняли, что организмы построены для захвата некоторого диапазона этих эманаций, и каждый вид имеет свой диапазон. Эти эманации оказывают большое давление на организмы, и именно через это давление организмы и строят воспринимаемый ими мир.

— В нашем случае бытия человеческих существ, — сказал дон Хуан. — мы пользуемся этими эманациями и интерпретируем их, как реальность, но то, что человек воспринимает — это только малая доля эманаций Орла, поэтому смешно слишком полагаться на наши органы чувств, и все же для нас невозможно отбросить свое восприятие. Новые видящие обнаружили это трудным путем, пройдя через ужасные опасности.

Дон Хуан сидел на своем обычном месте в большой комнате. Обычно в этой комнате не было мебели: люди сидели прямо на матрацах, положенных на пол, однако Кэрл, женщина-нагваль, позаботилась о том, чтобы снабдить эту комнату очень удобными креслами для наших встреч, когда мы с ней по очереди читали ему из книг испаноязычных поэтов.

— Я хотел бы, чтобы ты ясно осознавал, чем мы занимаемся, — сказал он, как только я сел. — мы обсуждаем искусство управления сознанием. Истины, о которых мы говорим — это принципы этого искусства.

Он добавил, что в своих учениях для правой стороны он уже продемонстрировал эти принципы моему нормальному сознанию с помощью одного из своих компаньонов, Хенаро, и что Хенаро играл с моим сознанием со всем юмором и непочтительностью, на какие способны новые видящие.

— Хенаро — это один из тех, кто должен был бы быть здесь и рассказать тебе об орле, — сказал он. — но с тем исключением, что его версии слишком непочтительны. Он думает, что видящие, назвавшие эту силу орлом, либо слишком тупы, либо сыграли злую шутку, поскольку орлы не только несут яйца, но и откладывают помет.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что он находит замечания Хенаро настолько уместными, что не может не засмеяться. Он добавил, что если бы новым видящим пришлось описать Орла, то это описание наполовину было бы шуткой.

Я сказал дон Хуану, что на одном уровне я принял Орла как поэтический образ, и как таковой, он приводит меня в восторг, однако на другом уровне я принял его буквально, и это устрашает меня.

— Одна из великих сил в жизни воина — это страх, — сказал он. — он пришпоривает в учении.

Он напомнил мне, что описание Орла пришло от древних видящих. Новые видящие покончили с описаниями, сравнениями и догадками любого рода. Они хотели пробиться непосредственно к источнику вещей и, следовательно, подвергали себя при этом беспредельной опасности. Они все же увидели эманации Орла, но никогда не вмешивались в его символическое описание. Они почувствовали, что видение Орла отнимает слишком много энергии, а древние видящие уже дорого заплатили за беглый взгляд на непостижимое.

— Как древние видящие подошли к тому, чтобы описать Орла? — спросил я.

— Им был нужен минимальный набор указаний относительно непостижимого для обучения, — ответил он. — они разрешили эту задачу путем грубого описания силы, правящей всем, что есть, но не ее эманаций, поскольку эти эманации совершенно невозможно передать на языке сравнений. Отдельные видящие могли чувствовать потребность прокомментировать некоторые эманации, но все это осталось в личном плане. Другими словами, не было создано удачной версии для эманаций, как это было сделано в случае Орла.

— Новые видящие, наверно, стали слишком абстрактными, — сказал я. — они ведут себя, как современные философы.

— Нет, новые видящие — это очень практичные люди, — ответил он. — они не занимаются приготовлением рационалистических теорий.

Он сказал, что именно древние видящие и были абстрактными мыслителями: они построили монументальное здание абстракций, свойственных им и их эпохе, и, подобно современным философам, они были неспособны управлять последовательностью событий. Новые видящие, с другой стороны, наполненные стремлением к практичности, сумели увидеть поток эманаций и то, как человек и другие живые существа используют их для конструирования воспринимаемого ими мира.

— Как эти эманации используются человеком, дон Хуан?

— Это настолько просто, что звучит по-идиотски: для видящего люди являются светящимися существами. Наша светимость образована той частью эманаций Орла, которая заключена в нашем яйцеобразном коконе. Эта особая часть, эта горстка заключенных в нем эманаций и есть то, что делает нас людьми. Воспринять — это значит сопоставить эманации, заключенные внутри нашего кокона, с теми, которые находятся вовне.

Видящие могут видеть, например, эманации внутри любого другого существа и сказать, какие из внешних эманаций могут подойти им.

— Подобны ли эманации лучам света? — спросил я.

— Нет, не совсем, это было бы слишком просто. Они — нечто неопишемое. И все же я лично сказал бы, что они подобны волокнам света. А то, что непостижимо обычному сознанию, что эти волокна — сознательные. Я не могу сказать тебе точно, что это значит, потому что сам не знаю, что говорю. Все, что я могу сказать лично, это то, что волокна осознают себя, они живые и вибрирующие и их так много, что числа в этом случае не имеют никакого смысла, и каждое из них — вечность в себе.

4. СВЕТ СОЗНАНИЯ

Мы с доном Хуаном и с доном Хенаро только что вернулись с окрестных гор, где собирали растения. Мы сидели в доме дон Хенаро вокруг стола, когда дон Хуан заставил меня изменить уровень сознания. Дон Хенаро уставился на меня и начал цокать языком. Он сказал, что находит весьма странным, что у меня два совершенно различных стандарта отношений при работе с двумя сторонами сознания. Наиболее очевидным примером этого являются наши с ним отношения. Когда я нахожусь на моей правой стороне, он для меня уважаемый и устрашающий колдун дон Хенаро, человек, чьи непостижимые действия приводят меня в восторг и в то же время смертельно пугают. Когда же я на левой стороне, он просто Хенаро или Хенарито, без всяких «донов» перед именем, очаровательный и добрый видящий, чьи действия совершенно понятны и находятся в точном соответствии с тем, что я сам делаю или пытаюсь сделать.

Я согласился с ним и добавил, что, когда я нахожусь в своей левой части, человеком, который заставляет меня трястись, как лист, является Сильвио Мануэль — наиболее таинственный из компаньонов дон Хуана. Я добавил также, что дон Хуан, будучи нагвалем, превосходит произвольные стандарты, и я отношусь к нему с уважением и восхищением в обоих своих состояниях.

— А боится ли он? — спросил Хенаро странным голосом.

— Очень боится, — ответил ему дон Хуан фальцетом.

Мы все засмеялись, однако дон Хуан и дон Хенаро смеялись так нарочито, что я заподозрил, что они что-то скрывают.

Дон Хуан прочитывал меня, словно книгу. Он объяснил, что в промежуточном состоянии, перед тем, как полностью войти в левостороннее состояние сознания, человек способен к ужасному сосредоточению, однако он так же сильно подвержен любому мыслимому внушению: на меня, например, подействовало подозрение.

— Ла Горда всегда в этом состоянии, — сказал он. — она учится превосходно, но у нее королевские замашки. Она не выносит ничего, что попадает ей на пути, включая, конечно, и такие хорошие вещи, как глубокая сосредоточенность.

Дон Хуан объяснил, что новые видящие открыли, что переходный период является временем, когда происходит глубочайшее обучение. Это также время, когда за воином следует присматривать и давать объяснения, так, чтобы он мог правильно оценить их. Если не дать объяснений до перехода воина на левую сторону, они могут стать великими колдунами, но слабыми видящими, как это было с древними толтеками.

Воины-женщины особенно часто становятся жертвами левостороннего обучения. Они так податливы, что могут переходить на левую сторону без усилия, часто даже по собственной инициативе.

Долгое молчание привело к тому, что Хенаро уснул. Дон Хуан начал говорить. Он сказал, что новые видящие ввели ряд терминов для объяснения второй истины сознания. Его благодетель изменил некоторые из этих терминов по-своему, и он сам сделал то же, руководствуясь уверенностью видящих, что выбор термина не столь существенен, если истина проверена видением.

Мне было любопытно, какие термины он изменил, однако я не знал толком, как спросить об этом. Он понял это так, что я сомневаюсь в его праве или способности изменять и объяснил, что если позволить терминам возникать на уровне рассудка, они будут говорить только о светском согласии в обыденной жизни. С другой стороны, когда предлагают термин видящие, это не может быть фигуральным выражением, поскольку он возникает из видения и охватывает все, что видящий может достичь.

Я спросил его, почему он изменил термины.

— Обязанность нагваля — искать лучшие пути для объяснения, — ответил он. — время все меняет, и каждый новый нагваль должен ввести новые слова, новые идеи для описания своего видения.

— Означает ли сказанное, что нагваль берет идеи из мира повседневной жизни? — спросил я.

— Нет, я имел в виду, что нагваль говорит о видении всегда по-новому, — ответил он. — например, как новый нагваль, ты должен будешь сказать, что сознание ведет к возникновению восприятия. При этом ты передашь то же, что говорил мой благодетель, но иным путем.

— Что же все-таки новые видящие говорят о восприятии, дон Хуан?

— Они говорят, что восприятие — это условие настройки: эманации внутри кокона подстраиваются к внешним, подходящим к их эманациям. Настройка это то, что позволяет всем живым существам культивировать сознание. Видящие утверждают это, поскольку они видят живые существа так, как они есть — светящимися, словно капля беловатого света.

Я спросил его, как эманации внутри кокона подходят тем, которые вовне, так, что возникает восприятие.

— Эманации внутри и эманации вовне, — ответил он. — это те же волокна света. Чувствующие существа — это пузырьки, сделанные из этих волокон, микроскопические точки света, прикрепленные к бесконечным эманациям.

Далее он объяснил, что светимость живых существ составляет той особой частью эманаций Орла, которая содержится внутри их светящихся коконов. Внешняя светимость притягивает внутреннюю, она, так сказать, ловит ее и фиксирует. Эта фиксация и определяет сознание всякого отдельного существа.

Видящие могут также видеть, как эманации, внешние по отношению к кокону, оказывают особое давление на ту часть, которая внутри. Это давление определяет тот уровень сознания, который имеет данное существо.

Я попросил объяснить, как эманации Орла, внешние кокону, оказывают давление на эманации внутри. — эманации Орла — это больше, чем волокна света, — ответил он. — каждая из них является источником безграничной энергии. Думай об этом следующим образом: поскольку некоторые эманации, внешние кокону, являются теми же самыми, что и внутри, их энергии подобны непрерывному давлению. Однако кокон изолирует эманации, которые внутри его перепонки, и тем самым направляет давление.

Я говорил тебе, что древние видящие были мастерами манипулирования сознанием, — продолжал он. — то, что я могу теперь добавить, это то, что они были мастерами этого искусства, поскольку научились манипулировать структурой человеческого кокона. Я

говорил тебе, что они разгадали тайну сознания. Под этим я подразумеваю, что они увидели и осознали, что сознание — это сияние в коконе живых существ. Они правильно назвали это светом сознания.

Он объяснил, что древние видящие увидели, что человеческое сознание

— Это свечение янтарного цвета, более интенсивное, чем остальная часть кокона. Это свечение находится на проходящей по всей его длине узкой вертикальной полосе правой части кокона, с края. Мастерство древних видящих состояло в перемещении этого свечения так, чтобы сдвинуть его с первоначального места на поверхности кокона внутрь по ширине.

Он остановился и взглянул на Хенаро, который по-прежнему глубоко спал.

— Хенаро не вносит ничего в объяснение, — сказал он. — Хенаро — деятель. Мой благодетель постоянно наталкивал его на неразрешимые проблемы, так что он вошел в левую часть и никогда не имел возможности размышлять и удивляться.

— Не лучше ли идти этим путем, дон Хуан?

— Это зависит от обстоятельств. Для него это идеально, но для меня и тебя это не будет удовлетворительно, поскольку мы призваны, так или иначе, объяснять. Хенаро и мой благодетель больше похожи на древних, чем на новых видящих: они могут управлять и делать со светом сознания, что хотят.

Он встал с матраца, на котором мы сидели, и потянулся, вытягивая руки и ноги. Я настаивал, чтобы он продолжал беседу, но он улыбнулся и сказал, что я нуждаюсь в отдыхе: мое сосредоточение иссякло.

Послышался стук в дверь и я проснулся. Было темно. Сначала я не мог вспомнить, где я. Что-то во мне было далеко, как если бы какая-то часть меня все еще спала, хотя я проснулся полностью. Через открытое окно поступало достаточно света луны, так что можно было видеть.

Я увидел, как дон Хенаро встал и пошел к двери. Тогда я понял, что нахожусь в его доме. Дон Хуан глубоко спал на полу на матраце. У меня было определенное впечатление, что мы все трое крепко уснули из-за смертельной усталости из-за вылазки в горы.

Дон Хенаро зажег свой керосиновый фонарь. Я последовал за ним на кухню. Кто-то принес ему горшок горячего супа и стопку кукурузных лепешек.

— Кто принес тебе пищу? — спросил я его. — у вас есть здесь поблизости женщина, которая готовит вам?

На кухню вошел дон Хуан. Оба они смотрели на меня, улыбаясь. По какой-то причине их улыбки показались мне зловещими. Я уже готов был закричать от ужаса, когда дон Хуан ударил меня по спине и переместил в состояние повышенного сознания. Тогда я понял, что во время сна или же проснувшись, я, видимо, соскользнул обратно в повседневное состояние.

Ощущение, которое я тогда испытал, вернувшись в состояние повышенного сознания, было смесью облегчения и гнева и очень острой тоски. Я почувствовал облегчение от того, что теперь я опять сам в себе, так как начинал рассматривать эти свои непостижимые состояния как свое истинное «я». Для этого была одна простая причина: в этих состояниях я чувствовал себя целым — ничто не отсутствовало. Гнев и печаль были реакцией на беспомощность — я более, чем когда-либо, осознавал ограниченность своего бытия.

Я попросил дону Хуана объяснить мне, как возможно делать то, что происходит со мной. В состоянии повышенного сознания я мог оглянуться и вспомнить о себе все, я мог дать себе отчет обо всем, что я делал в любом состоянии, я даже мог вспомнить свою неспособность вспомнить. Но как только я возвращался в свое нормальное повседневное состояние сознания, я не мог вспомнить ничего из того, что делал в состоянии повышенного сознания, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Помолчи, помолчи пока, — сказал он. — ты еще не помнишь всего: состояние повышенного сознания — это только промежуточное состояние. Есть бесконечно много позади него, и ты был там много, много раз. Но именно сейчас ты не можешь этого вспомнить, даже если бы от этого зависела твоя жизнь.

Он был прав. Я не имел ни малейшего понятия, о чем он говорит. Я попросил объяснений.

— Объяснения последуют, — сказал он. — это медленный процесс, но мы до этого доберемся. Это будет медленно, поскольку я похож на тебя — я стремлюсь к пониманию. Я противоположен моему благодетелю, который не вдавался в объяснения. Для него существовали только действия. Он обычно намертво ставил нас против непостижимых проблем и оставлял решать их самостоятельно. Некоторые из нас никогда ничего не решили и кончили весьма похоже тем древним видящим: все — действия и нет реальных знаний.

— Заключены ли эти воспоминания в моем уме? — спросил я.

— Нет, это было бы слишком просто, — ответил он. — действия видящих более сложны, чем деление человека на ум и тело. Ты забыл, что делал то, что забыл, ты видел.

Я попросил дон Хуана объяснить по-другому то, что он только что сказал. Он стал терпеливо объяснять, что все, что я забыл, происходило со мной в состояниях, в которых мое сознание было расширено, интенсифицировано, а это означает, что использовались отличные от обычных области моего полного существа.

— То, что ты забыл, поймано в тех областях твоего целостного существа, — сказал он. — использовать те, другие области и значит видеть.

— Я еще больше запутался, чем всегда, дон Хуан, — сказал я.

— Я не виню тебя, — ответил он. — видение значит обнажение сердцевины всего — быть свидетелем неведомого и бросить взгляд на непостижимое. Как таковое, оно малоутешительно. Обычно видящие разрываются на части от того, что существование неизмеримо сложнее, а наше обыденное сознание губит его своими ограничениями.

Он опять повторил, что мое сосредоточение должно быть полным, так как предельно важно понять, что новые видящие придают величайшее значение глубокому, неэмоциональному постижению.

— Например, в прошлый раз, — продолжал он. — когда ты «понял все» относительно ла Горды и своего чувства собственной важности, ты в действительности не понял еще ничего реально. У тебя была эмоциональная вспышка, вот и все. Я говорю это, потому что на другой же день ты опять был на своем коньке собственной важности так, как будто ты никогда ничего не осознал.

То же случилось с древними видящими: они предавались эмоциональным реакциям. Однако, когда пришло время понять, что же они видят, они не смогли этого сделать. Чтобы понять, нужна тревога, а не эмоциональность. Берегись тех, кто плачет от осознания, ибо они ничего не поняли.

На пути знания лежат несказанные трудности для тех, кто остается без трезвого понимания, — продолжал он. — я описал порядок, в каком новые видящие разместили истины относительно сознания, так что это будет служить тебе картой — той картой, которую ты сможешь проверить с помощью своего видения, а не глаз.

Последовала долгая пауза. Он смотрел на меня. Он определенно ждал от меня вопроса.

— Все ловятся на той ошибке, что видение осуществляется глазами, — продолжал он. — но не удивляйся, что после стольких лет ты не понял, что видение — это не дело глаз. Вполне естественно впадать в эту ошибку.

— Что же тогда такое видение? — спросил я.

Он ответил, что видение — это настройка. Я напомнил ему, что он сказал, что восприятие — это настройка. Тогда он объяснил, что настройка эманаций, осуществляемая обычно, это восприятие повседневного мира, а настройка эманаций, которые никогда не использовались в обычном смысле — это видение. Когда такая настройка происходит, человек видит. Следовательно, видение, возникающее от необычной настройки, не может быть чем-то, на что смотрят. Он сказал, что, несмотря на то, что я «видел» бесчисленное число раз, мне все же не пришло в голову отказаться от своих глаз. Я подпал под влияние того, что видение было помечено и описано.

— Когда видящие видят, что-то объясняет по мере того, как возникает новая настройка, — продолжал он. — голос говорит им в их уши, что есть что. Если такой голос отсутствует, тогда то, во что вовлечен видящий, не является видением.

После минутного молчания он продолжил объяснения относительно голоса видения. Он сказал, что равным образом было бы безумием говорить, что видение — это слышание, поскольку это бесконечно больше, однако видящие вынуждены избрать звук в качестве знака новой настройки.

Он назвал голос видения наиболее таинственной, необъяснимой вещью.

— Моим личным выводом является то, что голос видения присущ только человеку, — сказал он. — это может быть так, потому что речь — это нечто такое, чего не имеет никто другой, кроме человека. Древние видящие верили, что это голос могущественной сущности, интимно связанной с человеком — голос хранителя человека. Новые видящие нашли, что это существо, которое они называли человеческой формой, не имеет голоса. Поэтому для новых видящих голос видения — это что-то совершенно непостижимое. Они говорят, что свет сознания играет на эманациях Орла, как арфист играет на струнах.

Он отказался объяснить это подробнее, обещая, что позднее, по мере продвижения, мне все станет ясно.

Пока дон Хуан говорил, мое сосредоточение было настолько полным, что я просто не мог вспомнить, как сел за стол, чтобы поесть. Когда дон Хуан остановился, я заметил, что его

тарелка почти пуста. Хенаро смотрел на меня с лучезарной улыбкой: моя тарелка была передо мной тоже пуста. В ней оставалось совсем немного супа, как будто я только что кончил есть. Но я не помнил, чтобы я ел вообще, и даже не помнил, как подошел к столу, чтобы поесть.

— Тебе понравился суп? — спросил Хенаро и отвел взгляд.

Я сказал, что да, поскольку не хотел допустить, что у меня есть проблемы с воспоминанием.

— На мой вкус он слишком остыл, — сказал Хенаро. — а сам ты никогда не ешь горячую пищу, поэтому я немного беспокоился, чтобы с тобой чего-нибудь не случилось. Ты, конечно, не должен был съедать две тарелки. Мне кажется, что ты ведешь себя немного по-свински, когда находишься в состоянии повышенного сознания, а?

Я допустил, что он, возможно, прав. Он подал мне большой кувшин воды, чтобы я утолил жажду и промочил горло. Когда я жадно выпил воду, оба они покатались со смеху.

Неожиданно я понял, что происходит. Это осознание было физическим, это была вспышка желтоватого цвета, которая толкнула меня, как будто кто-то зажег спичку прямо у меня между глаз. Я уже знал, что Хенаро шутит — я не ел. Я так был поглощен объяснениями дон Хуана, что забыл вообще обо всем. Тарелка передо мной была тарелкой Хенаро.

После еды дон Хуан продолжил свои объяснения относительно света сознания. Хенаро сидел рядом и слушал так, как если бы он никогда раньше не слышал такого объяснения.

Дон Хуан сказал, что то давление, которое оказывают эманации, внешние по отношению к кокону и называемые «эманации в великом», на эманации внутри него, одинаково для всех чувствующих существ, однако результат этого давления очень различен для них, поскольку их коконы реагируют на это давление совсем по-разному. Но в некоторых границах есть все же какая-то степень подобия.

— Итак, — продолжал он. — когда видящие видят, как давление «эманаций в великом» действует на внутренние эманации, которые всегда в движении, и как они заставляют их остановиться, тогда видящие знают, что светящееся существо охвачено осознанием.

Сказать, что эманации в великом давят на эманации в коконе, заставляя их остановить свое движение, означает, что видящие видят что-то неопишемое, смысл чего они знают без тени сомнения. Это означает, что голос видения сказал им, что эманации в коконе совершенно успокоились и встретились с некоторыми из тех, что вовне.

Он сказал, что видящие, естественно, считают, что сознание всегда приходит извне себя, что настоящая тайна лежит вне нас. Поскольку по природе эманации в великом служат для того, чтобы фиксировать то, что в коконе, то трюк сознания состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с теми, что внутри нас. Видящие полагают, что если мы позволим этому случиться, мы станем тем, чем в действительности являемся — текучими, всегда в движении, вечными.

Последовала долгая пауза. Глаза дон Хуана светились. Казалось, что они смотрят на меня из глубины. У меня было впечатление, что каждый из его глаз — это независимая точка яркости. Мгновение он, казалось, боролся с невидимой силой, внутренним огнем, намеревающимся его поглотить. Это прошло, и он продолжил разговор.

— Степень сознания каждого отдельного чувствующего существа, — продолжал он. — зависит от степени того, насколько оно способно позволить эманациям в великом нести его.

После долгого перерыва дон Хуан продолжил объяснения. Он сказал, что видящие увидели, что с момента зачатия сознание растет, обогащается процессом жизни. Например, сказал он, видящие увидели, что сознание отдельного насекомого или человека растет с момента зачатия поразительно различным образом, однако с одинаковым упорством.

— С момента зачатия или с момента рождения развивается сознание? — спросил я.

— Сознание развивается с момента зачатия, — ответил он. — я всегда говорил тебе, что половая энергия — это нечто предельно важное и что ею нужно управлять и пользоваться с величайшей осторожностью, но ты всегда отвергал то, что я говорил, так как думал, что я говорю об управлении в смысле морали. Я же всегда говорил в смысле ее сохранения и перераспределения.

Дон Хуан взглянул на Хенаро. Хенаро кивнул в знак согласия.

— Хенаро собирается сказать тебе, что наш благодетель, нагваль Хулиан, обычно говорил относительно сохранения и перераспределения половой энергии, — сказал мне дон Хуан.

— Нагваль Хулиан, — начал дон Хенаро. — обычно говорил, что иметь половые связи — это вопрос энергии. Например, у него никогда не было проблем с полом, поскольку у него было достаточно энергии. Однажды он бросил взгляд на меня и предписал, чтобы мой

пирик занимался только писанием. Он сказал мне, что у меня нет достаточной энергии для половых связей. Он сказал, что мои родители, когда делали меня, слишком скучали и слишком устали. Он сказал, что я являюсь результатом очень скучного совокупления — «кахида авуррида». Таким я и был рожден — скучным и усталым. Нагваль Хулиан рекомендовал, чтобы люди, подобные мне, никогда не имели половых связей. Так мы можем запастись немного энергии и добавить к той, которая у нас есть.

То же самое он сказал Сильвио Мануэлю и Эмелито. Он видел, что у других есть достаточно энергии. Они не были результатом скучного совокупления. Он сказал, что они могут делать со своей половой энергией все, что им угодно, однако он рекомендовал им управлять собой и понять, что предписание Орла состоит в том, что пол предназначен для порождения света сознания. Все мы тогда сказали, что все поняли.

Однажды, безо всякого предупреждения, он с помощью своего благодетеля, нагваля Элиаса, приподнял занавес другого мира и пихнул всех нас внутрь, без всякого колебания. Все мы, за исключением Сильвио Мануэля, почти умерли там: у нас не было достаточно энергии, чтобы выстоять перед лицом воздействия того мира. Никто из нас, за исключением Сильвио Мануэля, не следовал рекомендациям нагваля.

— Что это за занавес другого мира? — спросил я дона Хуана.

— То, что Хенаро сказал: это занавес, — ответил дон Хуан. — но ты упустил предмет разговора. Ты всегда таков. Мы говорим о предписании Орла относительно пола. Команда Орла состоит в том, что половая энергия должна использоваться для создания жизни. Через половую энергию орел дает сознание, так что, когда чувствующие существа вовлечены в половое сношение, эманации внутри их коконов делают все возможное, чтобы снабдить сознанием новое чувствующее существо, которое они создают.

Он сказал, что в процессе полового акта эманации, заключенные в коконах обоих родителей, претерпевают сильное возбуждение, кульминационной точкой которого является соединение, слияние двух кусков света сознания, по одному от каждого партнера, которые отделяются от их коконов. Половое сношение всегда поставщик сознания, хотя то, что поставляется, может и не консолидироваться, — продолжал он. — эманации внутри кокона не знают сношения ради забавы.

Хенаро наклонился ко мне через стол и сказал тихим голосом, подкрепляя сказанное кивком головы:

— Нагваль говорит тебе правду, — сказал он, подмигивая. — эманации действительно не знают этого.

Дон Хуан старался не засмеяться и добавил, что безумно со стороны человека действовать безотносительно к тайне существования и полагать, что такой тонкий акт, поставляющий жизнь и сознание, это просто физическое стремление, которым можно крутить, как угодно.

Хенаро начал делать непристойные половые движения, работая тазом взад и вперед. Дон Хуан кивнул и сказал, что это как раз то, что он имеет в виду. Хенаро поблагодарил его за признание своего существенного вклада в объяснение сознания.

Оба они захохотали, как идиоты, говоря, что если я понял, как серьезен был их благодетель, когда говорил о сознании, то я буду смеяться вместе с ними.

Я честно спросил дона Хуана, что все это может значить для среднего человека в повседневной жизни.

— Ты имеешь в виду то, что там делает Хенаро? — спросил он меня с нарочитой серьезностью.

Их веселость всегда была захватывающей. Потребовалось много времени, чтобы они успокоились. Их уровень энергии был таким большим, что по сравнению с ними я казался старым и немощным.

— Я действительно не знаю, — ответил мне, наконец, дон Хуан. — Все, что я знаю, это то, что это значит для воинов. Они знают, что единственная реальная энергия, которой мы располагаем, — это половая энергия, поставляющая жизнь. Это знание делает их постоянно сознающими свою ответственность.

Если воины хотят иметь энергию для видения, они должны стать скупцами по отношению к своей половой энергии. Это тот урок, который нагваль Хулиан преподавал нам. Он толкнул нас в неведомое и все мы почти умерли, а поскольку каждый из нас хотел видеть, мы, конечно, воздержались от растраты своего света сознания.

Я и раньше слышал его изложение этого убеждения. Каждый раз, когда он делал это, я вступал в пререкания. Я всегда чувствовал себя обязанным протестовать и приводить возражения на то, что, как я считал, является пуританским отношением к полу. Я опять выдвинул свои возражения. Оба они смеялись до слез.

— Что же делать с естественной человеческой чувствительностью? — спросил я дон Хуана.

— Ничего, — ответил он. — ничего не случится с человеческой чувствительностью. Дело в невежестве и безответственности по отношению к нашей магической природе. Ошибкой является безрассудно тратить силу пола, поставляющую жизнь, и не рожать при этом детей, но так же ошибочно не знать, что, рождая детей, ты глушишь свет сознания.

— Откуда видящие знают, что иметь детей — значит глушить свет сознания? — спросил я.

— Они видят, что при рождении ребенка свет сознания родителей уменьшается, а ребенка возрастает. В некоторых сверхчувствительных хрупких родителях свет сознания почти гаснет. По мере того, как у ребенка возрастает сознание, в световом коконе родителей развивается большое темное пятно, как раз на том месте, где свет был изъят. Обычно это посередине кокона. Иногда эти пятна можно видеть наложенными прямо на тело.

Я спросил его, можно ли что-нибудь сделать, чтобы дать людям более уравновешенное понимание света сознания.

— Ничего, — сказал он. — по крайней мере, нет ничего такого, что могут здесь сделать видящие. Цель видящих — свобода: быть беспристрастными наблюдателями, неспособными к суждению, а иначе бы они взяли на себя обязательство создания более справедливого цикла. Никто сам по себе не может сделать этого. Новый цикл, если он придет, должен придти сам по себе.

5. ПЕРВОЕ ВНИМАНИЕ

На другой день мы позавтракали на рассвете, и дон Хуан заставил меня изменить уровень сознания.

— Давай пойдем сегодня к оригинальной установке, — сказал дон Хуан дону Хенаро.

— С превеликим удовольствием, — ответил дон Хенаро важно. Он взглянул на меня и добавил затем тихим голосом, как если бы не хотел, чтобы я подслушал его: «следует ли его... Нет, это будет, возможно, слишком...»

В мгновение ока мой страх и подозрительность возросли неимоверно. Я вспотел и запыхтел. Дон Хуан подошел ко мне и с выражением почти неконтролируемого смеха заверил меня, что Хенаро просто забавляется на мой счет и что мы собираемся пойти на место, где первоначальные видящие жили тысячи лет назад.

Пока дон Хуан говорил мне это, я взглянул на дону Хенаро. Он медленно качал головой из стороны в сторону. Это было почти незаметное движение, как если бы он хотел сказать мне, что дон Хуан не говорит правды. Я вошел в состояние нервного срыва, почти истерики. Это прекратилось только тогда, когда Хенаро разразился смехом.

Я удивился тому, как легко мои эмоциональные состояния могут возрасти до такой неконтролируемой высоты и спадать в ничто.

Мы — дон Хуан, Хенаро и я — вышли из дома дон Хенаро рано утром и прошли недалеко в окружающие покаты холмы. Мы остановились там и сели наверху громадной плоской скалы на покато-склоне кукурузного поля, которое, казалось, было недавно убрано.

— Вот это первоначальная установка, — сказал мне дон Хуан. — мы вернемся сюда еще пару раз в процессе своего объяснения.

— Очень странные вещи случаются здесь ночью, — сказал Хенаро. — нагваль Хулиан в действительности поймал здесь олли. Или, лучше сказать, олли...

Дон Хуан сделал незаметный жест бровью, и Хенаро остановился на полуслове. Он улыбнулся мне.

— Еще слишком рано для страшных историй, — сказал Хенаро. — подождем до сумерек.

Он встал и начал крадучись ходить вокруг скалы на цыпочках, со спиной, выгнутой дугой.

— Что он сказал о вашем благодетеле, поймавшем здесь олли? — спросил я дону Хуана.

Он не сразу ответил. Он наслаждался, наблюдая за проделками Хенаро.

— Он говорил об одном сложном использовании сознания, — наконец ответил он мне, все еще глядя на Хенаро.

Хенаро завершил круг вокруг скалы, вернулся и сел вблизи меня. Он тяжело дышал, почти запыхался, выбившись из дыхания.

Дон Хуан казался очарованным тем, что делал Хенаро. У меня опять возникло ощущение, что они забавляются на мой счет, что оба они договорились о чем-то, о чем я ничего не знаю.

Неожиданно дон Хуан начал свои объяснения. Его голос потряс меня. Он сказал, что после тяжелого труда видящие пришли к выводу, что сознание взрослых людей, окрепшее в процессе роста, больше нельзя называть сознанием, поскольку оно изменилось в нечто гораздо более интенсивное и сложное, и это видящие называли вниманием.

— Как сумели видящие узнать, что человеческое сознание развивается и что оно растет? — спросил я.

Он ответил, что во время роста человеческих существ полоса эманаций внутри их коконов становится очень яркой, и по мере того, как люди накапливают опыт, она начинает светиться. В некоторые моменты свечение этой полосы эманаций возрастает настолько, что начинает сливаться с внешними эманациями. Видящие, свидетели усиления такого рода, предположили, что сознание — это сырье, а внимание — конечный продукт созревания.

— Как видящие описывают внимание? — спросил я.

— Они говорят, что внимание — это управление и усиление сознания посредством процесса жизни, — ответил он.

Он отметил, что опасность определений в том, что они упрощают процессы, чтобы сделать их понятными. Например, в данном случае, определяя внимание, мы рискуем перевести магическое, чудесное достижение во что-то обыденное. Внимание — это единственное величайшее человеческое достижение. Оно развивается из глубокого животного сознания, пока не покроет всю гамму человеческого выбора. Видящие совершенствуют его еще дальше, пока оно не охватит весь диапазон человеческих возможностей.

Я захотел узнать, придается ли особое значение терминам «человеческий выбор» и «человеческие возможности».

Дон Хуан ответил, что человеческий выбор — это все, что мы можем избрать как личности. Выбор имеет отношение в нашему повседневному диапазону и в силу этого он ограничен по числу и кругозору. Человеческие возможности относятся к неведомому. Они относятся не к тому, что мы можем избрать, а к тому, чего мы можем достичь. Он сказал, что примером человеческого выбора будет наша склонность верить, что человеческое тело — это вещь среди вещей, а примером человеческих возможностей является достижение видящими способности воспринимать человека в виде яйцеобразного светящегося существа. Телом-вещью ты соприкасаешься с известным, а телом, как светящимся яйцом — с неведомым. Следовательно, человеческие возможности почти неисчерпаемы.

— Видящие говорят, что существует три типа внимания, — продолжал дон Хуан. — когда они говорят так, они относят это только к людям, а не ко всем чувствующим существам. Но это не просто типы внимания, это, скорее, три уровня достижений: первое, второе и третье внимание. Каждое из них — независимая область, полная в себе (завершенная в себе).

Он объяснил, что первое внимание в человеке — это животное сознание, которое было развито в процессе опыта в сложную, запутанную и чрезвычайно хрупкую способность, занятую повседневным миром во всех его бесчисленных аспектах. Другими словами, все, о чем человек может думать, является частью первого внимания.

— Первое внимание — это все, что мы собой представляем, как обычные люди, — продолжал он. — благодаря такому абсолютному праву в нашей жизни первое внимание является наиболее ценной гранью среднего человека. Возможно, это его единственная грань.

Взяв в расчет эту истинную ценность, новые видящие начали строгое исследование первого внимания с помощью видения. Их находки вылились в их взгляды и взгляды всех их последователей, хотя большинство из них совсем не поняли, что видели те видящие.

Он особенно предупредил меня, что выводы этого строгого исследования новых видящих имеют очень мало общего с рассудком или рациональностью, так как для того, чтобы изучить и объяснить первое внимание, нужно его видеть. Только видящие могут сделать это. Однако исследовать то, что видящие видят в первом внимании, совершенно необходимо. Оно предоставляет первому вниманию единственную возможность, которую то имело когда-либо — осознать собственную работу.

— В смысле того, что видят видящие, первое внимание — это свет сознания, развитый в сверхсветимость, — продолжал он. — однако этот свет фиксирован, так сказать, на поверхности кокона. Этот свет охватывает известное.

С другой стороны, второе внимание — это более сложное и специализированное состояние света сознания. Оно имеет дело с неведомым. Оно приходит, когда включаются неиспользованные эманации внутри человеческого кокона.

Причина, по которой я назвал второе внимание «специализированным состоянием», состоит в том, что для использования этих необычных эманаций мы нуждаемся в новой искусной тактике, которая требует совершенной дисциплины и сосредоточенности.

Он сказал, что говорил мне раньше, когда обучал искусству сновидения, что сосредоточение, необходимое для того, чтобы осознать, что ты видишь сон — это предшественник второго внимания. Это сосредоточение является видом сознания, которое относится не к той же категории, к какой относится сознание, необходимое для деятельности в повседневном мире. Он сказал также, что второе внимание называется «левосторонним сознанием» и что это обширнейшее поле, какое только можно вообразить — фактически, настолько обширное, что почти безграничное.

— Я не хотел бы заблудиться в нем ни за что на свете, — продолжал он. — это настолько сложное и странное болото, что трезвые видящие входят в него при строжайших ограничениях. Большую трудность представляет то, что вхождение во второе внимание предельно просто, а его соблазн почти непреодолим.

Он сказал, что древние видящие, будучи экспертами сознания, применили свои способности к исследованию собственного света сознания и заставили его расширяться до невообразимых пределов. Фактически, они стремились озарить все эманации внутри кокона, по одной полосе одновременно. Они преуспели в этом, но, как ни странно, достижение озаренности только одной полосы одновременно стало инструментом их увязания в болоте второго внимания.

— Новые видящие исправили эту ошибку, — продолжал он. — и позволили мастерству управления сознанием развиваться до своего естественного конца, который состоит в том, чтобы расширить свет сознания за границы светящегося кокона одним единственным усилием. Третье внимание достигается тогда, когда свет сознания обращается во внутренний огонь — сияние, зажигающее не одну только полосу, а все эманации Орла внутри человеческого кокона.

Дон Хуан выразил свой благоговейный ужас перед сознательным усилием новых видящих в стремлении достичь третьего внимания еще при жизни сознательной личности.

Он сказал, что не считает полезным обсуждать отдельные случаи с людьми и другими чувствующими существами, входившими в неведомое и непостижимое бессознательно — он назвал это даром Орла. Он уверил меня, что для новых видящих вхождение в третье внимание — это также дар, но он имеет другое значение: он похож на награду за достижения.

Он добавил, что в момент смерти все люди входят в непостижимое, и некоторые из них даже достигают третьего внимания, но, в общем, только на краткий миг и то лишь для того, чтобы очистить пищу Орла.

— Высшим достижением человека будет, — сказал он. — достичь этого уровня внимания при сохранении силы жизни, не став развоплощенным сознанием, движущимся, как мотылек света, к клюву Орла, чтобы быть поглощенным.

Слушая объяснения дона Хуана, я опять полностью потерял из виду все окружающее. Хенаро, по-видимому, встал и ушел, так как его нигде не было видно. Странно было то, что я обнаружил себя припавшим к скале, при этом дон Хуан сидел рядом на корточках и мягко придавливал меня за плечи. Я прислонился к скале и закрыл глаза. С запада дул мягкий бриз.

— Не засыпай, — сказал дон Хуан. — ты ни за что не должен спать на этой скале.

Я сел. На меня пристально смотрел дон Хуан.

— Просто расслабься, — продолжал он. — пусть затихнет внутренний диалог.

Я сосредоточился полностью, чтобы понять то, что он говорит, когда вдруг почувствовал толчок страха. Сначала я не знал, отчего это происходит, и подумал, что это еще один приступ недоверия, однако затем меня как громом поразило: я понял, что уже вечер. То, что я принял за часовую беседу, поглотило весь день.

Я вскочил, совершенно осознав это несоответствие, хотя и не мог понять, что же случилось. Мною овладело странное ощущение, которое заставило мое тело обратиться в бегство.

Дон Хуан прыгнул ко мне и силой удержал. Мы упали на мягкую почву, и он держал меня мертвой хваткой. Раньше я и понятия не имел, что он такой сильный.

Мое тело ужасно тряслось, руки ходили ходуном при каждой схватке. Это было похоже на эпилептический припадок, однако какая-то часть меня оставалась отрешенной настолько, что могла наблюдать за тем, как тело тряслось, извивалось и вздрагивало.

Наконец, эти спазмы прекратились, и дон Хуан отпустил меня. Он тяжело дышал. Он предложил опять залезть на скалу и посидеть там, пока я оправлюсь.

Я не мог не обратиться к нему с моим настоятельным вопросом, что же случилось со мной. Он ответил, что по мере того, как он говорил, я перешел некоторый предел и вошел очень глубоко в левую часть. Он и Хенаро следовали за мной. А затем, так же неожиданно, как вошел, я выскочил обратно.

— Я схватил тебя как раз вовремя, — сказал он. — иначе ты вышел бы в свое обычное состояние.

Я совершенно запутался. Он объяснил, что мы все трое играли с сознанием, а я, должно быть, испугался и убежал от них.

— Хенаро — мастер управления сознанием, — продолжал дон Хуан. — Сильвио Мануэль — мастер управления волей. Оба они были безжалостно вытолкнуты в неведомое. Мой благодетель сделал им то, что ему сделал его благодетель. Хенаро и Сильвио Мануэль в некоторых отношениях подобны древним видящим: они знают, что они могут сделать, но не заботятся о том, как они это делают. Сегодня Хенаро воспользовался возможностью сдвинуть твой свет сознания, и все мы оказались в странных границах неведомого.

Я стал умолять его сказать мне, что же случилось в неведомом.

— Ты вспомнишь это сам, — сказал некий голос вблизи моего уха. Я был настолько убежден, что это голос видения, что это меня совсем не испугало. Я даже не повиновался импульсу желания обернуться.

— Я — голос видения, и я говорю тебе, что ты — балда, — опять сказал голос и зацокал.

Я обернулся: за мной сидел Хенаро. Я был так поражен, что смеялся даже несколько более истерично, чем они.

— Темнеет, — сказал Хенаро. — и как я обещал тебе сегодня утром, у нас будет здесь бал.

Но дон Хуан вмешался и сказал, что надо подождать еще денек, поскольку я такой пугливый, что могу умереть от страха.

— Ну нет, он в порядке, — сказал Хенаро, похлопывая меня по плечу.

— Ты лучше спроси его самого, — сказал дон Хуан Хенаро. — он сам скажет тебе, какой он пугливый.

— Ты действительно такой пугливый? — спросил меня Хенаро насмешливо.

Я не ответил им, и от этого они покатались со смеху. Хенаро даже катался по земле.

— Он попался, — сказал Хенаро дону Хуану, показывая на меня после того, как дон Хуан прыгнул и помог ему подняться. — он никогда не скажет, какой он пугливый — он для этого слишком важный, однако у него трясутся колени от страха того, что может случиться, поскольку он не признается, что он пугливый.

Наблюдая, как они смеются, я решил, что только индейцы могут смеяться так радостно, однако также убедил себя в злобности этого смеха: они издеваются над неиндейцами.

Дон Хуан сразу понял мои чувства:

— Не позволяй чувству собственной важности вставать на дыбы, — сказал он. — в тебе нет ничего особенного ни по каким стандартам. Ни в ком из нас — индейцах и неиндейцах. Нагваль Хулиан и его благодетель годами, не упуская случая, смеялись над нами.

Хенаро проворно взобрался обратно на скалу и подошел ко мне.

— Если бы я был тобой и почувствовал себя так холодно оскорбленным, я бы заплакал. Плачь, плачь — хорошо поплачешь и все пройдет!

К своему изумлению я тихо заплакал. Затем я так разозлился, что зарычал от гнева. Только после этого я почувствовал себя лучше. Дон Хуан нежно похлопал меня по спине. Он сказал, что странно то, что гнев может быть таким отрезвляющим, а иногда страх, иногда юмор. Моя насильственная природа заставляет меня отзываться только на гнев.

Он добавил, что неожиданный сдвиг света сознания ослабляет нас, поэтому они стремились укрепить меня, поддержать. Очевидно, Хенаро преуспел: ему удалось разозлить меня.

Уже смеркалось. Неожиданно Хенаро указал на мотылька, висевшего в воздухе на уровне глаз. В сумерках он казался большой молью, облетающей то место, где мы сидели.

— Будь очень мягок со своей природной склонностью к преувеличениям,

— Сказал мне дон Хуан. — не напрягайся. Позволь Хенаро просто вести себя. Не отрывай глаз от пятна.

Мерцающее пятно определенно было мотыльком. Я мог ясно различить все его части. Я следил за его витиеватым прерывистым полетом, пока не смог видеть каждую пылинку на его крыльях.

Что-то вывело меня из состояния полного поглощения. Я почувствовал за собой шквал беззвучного шума, если можно так выразиться. Я повернулся и встретился глазами с целым рядом людей на другой стороне скалы, которая была немного выше той, где мы сидели. Я

предположил, что местные жители заподозрили нас в чем-то, видя, как мы целый день шатаемся здесь, и забрались сюда, чтобы наказать нас. Я мгновенно понял их намерения.

Дон Хуан и Хенаро соскользнули со скалы и велели мне спешно спускаться. Мы сразу пошли не оборачиваясь, чтобы посмотреть, не следуют ли те люди за нами. Дон Хуан и Хенаро отказывались говорить, пока мы шли к дому Хенаро. Дон Хуан даже велел мне помолчать, приложив строгим жестом палец к губам. Хенаро не вошел в дом, а стал его обходить, пока дон Хуан затаскивал меня внутрь.

— Кто были эти люди, дон Хуан? — спросил я его, когда мы оба очутились в безопасном доме, и он зажег фонарь.

— Это не люди, — ответил он.

— Продолжай, дон Хуан, не интригуй меня, — сказал я. — это были люди, я видел их собственными глазами, — возразил я.

— Конечно, ты видел их собственными глазами, — возразил он. — но это ни о чем не говорит. Твои глаза ввели тебя в заблуждение. Это не люди, и они последовали за тобой. Хенаро должен был отогнать их от тебя.

— Кто же это, если не люди?

— О, это тайна, — сказал он. — это тайна сознания, и ее нельзя разрешить рассудочно, просто говоря о ней. Можно быть только свидетелем тайны.

— Тогда позволь мне стать ее свидетелем, — сказал я.

— Но ты уже был — дважды за день, — ответил он. — ты теперь не помнишь. Но ты будешь им опять, когда воспламенишь вновь эманации, которые светились, когда ты был свидетелем тайны сознания, о которой я говорил. А пока давай вернемся к нашим объяснениям сознания.

Он опять повторил, что осознание начинается от постоянного давления, которое эманации в великом оказывают на те, что пойманы внутри кокона. Это давление приводит к первому акту сознания: оно останавливает движение пойманных эманаций, которые стремятся разбить кокон, стремятся умереть.

— Для видящего истина в том, что все живые существа стремятся к смерти, — продолжал он. — что останавливает смерть, так это сознание.

Дон Хуан сказал, что новые видящие были глубоко обеспокоены тем, что сознание противостоит смерти, в то же время вводя ее, будучи пищей Орла. А поскольку они не смогли объяснить этого, так как нет рассудочного пути к пониманию существования, видящие осознали, что их знание составлено из противоречивых построений.

— Почему же они развили систему противоречий? — спросил я.

— Ничего они не развили, — ответил он. — они нашли безусловные истины через свое видение. Эти истины были составлены, якобы, в явном противоречии — и все..

Например, видящие должны быть методичными, рациональными людьми, образцами трезвости, и в то же время им надо оттолкнуться от всех этих качеств, чтобы стать совершенно свободными и открытыми тайнам и чудесам существования.

Его пример запутал меня, но не до конца: я все же понял, что он имеет в виду. Он сам поддерживал мою рассудочность, но только для того, чтобы раздавить ее и потребовать полного ее отсутствия. Я сказал ему, как я понял его аргументы.

— Только чувство величайшей трезвости может соединить противоречия, — сказал он.

— Мог бы ты сказать, дон Хуан, что искусство является таким соединяющим мостом?

— Мост между противоречиями ты можешь называть как угодно: искусством, привязанностью, трезвостью, любовью или даже добротой.

Дон Хуан продолжил свои объяснения и сказал, что новые видящие, исследуя первое внимание, осознали, что все органические существа, за исключением человека, успокаивают свои взволнованные и пойманные эманации таким образом, что те выстраиваются так, чтобы встретиться со своими внешними партнерами. Люди не делают этого. Вместо этого их первое внимание перечисляет (каталогизирует) эманации Орла внутри кокона.

— Что это за перечисление, дон Хуан? — спросил я.

— Люди замечают эманации, которые есть у них внутри кокона, — ответил он. — ни одно другое существо не делает этого. В тот момент, когда давление эманаций в великом фиксирует внутренние эманации, первое внимание начинает следить за собой. Оно замечает все о себе, или, по крайней мере, стремится к этому, каким бы странным путем это ни шло. Этот процесс видящие и называют перечислением.

Я не хочу сказать, что люди сами избирают этот процесс или что они могут отказаться от него. Перечислить эманации

— Это команда Орла, однако то, что открыто волевому усилию, это способ повиновения этой команде.

Он сказал, что, хотя сам не любит называть эманации командами, это все же то, чем они являются — командами, которым никто не может противиться. И все же путь выхода из повиновения командам — повиновение им.

— В случае с каталогом-перечислением первого внимания, — продолжал он. — видящие принимают это, поскольку не могут не повиноваться, но, сделав так, они отбрасывают это: орел не потребовал от нас почитать этот каталог-перечисление — он потребовал только делать это — это все.

— Как же видят видящие, что люди делают перечисление? — спросил я.

— Эманации внутри кокона человека не успокаиваются с целью встречи с внешними эманациями, — ответил он. — и это очевидно, когда увидишь, что делают другие существа. Успокоившись, некоторые из них действительно сливаются с эманациями в великом и движутся с ними. Видящие могут видеть, например, как свет эманаций скарабея расширяется до грандиозных размеров.

Люди же успокаивают свои эманации, а потом размещают над ними — эманации фокусируются на самих себе.

Он сказал, что люди доводят команду перечисления до ее логического предела и пренебрегают всем остальным. А если они глубоко вовлечены в перечисление, могут случиться две вещи: они могут либо игнорировать импульсы эманаций в великом, либо использовать их весьма своеобразно.

Конечным результатом игнорирования этих импульсов, после выполнения перечисления, будет рассудок, а результат использования каждого импульса специализированным образом известен как самопоглощение (нарциссизм).

Человеческий рассудок предстает перед видящим как необычно однородное слабое свечение, которое редко отвечает на постоянное давление эманаций в великом. Это свечение делает яйцеобразную форму тверже, но более хрупкой.

Дон Хуан заметил, что разум у человеческого вида должен был бы быть в изобилии, однако в действительности он очень редок. Большинство людей обращено к самопоглощению.

Он заверил меня, что сознание всех живых существ имеет какую-то степень самосознания, нужную для взаимодействия, однако ни одно из них, за исключением первого внимания человека, не обладает такой мерой самопоглощения. Вопреки рассудку, игнорирующему эманации в великом, самопоглощенные лица используют каждый импульс и превращают его в силу, возбуждающую пойманные в их коконе эманации.

Наблюдая все это, видящие пришли к практическим выводам. Они увидели, что люди рассудка должны были бы жить дольше, поскольку, пренебрегая импульсами эманаций в великом, они успокаивают естественное возбуждение внутри кокона. Самопоглощенные, с другой стороны, использующие эманации в великом для создания большего возбуждения, укорачивают свою жизнь.

— Что видят видящие, когда смотрят на самопоглощенные человеческие существа? — спросил я.

— Они видят их как перемежающиеся вспышки белого света, за которыми следуют длинные паузы темноты, — ответил он.

Дон Хуан остановился. У меня не было больше вопросов или, возможно, я слишком устал, чтобы спрашивать. Вдруг громкий звук заставил меня подскочить. Передняя дверь отворилась, и вошел задыхающийся Хенаро. Он повалился на матрац, весь в поту.

— Я объяснял ему первое внимание, — сказал ему дон Хуан.

— Первое внимание работает только с известным, — сказал Хенаро. — оно не даст и ломаного гроша за неведомое.

— Это не совсем так, — возразил дон Хуан. — первое внимание замечательно справляется с неведомым: оно его блокирует, оно отрицает его так яростно, что в конце концов неведомое перестает существовать для первого внимания.

— Перечисление делает нас неуязвимыми, вот почему перечисление вошло в существование прежде всего.

— О чем вы говорите? — спросил я дон Хуана.

Он не ответил. Он взглянул на Хенаро, как бы в ожидании ответа.

— Если я открою дверь, — сказал Хенаро. — будет ли первое внимание способно справиться с тем, что войдет?

— Твое и мое нет, а его да, — сказал дон Хуан, указывая на меня. — давай попробуем.

— Даже если он в состоянии повышенного сознания? — спросил дон Хенаро дон Хуана.

— Да, это безразлично, — ответил дон Хуан.

Хенаро встал, подошел к передней двери и толкнул ее, мгновенно отскочив. Порыв холодного ветра ворвался в комнату. Дон Хуан подошел ко мне и так же сделал Хенаро. Оба они смотрели на меня с любопытством.

Я хотел закрыть дверь — холод был неприятен, но когда я двинулся к двери, дон Хуан и Хенаро бросились передо мной, заслоняя меня.

— Заметил ты что-нибудь в комнате? — спросил меня Хенаро.

— Нет, не заметил, — ответил я, и это действительно было так. За исключением холодного ветра, льющегося через открытую дверь, нечего было замечать.

— Странные существа вошли, когда я открыл дверь, — сказал он. — неужели ты ничего не заметил?

В его голосе было что-то, что сказало мне, что на этот раз он не шутит.

Все втроем — они были у меня по бокам — мы вышли из дома. Дон Хуан взял керосиновый фонарь, а Хенаро запер переднюю дверь. Мы влезли в машину через дверцу для пассажиров, причем вначале они протолкнули меня. Мы уехали в дом дона Хуана в соседнем городе.

6. НЕОРГАНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

На следующий день я много раз просил дона Хуана объяснить мне наш поспешный отъезд из дома Хенаро. Он отказывался даже упоминать об этом инциденте. Хенаро в этом отношении тоже был бесполезен: каждый раз, когда я его спрашивал, он подмигивал мне и скалился, как дурак.

Во второй половине дня дон Хуан вышел на задний дворик своего дома, где я разговаривал с его учениками. Словно по команде, все молодые ученики сразу же вышли.

Дон Хуан взял меня за руку, и мы начали ходить по коридору. Он ничего не говорил. Некоторое время мы ходили так, как если бы гуляли по площади. Наконец, дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Он прошелся по мне взглядом, словно осматривая все мое тело. Я знал, что это он видит меня. Я почувствовал странную усталость, лень, которой не было, пока его глаза не стали меня обшаривать. Неожиданно он заговорил.

— Причина, по которой Хенаро и я не хотели останавливаться на том, что произошло прошлой ночью, — сказал он. — была в том, что ты был очень напуган, пока был в неведомом. Хенаро толкнул тебя, и с тобой началось.

— Что началось, дон Хуан?

— Вещи, которые пока трудно, если вообще возможно, объяснить тебе сейчас. До сих пор у тебя все еще нет достаточного запаса энергии для входа в неведомое с тем, чтобы это имело для тебя смысл. Когда новые видящие распределяли порядок истин сознания, они увидели, что первое внимание потребляет весь свет сознания, который есть у людей, и не остается ни капли свободной энергии. Теперь это твоя проблема. Тогда новые видящие предложили, чтобы воины, поскольку они должны входить в неведомое, запасали энергию. Но где взять энергию, если вся она захвачена? Пусть они получают ее, сказали новые видящие, путем искоренения ненужных привычек.

Он прекратил разговор и попросил задавать вопросы. Я спросил его, что искоренение ненужных привычек дает свету сознания. Он ответил, что это отрывает сознание от самоотражения и дает ему свободу фокусироваться на чем-либо еще.

Неведомое всегда присутствует, — сказал он. — однако оно вне возможностей восприятия нашего обыденного сознания. Неведомое — это поверхностная часть у обычного человека. И оно поверхностно потому, что средний человек не имеет достаточно свободной энергии, чтобы схватить его.

После всего времени, которое ты провел на пути воина, у тебя есть достаточно энергии, чтобы схватить неведомое, но недостаточно, чтобы понять его или хотя бы помнить.

Он объяснил, что на месте плоской скалы я очень глубоко вошел в неведомое, но я потакал своей склонности к преувеличениям и устрасился, а это худшее, что можно сделать. И я со всех ног выскочил из левой стороны, захватив, к несчастью, с собой целый легион странных вещей.

Я сказал дону Хуану, что он не попал в точку, что он должен собраться и сказать мне точно, что он подразумевает под «целым легионом странных вещей». Он взял меня за руку и мы продолжили наше хождение.

— При объяснении сознания, — сказал он. — я предположительно поместил все или почти все на свое место. Давай поговорим еще немного о древних видящих. Я говорил тебе, что Хенаро очень похож на них.

Затем он ввел меня в большую комнату. Мы сели, он начал свои разъяснения.

— Новые видящие были просто устрасены теми знаниями, которые накопили древние в течение многих, многих лет, — сказал дон Хуан. — новые видящие знали, что эти знания

ведут лишь к полному уничтожению, но все же они были зачарованы ими, особенно ритуалами.

— Как новые видящие узнали о тех ритуалах? — спросил я.

— Они были наследниками древних толтеков, — ответил он. — новые видящие узнали о них по мере продвижения. Они вряд ли использовали их когда-нибудь, однако ритуалы остались, как часть их знания.

— Что это за ритуалы, дон Хуан?

— Это все очень темные формулы, заклинания, длительные процедуры, которые предназначались для управления очень таинственной силой. По крайней мере, она была таинственной для древних толтеков, которые ее маскировали и делали более устрашающей, чем она является на самом деле.

— Что же это за таинственная сила? — спросил я.

— Это сила, которая присутствует повсюду во всем существующем, — ответил он. — древние видящие никогда не пытались раскрыть истину об этой силе, которая заставляла их создавать эти тайные ритуалы. Они просто приняли ее, как нечто священное. Однако новые видящие взглянули на нее поближе и назвали ее волей — волей эманаций Орла, или намерением.

Далее дон Хуан объяснил, что древние толтеки разделили свои тайные знания на пять частей, по две категории в каждой: земля и темные области, огонь и воды, верхний и нижний, громкий и безмолвный, движущийся и неподвижный. Он пояснил, что при этом могла накопиться тысяча различных приемов, которые все более и более усложнялись со временем.

— Тайные знания о земле, — продолжал он. — относились ко всему, что стоит на земле. Были особые наборы движений, слов, мазей и ядов, которые применялись к людям, животным, насекомым, деревьям, маленьким растениям, камням, почве.

Эти ритуалы превратили древних видящих в устрашающие существа, их тайные знания о земле использовались либо для заботы, либо для разрушения всего, что стоит на земле.

Двойником земли было то, что они знали, как темные области. Эти ритуалы были еще более опасными: они имели дело с существами без органической жизни — с живыми существами, присутствующими на земле и населяющими ее совместно со всеми органическими существами.

Несомненно, что одной из наиболее ценных находок древних видящих, особенно для них самих, было открытие, что органическая жизнь — это не единственная форма жизни, присутствующая на земле.

Я не совсем понял то, что он сказал, и мне пришлось подождать дальнейших объяснений.

— Органические существа — это не единственные существа, имеющие жизнь, — сказал он и опять помедлил, как бы давая мне время на обдумывание его утверждения.

Я пустился в долгую аргументацию относительно определений жизни и того, что значит быть живым. Я говорил о размножении, обмене веществ и росте — о тех процессах, которые отличают живые организмы от неодушевленных предметов.

— Все это относится к органике, — сказал он. — но это только одна возможность. Ты должен вывести все, что хочешь сказать, только из одной категории.

— Но как же еще может быть, дон Хуан? — спросил я.

— Для видящих быть живым — значит сознавать, — ответил он. — для обычного человека сознавать — значит быть каким-то организмом. В этом вопросе видящие отличаются: для них сознавать означает, что эманации, вызывающие сознание, заключены во вместилище.

Органические живые существа имеют кокон, заключающий эманации, но есть и другие существа, чьи вместилища для видящего не имеют формы кокона. И все же они имеют в себе эманации сознания и характеристики жизни, отличные от воспроизведения и обмена веществ.

— Какие же это, дон Хуан?

— Такие, как эмоциональная зависимость, печаль, радость, гнев, и так далее, и тому подобное. Да, я забыл лучшее из всего — любовь! Род любви, о котором человек не может даже и помыслить!

— Ты это серьезно, дон Хуан? — спросил я горячо.

— Совершенно серьезно, — ответил он с каменным выражением лица, а затем разразился смехом. — если мы возьмем за основу то, что видят видящие, то жизнь, в самом деле, нечто необычайное.

— Если те существа живые, почему же они не дадут о себе знать? — спросил я.

— Они все время это делают, и не только видящим, но и обычным людям. Но дело в том, что вся наличная энергия поглощена внешним вниманием. Перечисления, которыми занимаются люди, не только всю ее забирают, но и огрубляют оболочку кокона до того, что делают ее негибкой. При таких обстоятельствах нет возможного взаимодействия.

Он напомнил мне о тех бесчисленных случаях в процессе моего обучения с ним, когда я был сам свидетелем неорганических существ. Я возразил, что «объяснил» почти все эти случаи. Я даже сформулировал гипотезу, что это учение с помощью галлюциногенных растений пытается выудить у ученика согласие на первобытную интерпретацию мира. Я сказал ему, что формально я не назвал это «первобытной интерпретацией мира», а применил антропологическое выражение «взгляд на мир, свойственный обществу охотников и собирателей».

Дон Хуан смеялся почти до изнеможения.

— Я даже не могу сказать, в каком состоянии ты лучше — в своем нормальном или в состоянии повышенного сознания, — сказал он. — в своем обычном состоянии ты лишен подозрительности, однако утомительно рассудочен. Я думаю, что ты мне нравишься больше, когда находишься поглубже в левой части, несмотря на то, что ты ужасно пугаешься всего, как вчера.

И, прежде чем я успел сказать что-нибудь, он заявил, что был зрителем того, что древние видящие делали по сравнению с новыми видящими, и в качестве контраргумента хочет выступить с этим, чтобы дать мне более ясное понятие о странностях, против которых я восстаю. Затем он продолжил объяснение ритуалов древних видящих.

Он сказал, что следующая из великих находок относилась к другой категории тайных знаний: огню и воде. Они открыли, что пламя имеет очень странные особенности: оно может переносить человека телесно, так же как и вода.

Дон Хуан назвал это блестящим открытием. Я отметил, что есть основные законы физики, которые доказывают, что это невозможно. Он попросил меня подождать, пока он объяснит все, а затем уже делать любые выводы. Он заметил, что мне следует контролировать свою излишнюю рассудочность, поскольку она постоянно влияет на мое состояние повышенного сознания. Это не тот случай, когда нужно обязательно реагировать на внешнее влияние, а тот, когда можно попасться в собственные сети.

Он продолжил и объяснил, что древние толтеки, хотя и были видящими, не понимали того, что видят. Они просто пользовались своими приемами, не заботясь о том, чтобы связать их в более широкой перспективе. В случае из категорий огня и воды, они разделили огонь на жар и пламя, а воду на влажность и текучесть. Они соотносили жар и влажность и называли их меньшими качествами. Пламя и текучесть они считали высшими, магическими качествами, и использовали их как средства телесного перенесения в область неорганической жизни. Древние видящие увязали в болоте между своими знаниями о такого рода неорганической жизни и своими методами работы с огнем и водой.

Дон Хуан заверил меня, что новые видящие согласились, что открытие неорганических живых существ действительно необычайно, но не в том смысле, в котором думали об этом древние видящие. Так, их положение из-за однозначной связи с другого рода жизнью дало им ложное чувство неуязвимости, которое и определило их судьбу.

Я хотел, чтобы он объяснил древние методы работы с огнем и водой более подробно. На это он сказал, что знания древних видящих настолько сложны, насколько бесполезны, и он только делает обзор их.

Затем он кратко описал методики для верхнего и нижнего. Верхнее имеет дело с тайными знаниями о ветре, дожде, грозе, облаках, громе, дневном свете и солнце. Знание о нижнем относится к туману, воде подземных источников, болотам, ударам молний, землетрясениям, ночи, лунному свету и луне.

Громкость и безмолвие были категориями тайных знаний, где манипулировали звуком и безмолвием, а с подвижным и неподвижным были связаны приемы работы с движением и неподвижностью.

Я спросил его, может ли он дать мне хоть один пример описанных им методик. Он ответил, что в течение многих лет дал мне десятки таких примеров. Но я настаивал на том, что разумно объяснил все то, что он мне демонстрировал.

Он не ответил. Казалось, что он либо рассердился на меня за эти вопросы, либо серьезно искал такой пример. Через некоторое время он улыбнулся и сказал, что нашел подходящий пример.

— Методика, которую я имею в виду, должна быть приведена в действие в мелком потоке, — сказал он. — такой есть вблизи дома Хенаро.

— Что я должен буду сделать?

— Ты должен иметь зеркало средних размеров.

Я удивился такому требованию. Я сказал, что древние толтеки не знали зеркал.

— Они не знали, — согласился он, улыбаясь. — это добавление к их ритуалу моего благодетеля. Все, в чем древние нуждались — это отражающая поверхность.

Он пояснил, что методика заключается в том, чтобы погрузить отражающую поверхность в воду мелкого потока. Такой поверхностью может быть любой плоский предмет, обладающий какой-то способностью отражать изображение.

— Я хотел бы, — сказал он. — чтобы ты сделал прочную оправу из листа металла для зеркала средних размеров. Она должна быть водонепроницаемой, поэтому запечатай ее варом. Ты должен сделать ее сам, своими руками. Когда ты сделаешь ее, привези, и мы продолжим.

— И что же случится, дон Хуан?

— Не опасайся. Ты же сам просил меня дать тебе пример древней практики толтеков. То же самое я потребовал от своего благодетеля. Я думаю, что в определенный момент каждый требует этого. Мой благодетель говорил, что он сделал то же самое. И его благодетель, нагваль Элиас, дал ему пример. В свою очередь мой благодетель дал этот же пример мне, а я собираюсь дать его тебе.

В то время, когда мой благодетель дал мне этот пример, я не знал, как он сделал это. Теперь я знаю. Однажды ты тоже будешь знать, как работает эта методика, и поймешь все, что лежит за всем этим.

Я подумал, что дон Хуан хочет, чтобы я вернулся домой в Лос-Анжелес и сделал там оправу для зеркала. Я сказал, что для меня будет невозможно вспомнить задание, если я не останусь в состоянии повышенного сознания.

— В этом замечании не учтены две вещи, — сказал он. — во-первых, ты не можешь оставаться в состоянии повышенного сознания, так как не можешь действовать, если я, или Хенаро, или кто-нибудь еще из воинов партии нагваля не будет за тобой присматривать каждую минуту, как это делаю я теперь. И, во-вторых, Мексика — это не лунная поверхность. Здесь тоже есть хозяйственные магазины. Мы можем поехать в Оаксаку и купить все, что тебе нужно.

На следующий день мы поехали в этот город, и я купил все необходимые детали для сборки рамы. Я собрал ее сам, в слесарной мастерской за ничтожную плату. Дон Хуан велел мне положить все в багажник машины, взглянув при этом лишь мельком на то, что я сделал.

Мы выехали к дому Хенаро только к вечеру и прибыли туда рано утром. Я искал Хенаро. Его нигде не было, дом казался покинутым.

— Зачем Хенаро содержит этот дом? — спросил я дона Хуана. — ведь он живет с тобой, не так ли?

Дон Хуан не ответил. Он как-то странно взглянул на меня и пошел зажигать керосиновую лампу. Я остался один в комнате в полной темноте. Я чувствовал большую усталость, которую приписывал долгому утомительному вождению с подъемом в горы. Мне захотелось прилечь. В темноте не было видно, где Хенаро положил матрацы, и я натолкнулся на целую их кучу. Тогда я вдруг понял, зачем Хенаро содержит этот дом: он заботится о мужчинах-учениках — Паблито, Несторе и Бениньо, которые живут здесь, когда находятся в состоянии обычного сознания.

Я почувствовал себя весело — усталость как рукой сняло. Вошел дон Хуан с лампой. Я сказал ему о своем открытии, но он ответил, что это неважно и что я не буду помнить этого слишком долго.

Он попросил показать ему зеркало. Он, казалось, был доволен и заметил, что хотя оно и легкое, но прочное. Он отметил, что я использовал металлические винты для крепления алюминиевой рамы к металлическому листу, которым я воспользовался, как подложной для зеркала длиной 18 дюймов и шириной 14.

— Я для своего зеркала сделал деревянную оправу, — сказал он. — эта выглядит гораздо лучше. Моя оправа была слишком громоздкой и в то же время хрупкой.

— Позволь мне объяснить, что мы собираемся делать, — продолжал он после осмотра зеркала. — или, лучше сказать, что мы попытаемся сделать. Мы вдвоем собираемся поместить это зеркало на поверхность ручья вблизи дома. Он достаточно широкий и довольно мелкий, что нам подходит.

Смысл в том, чтобы позволить текучести воды оказать на нас давление и унести нас.

И до того, как я успел что-либо сделать или задать вопрос, он напомнил мне, что в прошлом я исследовал воду подобного потока и совершил необычайные подвиги восприятия. Он напомнил мне последствия приема внутрь галлюциногенных растений, которые я переживал многократно, пока был погружен в ирригационную канаву позади его дома в северной Мексике.

— Оставь свои вопросы до тех пор, пока я не объясню тебе то, что видящие знают относительно сознания, — сказал он. Тогда ты поймешь все, что мы делаем, в другом свете, а теперь давай попробуем нашу методику.

Мы вышли к близлежащему ручью, и он выбрал место с плоскими, выступающими на поверхность камнями. Он сказал, что здесь вода довольно мелкая, и это подходит для наших целей.

— Что, по-твоему, должно произойти? — спросил я в наплыве захватывающих опасений.

— Я не знаю. Все, что я знаю, это то, что мы хотим попробовать. Мы должны держать зеркало очень осторожно и очень крепко. Мы мягко опустим его на поверхность воды, а затем позволим погрузиться. После этого мы будем придерживать его на дне. Я проверил: здесь достаточно ила, чтобы мы могли погрузить наши пальцы под зеркало, чтобы прочно его удерживать.

Он предложил мне сесть на корточки на плоский камень, торчащий над поверхностью в середине слабого потока, и заставил держать зеркало обеими руками почти что за углы одной из сторон. Сам он присел на корточки напротив и взял зеркало так же, как я. Мы позволили зеркалу погрузиться и затем держали, опустив руки в воду почти по локоть.

Он приказал мне освободиться от мыслей и внимательно глядеть на поверхность зеркала. Он все время повторял, что трюк в том, чтобы совсем не думать. Я пытливо всматривался в зеркало. Слабое течение мягко волновало отражения наших лиц. После нескольких минут постоянного вглядывания в зеркало мне показалось, что постепенно изображения наших лиц стали гораздо яснее, а зеркало выросло в размерах, по крайней мере до одного ярда. Течение как бы прекратилось, и зеркало выглядело так, как если бы было положено на поверхность воды. Еще более странной была четкость наших изображений: казалось, что мое лицо увеличилось не по размеру, а по фокусу, так что можно было видеть поры на коже лба.

Дон Хуан тихо прошептал мне не останавливать взгляда на моих или его глазах, а позволить ему блуждать по кругу, не фокусируясь на какой-либо части наших отражений.

— Смотри пристально, не останавливая взгляда! — повторял он приказание громким шепотом.

Я делал то, что он требовал, не переставая думать о кажущемся противоречии указания. В этот момент что-то во мне поймалось на зеркале, и противоречие действительно обрело смысл: «можно, оказывается, смотреть пристально, не останавливая взгляда», — подумал я, и в тот момент, когда мысль сформулировалась, рядом с моей головой и головой дон Хуан появилась еще одна. Она была видна в нижней части зеркала справа от меня.

Все мое тело тряслось. Дон Хуан шепотом советовал мне успокоиться и не показывать ни страха, ни удивления. Он опять скомандовал мне смотреть внимательно, не останавливая взгляда на новом пришельце. Я должен был делать неимоверное усилие, чтобы не задохнуться от страха и не упустить зеркало. Тело мое тряслось с головы до пят. Дон Хуан опять прошептал, требуя держать себя в руках. Он постоянно подталкивал меня локтем.

Постепенно я взял под контроль свой страх. Я смотрел на третью голову и постепенно понял, что это не человеческая голова и не голова какого-нибудь животного. Фактически это вовсе не была голова: это была форма без всякой внутренней подвижности. Когда возникла эта мысль, я мгновенно понял, что не я ее мыслю. Это осознание тоже не было мыслью. Для меня возник момент ужасной тревоги, а затем мне стало известно нечто непостижимое: эти мысли были голосом в моем ухе!

— Я вижу! — закричал я по-английски, но звука не было слышно.

— Да, ты видишь, — ответил голос в мое ухо по-испански.

Я почувствовал, что охвачен силой, превышающей меня самого. Я не чувствовал боли или хотя бы тревоги. Я ничего не чувствовал. Я знал без тени сомнения, поскольку этот голос так говорил мне, что я не могу разорвать хватку этой силы актом воли или усилия. Я знал, что умираю. Я автоматически поднял глаза, чтобы взглянуть на дон Хуана, и в тот момент, когда глаза наши встретились, та сила оставила меня. Я был свободен. Дон Хуан улыбнулся мне так, как если бы знал, через что я прошел.

Я осознал, что стою. Дон Хуан держал зеркало за край, чтобы позволить стечь воде.

Домой возвращались в безмолвии.

— Древние толтеки были просто загипнотизированы своими находками, — сказал дон Хуан.

— Могу понять, почему, — сказал я.

— И я тоже, — ответил он.

Сила, которая тогда охватила меня, была такой могущественной, что лишила меня дара речи, даже мышления, на несколько часов. Она заморозила меня полным безмолвием, и я оттаивал по кусочкам.

— Без всякого сознательного вмешательства с нашей стороны, — продолжал дон Хуан, — для нас эта древняя методика распалась на две части: первой было как раз достаточно для того, чтобы ознакомить тебя с тем, что происходит. Во второй мы попытаемся осуществить то, к чему стремились древние видящие.

— Что в действительности произошло там, дон Хуан? — спросил я.

— Есть две версии. Сначала я дам тебе версию древних видящих. Они думали, что отражающая поверхность сияющего предмета, погруженного в воду, увеличивает власть воды, поэтому обычно они пристально смотрели на водные тела, а отражающая поверхность была помощью в ускорении процесса. Они полагали, что наши глаза являются ключами для входа в неведомое. Пристально глядя в воду, они позволяли глазам отворить путь.

Дон Хуан заметил, что древние видящие отмечали, что влажность воды только увлажняет или смачивает, а ее текучесть движет. Она бежит, думали они, в поисках других уровней внизу. Они верили, что вода дана нам не только для жизни, но и как звено связи — дорога к другим нижним уровням.

— Много ли этих уровней внизу? — спросил я.

— Древние насчитывали семь, — ответил он.

— Знаешь ли ты их сам, дон Хуан?

— Я видящий нового цикла и, следовательно, у меня другие взгляды, — ответил он. — я просто показываю тебе, что делали древние видящие, и рассказываю, во что они верили.

Он заверил меня, что только то, что у него другие взгляды, не делает негодными методики древних видящих: их интерпретация была ошибочной, но их истины имели для них практическое значение. В случае методик, связанных с водой, они были убеждены, что по-человечески можно быть перенесенным текучестью воды в любое место между этим нашим уровнем и другими семью нижними или же быть перенесенным в сущности в любое место на этом уровне вдоль реки в обоих направлениях. Соответственно они использовали текучую воду для переноса на этом нашем уровне, а воду глубоких озер или водяных провалов для переноса в глубины.

То, к чему они стремились с помощью показанной мной методики, — продолжал он. — было двойственным. С одной стороны, они использовали текучесть воды, чтобы перенестись на первый нижний уровень. С другой — для встречи лицом к лицу с живыми существами этого первого уровня. Головоподобная форма в зеркале была одним из этих существ, которое подошло посмотреть на нас.

— Так они действительно существуют! — воскликнул я.

— Да, они, конечно, существуют, — ответил он.

Он сказал, что древние видящие потерпели урон из-за своей странной привязанности к их ритуалам, но то, что они нашли, остается в силе. Они нашли, что самый надежный путь для встречи с одним из этих существ лежит через тело воды. Размеры этого тела не так важны: океан или пруд служат одинаково хорошо. Он выбрал небольшой ручей потому, что ему не хотелось промокнуть. Те же результаты мы могли получить в озере или в большой реке.

— Существа другой жизни подходят, чтобы узнать, что происходит, когда люди зовут, — продолжал он. — эта толтекская методика — как стук в их дверь. Древние видящие говорили, что сияющая поверхность на дне служит приманкой и окном, так что люди и те существа встречаются у этого окна.

— Это ли случилось там со мной? — спросил я.

— Древние видящие сказали бы, что ты был движим властью воды и властью первого уровня плюс магнетическое влияние существа в окне.

— А я слышал голос, говоривший мне в ухо, что я умираю, — сказал я.

— Голос был прав. Ты умирал, и ты бы умер, если бы меня там не было. В этом опасность применения методик толтеков: они чрезвычайно эффективны, но большей частью и смертельны.

Я сказал ему, что стыжусь признаться в том, что я в ужасе. Видеть эту форму в зеркале и иметь ощущение обволакивающей силы было для меня слишком.

— Я не хочу расстраивать тебя, — сказал он. — но с тобой еще ничего не случилось. Если то, что случилось со мной, считать образцом того, что должно произойти с тобой, то тебе лучше подготовиться к шоку в своей жизни. Лучше наложить в штаны сегодня, чем умереть завтра.

Мой страх был настолько ужасающим, что я не мог выговорить вопроса, пришедшего мне на ум. Пришлось долго стоять, делая глотательные движения. Дон Хуан хохотал до тех пор, пока не начал кашлять. Его лицо побагровело. Хотя я опять обрел дар речи, каждый из моих вопросов вызывал у него новый приступ кашляющего смеха.

— Ты не представляешь, насколько все это мне смешно, — сказал он, наконец. — я смеюсь не над тобой, а просто над ситуацией. Мой благодетель заставил меня пройти через это же, и, глядя на тебя, я не мог не видеть себя.

Я сказал ему, что у меня расстроился живот. Он сказал, что это прекрасно, что естественно быть напуганным и что подавлять страх ошибочно и бессмысленно. Древние видящие попались из-за подавления своего ужаса, когда они должны были быть напуганными до безумия. Поскольку они не хотели оставить свои стремления или отказаться от своих утешительных построений, они стали управлять своим страхом.

— Что еще мы собираемся делать с зеркалом? — спросил я.

— Это зеркало будет использовано для твоей встречи лицом к лицу с тем существом, на которое ты только взглянул позавчера.

— Что случается при встрече лицом к лицу?

— Что случается? Одна форма жизни — человеческая — встречается с другой формой жизни. Древние видящие говорили, что в данном случае это существо с первого уровня текучести воды.

Он объяснил, что древние видящие допускали, что те семь уровней ниже нашего — это уровни текучести воды. Для них подземные ключи имели несказанное значение, поскольку они думали, что в этом случае текучесть воды обращена и идет из глубин к поверхности. Они считали это средством, при помощи которого существа с других уровней, существа других форм жизни подходят к нашему уровню, чтобы посмотреть на нас, понаблюдать за нами.

— В этом отношении те древние видящие не ошибались, — продолжал он.

— Они попали прямо в яблочко: сущности, которых новые видящие называют олли, действительно появляются у водных провалов.

— Было ли существо в зеркале олли? — спросил я.

— Конечно. Но не такое, какое можно использовать. Традиция олли-союзников, с которой я познакомил тебя в прошлом, идет непосредственно от древних видящих. Они восхищались своими союзниками-олли, однако ничто из того, что они делали, не имело значения, когда пришли настоящие враги — их собратья-люди.

— Поскольку эти существа — союзники, они должны быть очень опасными, — сказал я.

— Так же опасны, как и мы, люди, — не больше, не меньше.

— Могут ли они убить нас?

— Непосредственно нет, но они могут запугать нас до смерти. Они могут пересечь границу сами или просто же подойти к окну. Как ты можешь понять теперь, древние толтеки тоже не останавливались лишь перед окнами: они нашли странные пути прохода через них.

Вторая стадия применения методики проходила весьма похоже на первую, за тем исключением, что она потребовала от меня, наверное, вдвое больше времени для расслабления и остановки внутренней суматохи.

Когда это произошло, то отражение лица дон Хуана и моего стали мгновенно ясными. Я переходил от его отражения к моему, возможно, в течение часа. Я ожидал появления олли в любой момент, но ничего не происходило. Шея болела, спина онемела, ноги затекли. Я хотел стать на колени на камне, чтобы уменьшить боль в пояснице, но дон Хуан прошептал, что в тот момент, когда олли покажет свою форму, мое неудобство исчезнет.

Он был абсолютно прав, шок от того, что я стал свидетелем круглой формы на краю зеркала, рассеял все мои неудобства.

— Что мы делаем сейчас? — прошептал я.

— Расслабься и не фокусируй взгляда ни на чем, ни на одно мгновение, — ответил он. — следи за всем, что появляется в зеркале. Смотри внимательно, не останавливая взгляда.

Я повиновался. Я скользил взглядом по всему в пределах оправы зеркала. В моих ушах стояло странное жужжание. Дон Хуан прошептал, чтобы я сделал глазами круговое движение по часовой стрелке, если почувствую, что меня охватывает необычная сила, однако ни при каких обстоятельствах, подчеркнул он, я не должен поднимать головы, чтобы взглянуть на него.

Через мгновение я заметил, что зеркало отражает больше, чем только наши лица и круглую форму. Его поверхность потемнела. Появились пятнышки интенсивного фиолетового свечения. Они росли. Кроме них, были здесь также пятна предельной черноты. Затем это обратилось во что-то, подобное плоской картине облачного неба лунной ночью. Внезапно вся поверхность вошла в фокус, как в кино. Новое зрелище было трехмерным, захватывающим зрелищем глубины.

Я знал, что для меня совершенно невозможно побороть ужасающую притягательность этого видения. Я начал втягиваться внутрь. Дон Хуан усиленно зашептал, чтобы я

повращал глазами, спасая жизнь. Это движение сразу принесло облегчение. Я смог различить наши отражения и отражение олли. Затем олли исчез и появился на другом конце зеркала. Дон Хуан скомандовал мне держать зеркало изо всех сил. Он потребовал, чтобы я держался спокойно и не делал никаких внезапных движений.

— Что будет? — прошептал я.

— Олли попытается выйти, — ответил он.

Как только он сказал это, я почувствовал сильную тягу: что-то трясло мои руки. Тянуло снизу зеркала. Это была какая-то всасывающая сила, которая действовала равномерно на всю оправу.

— Держи зеркало крепко, но не сломай его, — приказал дон Хуан. — борись с засасыванием, не позволяй олли погрузить зеркало слишком глубоко.

Сила, тянущая нас вниз, была громадной. Я чувствовал, что мои пальцы сейчас сломаются или будут разбиты о камни на дне. В один из моментов дон Хуан и я потеряли равновесие и сошли с плоских камней в воду. Вода была довольно мелкой, однако всплески силы олли вокруг рамы зеркала были такими пугающими, как если бы мы были в большой реке. Вода у ног завихрилась от мути, но изображения в зеркале остались незамутненными.

— Берегись! — закричал дон Хуан. — вот он выходит!

Тяга превратилась в толчок снизу. Что-то карабкалось на край зеркала: не на внешний край, за который мы держали, а изнутри зеркала. Это было так, как если бы зеркальная поверхность действительно была окном и что-то или кто-то влезал через него.

Дон Хуан и я отчаянно боролись, либо прижимая зеркало книзу, когда его поднимало, либо толкая его вверх, когда его тянуло вниз.

В таком наклоненном положении мы медленно отходили по ручью от первоначального места. Вода становилась глубже, а дно было покрыто скользкими камнями.

— Давай вынем зеркало из воды и потрясем его, — сказал дон Хуан резким голосом.

Громкие всплески сопровождали это действие. Казалось, что мы поймали голыми руками громадную рыбину и она яростно трепыхалась.

Мне пришло в голову, что зеркало, в сущности, это люк, и странная форма пыталась выкарабкаться через него. Она навалилась на край «люка» могучим весом и была достаточно большой, чтобы закрыть изображения лиц дон Хуана и моего — их больше нельзя было видеть. Я мог различить только массу, пытающуюся протиснуться вверх.

Зеркало не было уже больше на дне, и мои пальцы не прижимались к камням. Зеркало было на средней глубине, удерживаемое противоположными силами тяги олли и нашей. Дон Хуан сказал, что собирается подсунуть свои руки под зеркало, а я должен очень быстро перехватить их, чтобы иметь лучший рычаг для подъема зеркала на предплечьях. Когда он наклонил его в свою сторону, я быстро попытался поймать его руки, однако под зеркалом ничего не было. Я колебался секунду, достаточно долгую, чтобы зеркало уплыло из моих рук.

— Хватай его! Хватай! — закричал дон Хуан.

Я схватил зеркало, когда оно уже было на грани падения на камни. Я поднял его из воды, но недостаточно быстро — вода казалась клейкой. Вытаскивая зеркало, я вытащил также часть тяжелой резиноподобной субстанции, которая просто вырвала зеркало из моих рук и нырнула обратно в воду. Дон Хуан, проявляя необычайное проворство, схватил зеркало и поднял его за ребро безо всякого труда.

Никогда в жизни не было у меня такого приступа меланхолии. Это была тоска, на имевшая ясного основания: у меня она ассоциировалась с памятью глубин, которые я видел в зеркале. Это была смесь чистого томления по тем глубинам и абсолютного страха перед их холодным одиночеством.

Дон Хуан заметил, что в жизни воина очень естественно чувствовать печаль безо всякой видимой причины. Видящие говорят, что светящееся яйцо, как поле энергии, ощущает свое конечное назначение, когда границы известного разбиты. Простого взгляда на вечность вне кокона достаточно, чтобы прервать уют, созданный перечислением. Возникающая от этого тоска может быть столь интенсивной, что приводит почти к смерти.

Он сказал, что наилучший способ отделаться от меланхолии — это пошутить над ней. Он сказал насмешливо, что мое первое внимание делает все для восстановления порядка, который был нарушен моим контактом с олли. А поскольку невозможно восстановить его рассудочно, мое первое внимание делает это, фокусируясь на печали.

Я сказал ему, что, несмотря на это, тоска остается реальной. Ни потакание ей, ни осмеивание ее не являются частью чувства одиночества, которое возникает у меня при воспоминании о тех глубинах.

— Наконец-то что-то дошло и до тебя, — сказал он. — нет ничего более одинокого, чем вечность, и ничего более ужасного, чем быть просто человеческим существом. Это еще одно противоречие: как может человек, сохраняя ограничения своей человечности, все же весело и целеустремленно входить в абсолютное одиночество вечности? Когда ты разрешишь эту загадку, ты будешь готов к окончательному путешествию.

Я знал теперь совершенно определенно причину своей тоски: это знакомое мне возвращающееся чувство, которое я всегда забываю, пока не осознаю опять то же самое — беспомощность человеческого перед лицом грандиозности этой вещи в себе, отражение которой я увидел в зеркале.

— Человеческие существа действительно ничто, дон Хуан, — сказал я.

— Я точно знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — конечно, мы ничто, но именно это и составляет предельный вызов: мы, ничтожные, можем действительно противостоять одиночеству вечности.

Неожиданно он изменил тему разговора, оставив меня с открытым ртом и незадачным следующим вопросом. Он начал обсуждать нашу схватку с олли. Он сказал, что, прежде всего, борьба с олли не была шуткой. Она, конечно, не была связана с вопросом жизни и смерти, но и не была прогулкой на лоно природы.

— Я выбрал эту методику, — сказал он. — потому что мой благодетель показал мне ее. Когда я попросил его дать мне пример древней методики, он почти раскололся от внутреннего смеха: моя просьба слишком напоминала ему его собственный опыт. Его благодетель, нагваль Элиас, тоже дал ему резкую демонстрацию этой же методики.

Дон Хуан сказал, что, поскольку он сам сделал деревянную раму для зеркала, он должен был бы попросить меня сделать так же, но ему захотелось узнать, что же случится, если рама будет прочнее, чем у него или у его благодетеля. Обе эти рамы сломались, и каждый раз олли выходил наружу.

Он объяснил, что во время его собственной схватки с олли олли растерзал раму на части, а он и его благодетель остались стоять с двумя кусками дерева, в то время как зеркало утонуло и олли вышел из него.

Его благодетель знал, чего ожидать дальше. При отражении в зеркале олли не так страшен, поскольку видишь лишь форму, какого-то рода массу, но когда олли выходят, они, кроме того, что оказываются действительно устрашающими, создают массу забот. Он заметил, что если олли вышли со своего уровня, для них очень трудно вернуться обратно. То же обычно случается с людьми: если видящие выходят на уровень этих существ, есть шанс никогда больше не увидеть их.

— Мое зеркало разбилось от силы олли, — сказал он. — так что не было больше окна, через которое олли мог бы вернуться, и он последовал за мной. Он помчался за мной, перекачиваясь в себе. Я побежал на всех четырех с предельной скоростью, завывая от ужаса. Я бегал по холмам, как одержимый. Все время олли сидел у меня на пятках.

Дон Хуан сказал, что его благодетель побежал за ним, но он был слишком стар и не мог двигаться так быстро, однако у него оказалось достаточно здравого смысла прокричать дону Хуану, чтобы тот вернулся, и таким образом принять меры для освобождения от олли. Он закричал, что собирается развести костер и что дон Хуан должен бегать по кругу, пока все не будет готово. Он отправился для сбора сухих веток, а дон Хуан в это время бегал вокруг холма, обезумев от страха.

Дон Хуан признался, что ему пришло в голову, пока он бегал по кругу, что его благодетель в действительности наслаждается всем случившимся. Он знал, что его благодетель был воином, способным прийти в восторг от любой жизненной ситуации. Так почему бы и не от этой? На мгновение он так разозлился на благодетеля, что олли перестал преследовать его, и дон Хуан в каких-то непередаваемых выражениях обвинил своего благодетеля в злобности. Его благодетель ничего не ответил, но, взглянув на олли, маячившего позади дона Хуана, сделал жест непритворного ужаса. Дон Хуан забыл о своем гневе и опять начал носиться по кругу.

— Мой благодетель был просто дьявольский старик, — сказал дон Хуан. — он научился смеяться внутренне: это не отражалось на его лице, так что он мог притвориться плачущим или гневающимся, когда в действительности смеялся. В тот день, когда олли гонял меня по кругу, мой благодетель стоял внутри круга и защищался от моих обвинений. Я слышал только часть его длинной речи, когда пробежал мимо. Итак, пока это продолжалось, я слышал другие части объяснений: что он должен собрать много дров, чтобы костер был большим, так как олли большой, что маневр, может быть, и не удастся.

Меня поддерживал только мой безумный страх. Наконец он, по-видимому, понял, что я могу упасть мертвым от истощения. Он развел костер и пламенем оградил меня от олли.

Дон Хуан стоял у костра всю ночь, худшими моментами которой были те, когда его благодетель отлучался поискать еще сухих веток и оставлял его одного. Он был так напуган, что обещал богу оставить путь воина и стать фермером.

— Утром, когда я истощил всю свою энергию, — добавил дон Хуан. — олли удалось сунуть меня в огонь, и я сильно обжегся.

— А что стало с олли? — спросил я.

— Мой благодетель никогда не говорил мне, что стало с ним, — ответил он. — но у меня такое чувство, что он все еще бродит бесцельно вокруг, пытаюсь найти путь возвращения.

— Ну а что произошло с твоим обетом богу?

— Мой благодетель сказал, что нечего беспокоиться, что это было доброе обещание, но что я еще не знаю того, что некому выслушивать такое обещание, так как такого бога нет. Все, что есть, это эманации Орла, а им не нужны обещания.

— А что бы случилось, если бы олли поймал тебя?

— Я мог бы умереть от страха, — ответил он. — если бы я знал, что происходит, когда попадешься, я дал бы ему возможность схватить себя. В то время я был отчаянным человеком. Когда олли схватит тебя, ты либо получишь разрыв сердца и умрешь, либо будешь бороться с ним. Тогда, после момента особой ярости, энергия олли истощается, так как нет ничего, что олли может сделать с нами или наоборот — нас разделяет бездна.

Древние видящие полагали, что в тот момент, когда энергия олли иссякает, он отдает свою власть человеку. Господи, какая там власть! У древних видящих олли выходили из ушей, а власть их олли не имела никакого смысла.

Дон Хуан объяснил, что в этом вопросе новым видящим опять пришлось исправлять путаницу. Они нашли то единственное, что идет в расчет — безупречность, то есть способ освобождения энергии. Все же среди древних видящих были такие, что были спасены своими олли, но это не имело никакого отношения к власти олли — безупречность позволила этим людям воспользоваться энергией этих других форм жизни.

Новые видящие нашли, однако, наиболее важное, связанное с олли — то, что делает их полезными или бесполезными для человека. Бесполезные олли, каких несметное количество — это те внутренние эманации, которые таковы, что мы не можем с ними встретиться внутри себя. Они настолько отличны от нас, что совершенно бесполезны. Другие, каких мало, они сродни нам, а это означает, что у них есть эманации, подходящие нам.

— Как же этот род используется человеком? — спросил я.

— Нам следует применять другое слово вместо слова «используется», — ответил он. — я сказал бы, что в этом случае между олли и видящим происходит справедливый обмен энергией.

— Как же этот обмен происходит? — спросил я.

— Через их встречные эманации, — ответил он. — естественно, что эти эманации относятся к левостороннему сознанию человека, к той части, которой средний человек никогда не пользуется. По этой причине олли совершенно отделены от мира правостороннего сознания, или от стороны рассудка.

Он сказал, что встречные эманации дают обоим общую почву. Тогда, по мере знакомства, устанавливается более глубокая связь, полезная обоим. Видящие стремятся воспользоваться эфирными качествами олли: они сказочные разведчики и хранители. Олли стремятся к большому полю энергии человека, и с ее помощью они даже могут материализоваться.

Он уверил меня, что опытные видящие играют с этими совместными эманациями до тех пор, пока не достигнут их полного фокусирования. Этот обмен происходит во времени. Древние видящие не поняли этого процесса и развили сложные методики созерцания для спуска в глубины, какие я видел в зеркале.

— У древних видящих были очень усложненные орудия для помощи им при спуске, — продолжал он. — это была веревка особого плетения, которую они привязывали вокруг талии. На ней было мягкое утолщение, пропитанное смолой, которое подходило к самому пупку, как пробка. У видящих был помощник или несколько, которые держали за веревку, пока те погружались в свое созерцание. Естественно, что смотреть непосредственно на отражение глубины чистого пруда или озера — это бесконечно более переполняющее зрелище, чем то, что мы выполнили с помощью зеркала.

— Но действительно ли они спускались телесно? — спросил я.

— Ты поразился бы, если бы узнал, на что способен человек, особенно управляющий сознанием, — ответил он. — древние видящие были странными. В своих экскурсах в глубины они нашли чудесные вещи. Встреча с олли для них была обычной. Теперь-то ты, конечно, понимаешь, что слово «глубины»

— Это только так говорится. Нет никаких глубин, есть только управление сознанием, но именно этого так никогда и не поняли древние видящие.

Я сказал ему, что из того, что он рассказал из своего опыта с олли плюс мои субъективные впечатления от того, как олли вился в воде, я пришел к выводу, что олли очень агрессивны.

— Совсем нет, — ответил он. — и не потому, что у них нет энергии, чтобы быть агрессивными, а потому, что у них другой вид энергии. Они больше похожи на электрический ток, а органические существа ближе к тепловым волнам.

— Но почему же он преследовал тебя так долго? — спросил я.

— В этом нет тайны, — ответил он. — их привлекают эмоции. Животный страх — вот что привлекает их больше всего. Он освобождает род энергии, подходящий для них. Их внутренние эманации спланиваются животным страхом, а поскольку мой страх был безотчетным, олли следовал за ним, или, лучше сказать, мой страх зацепил олли и не отпускал.

Он сказал, что никто иной, как древние видящие, нашли, что олли наслаждаются животным страхом больше, чем еще чем-либо.

Они доходили даже до крайностей, намеренно поддерживая его для своих олли и запугивая человека до смерти. Древние видящие были убеждены, что олли имеют человеческие чувства, однако новые видящие видят это по-другому. Они видят, что олли привлекает энергия, освобождаемая эмоциями: любовь здесь так же эффективна, как ненависть или печаль.

Дон Хуан добавил, что если бы он чувствовал к олли любовь, олли пошел бы за ним куда угодно, хотя в этом случае преследование проводилось бы несколько в другом настроении. Я спросил его, остановился бы олли в тот раз, если бы он контролировал свой страх. Он сказал, что управление страхом было трюком древних видящих. Они могли управлять им до такой степени, что могли выделять его. Они захватывали олли собственным страхом, и распределяя его постепенно, как пищу, держали олли в рабстве.

— Эти древние видящие были страшными людьми, — продолжал дон Хуан, — впрочем, мне не следует употреблять прошедшее время — они страшны и сейчас. Они домогаются доминирования, господства над всем и над вся.

— Даже сегодня, дон Хуан? — спросил я, стремясь получить от него дальнейшие объяснения.

Он изменил предмет разговора, сказав, что я упустил возможность быть напуганным вне всякой меры. Он сказал, что то, что я запечатал раму зеркала гудроном, не позволило воде попасть за стекло. Он считал это решающим фактором того, что олли не удалось разбить зеркало.

— Очень плохо, — сказал он. — может быть, тебе даже понравился бы этот союзник. Между прочим, это был не тот, что приходил за день до этого — второй был очень сродни тебе.

— Нет ли у тебя самого каких-нибудь олли, дон Хуан? — спросил я.

— Как ты знаешь, у меня есть союзники моего благодетеля, — сказал он. — я не могу сказать, что у меня по отношению к ним те же чувства, какие были у моего благодетеля. Он был тихим, но очень страстным человеком, который щедро раздавал все, даже свою энергию, он любил олли. Для него не трудно было позволить олли воспользоваться его энергией и материализоваться. Среди них есть, в частности, олли, который может принимать гротескную человеческую форму.

Дон Хуан сказал, что, поскольку он беспристрастен по отношению к олли, он никогда не дал мне почувствовать их настоящего вкуса, как это делал для него его благодетель, пока он еще поправлялся от раны в грудь. Все это началось с мысли, что его благодетель — странный человек. Едва избежав тисков мелочного тирана, дон Хуан подумал, что попал в другую ловушку. Его намерением было подождать несколько дней, восстанавливая силы, и убежать, когда старика не будет дома.

Но старик, очевидно, прочел его мысли. Однажды он стал шептать ему в тоне секрета, что дон Хуан должен скорее поправляться, чтобы они оба могли скрыться от его поработителя и мучителя. Затем, сотрясаемый страхом и немощью, старик открыл дверь, и чудовищный человек с рыбообразным лицом вошел в комнату, как если бы он подслушивал под дверь. Он был серозеленый, имел один немигающий глаз и был огромен, как дверь.

Дон Хуан сказал, что он был так поражен и напуган, что сдался: ему потребовались годы, чтобы освободиться от проклятия этого страха.

7. ТОЧКА СБОРКИ

После моей схватки с олли дон Хуан прервал на несколько месяцев свои объяснения мастерства управления сознанием. Однажды он возобновил их. Странное событие послужило этому началом.

Дон Хуан был в северной Мексике. Время клонилось к вечеру. Я только что прибыл в дом, который он содержал там, и он тотчас же перевел меня в состояние повышенного сознания. Я мгновенно припомнил, что дон Хуан всегда прибегает к Соноре, как к средству омоложения. Он объяснил, что нагваль, являясь вождем со страшной ответственностью, должен иметь физическую точку отсчета — место, где имеются благоприятные стечения энергий. Сонорская пустыня была для него таким местом.

Входя в состояние повышенного сознания, я заметил, что кто-то еще скрывается в полутьме дома. Я спросил дону Хуана, не Хенаро ли здесь. Он ответил, что он один, а то, что я заметил — это один из его олли, стерегущий дом.

Затем дон Хуан сделал странный жест: он изменил свое лицо, как если бы был удивлен или напуган — и мгновенно пугающая форма странного человека появилась в двери комнаты, где мы находились. Присутствие странного человека так напугало меня, что я почувствовал головокружение, и до того, как я сумел оправиться от испуга, этот человек набросился на меня с холодной жестокостью. Когда он схватил меня за предплечья, я почувствовал рывок, подобный разряду электрического тока.

Я лишился дара речи, охваченный невыразимым ужасом. Дон Хуан улыбался мне. Я мычал и ворчал, пытаюсь позвать на помощь, когда почувствовал еще более сильный удар.

Этот человек усиливал свой захват, пытаюсь повалить меня спиной на пол. Дон Хуан без поспешности в голосе скомандовал мне собраться и, не борясь со своим страхом, катиться вместе с ним: «бойся не устрашаясь», — сказал он, подошел ко мне и, не вмешиваясь в мою борьбу, прошептал, что я должен все свое сосредоточение обратить на серединную точку тела.

В течение многих лет он настаивал, чтобы я измерил с точностью до миллиметра свое тело и нашел его среднюю точку, как по длине, так и по ширине. Он всегда говорил, что такая точка — истинный центр нашей энергии.

Как только я сосредоточил свое внимание на этой точке, человек отпустил меня. В этот момент я осознал, что то, что я считал человеком, было чем-то, лишь похожим на человека. В тот момент, когда он потерял свой человеческий облик, олли стал аморфной каплей непрозрачного света. Она удалялась. Я шел за ней, движимый большой силой, которая заставляла меня следовать за этим непрозрачным светом.

Дон Хуан остановил меня. Он мягко вывел меня в сени своего дома и заставил сесть на устойчивый ящик, который служил скамейкой.

Я был очень расстроен этим переживанием, но еще более меня расстроило то, что этот парализующий страх исчез так быстро и так бесследно.

Я рассказал об этом внезапном изменении настроения. Дон Хуан сказал, что нет ничего странного в этой изменчивости и что страх перестает существовать, как только свет сознания перейдет некоторый порог внутри человеческого кокона.

Затем он начал объяснения. Он вкратце описал те истины относительно сознания, о которых уже говорилось: нет никакого объективного мира, а есть вселенная энергетических полей, которые видящие называют эманациями Орла. Люди составлены из эманаций Орла и, в сущности, являются каплями люминесцирующей энергии: каждый из нас окружен коконом, заключающим небольшую долю этих эманаций.

Он сказал, что новые видящие обратились к неисследованным путям действия первого внимания, и когда они стремятся объяснить это другим, то выделяют порядок истин относительно сознания. Он заверил меня, что не каждый видящий способен объяснять. Например, его благодетель, нагваль Хулиан нимало не заботился об объяснениях, однако благодетель нагваля Хулиана, нагваль Элиас, с которым дону Хуану посчастливилось встретиться, заботился об этом. Из подробных и долгих объяснений нагваля Элиаса, коротких и редких нагваля Хулиана и своего собственного видения дону Хуану удалось понять и проверить эти истины.

Дон Хуан объяснил, что для того, чтобы наше первое внимание ввело в фокус воспринимаемый нами мир, оно должно выделить некоторые эманации, выбранные из узкой полосы эманаций, где расположено человеческое сознание. Отброшенные эманации по-прежнему остаются в пределах нашей досягаемости, однако в спящем состоянии, неизвестные нам всю нашу жизнь.

Новые видящие назвали выделенные эманации «правой частью» (в противоположность современным нейрофизиологам и психологам, для которых правое полушарие, а следовательно, и правополушарное сознание — это носитель неведомого; однако над правой стороной тела доминирует левое полушарие

— Носитель речевого сознания «нормальным сознанием», «тоналем», «этим миром», «известным», «первым вниманием». Средние люди называют это реальностью, рациональностью, здравым смыслом.

Выделенные эманации составляют большую долю человеческой полосы эманаций, однако очень малую часть всего спектра эманаций, присутствующих в коконе человека. Эти отброшенные эманации внутри человеческой полосы рассматриваются своего рода введением в неведомое, в то время как само неведомое состоит из массы эманаций, не принадлежащих к человеческой полосе и никогда не выделявшихся. Видящие называют их «левосторонним сознанием», «нагвалем», «другим миром», «неведомым», «вторым вниманием».

— Этот процесс выделения некоторых эманаций, — продолжал дон Хуан. — был открыт и практиковался древними видящими. Они поняли, что нагваль-мужчина и нагваль-женщина благодаря тому, что имеют дополнительную силу, могут сдвинуть предпочтение с обычных эманаций на соседние. Этот сдвиг известен как удар нагваля.

Дон Хуан сказал, что этот сдвиг использовался древними видящими в практических целях: держать в рабстве своих учеников. Этим ударом они вводили своих учеников в состояние повышенного, острейшего и наиболее впечатляемого внимания и, пока те были безнадежно податливыми, древние обучали их странным ритуалам, которые превращали учеников в зловещих людей, совершенно подобных своим учителям.

Новые видящие применяют ту же методику, но вместо того, чтобы использовать ее для гнусных целей, они пользуются ею, чтобы вести своих учеников при изучении человеческих возможностей.

Дон Хуан пояснил, что удар нагваля должен быть нанесен по нужному месту, по точке сборки, положение которой слегка меняется от личности к личности, и что этот удар может наносить только нагваль-видящий. Он заверил, что бесполезно иметь силу нагваля и не видеть, так же как и видеть, но не иметь крепости нагваля. В обоих случаях результатом будет просто удар. Видящий может бить по нужному месту снова и снова, не имея крепости, чтобы сдвинуть сознание, а невидящий нагваль не будет способен ударить по нужному месту.

Он сказал также, что древние видящие открыли, что точка сборки находится не в физическом теле, а в светящемся облачке, в самом коконе. Нагваль находит это место по интенсивности свечения и, скорее, не ударяет, а толкает его. Сила этого толчка создает вмятину на коконе, и это ощущается как удар, удар по правой лопатке — выбивающий из легких весь воздух.

— Бывают ли вмятины различных типов? — спросил я.

— Есть только два типа, — ответил он. — одни вогнутые, другие в виде расщелины. Каждый тип вмятины дает свой эффект. Вогнутость — это временная черта и дает временный сдвиг, а расщелина становится глубокой постоянной чертой кокона и приводит к постоянному сдвигу.

Он объяснил, что обычно светящийся кокон, отвердевший под действием самоотражения, не поддается удару нагваля, однако иногда кокон человека оказывается очень податливым и малейшая сила может создать на нем чашеобразное углубление размером от малой вмятины до трети всего кокона. Он может создать даже расщелину, проходящую по всей ширине яйцеобразной формы или же по его длине, что делает кокон закрученным в себе.

Некоторые светящиеся оболочки, получив вмятину, возвращаются к своей первоначальной форме мгновенно. Другие остаются со вмятиной часами, а иногда по нескольку дней, но все же возвращаются к первоначальной форме сами по себе. И еще существуют такие, которые никогда не теряют приобретенную вмятину: вне зависимости от повторных ударов нагваля они никогда не возвращаются к своей яйцеобразной форме.

Дон Хуан сказал, что вмятина действует на первое внимание, смещая свет сознания. Вмятина давит на эманации, сдвигая их внутрь светящейся оболочки, и видящие являются свидетелями того, как под действием силы этого давления первое внимание смещает свои предпочтения. Такая вмятина, сдвигая эманации Орла внутрь кокона, позволяет свету сознания упасть на другие эманации из областей, которые обычно недоступны первому вниманию.

Я спросил его, виден ли свет сознания только на поверхности оболочки светящегося кокона. Он ответил мне не сразу, казалось, он погрузился в размышления. Минут через десять он ответил на мой вопрос. Он сказал, что обычно свет сознания виден на поверхности кокона всех чувствующих существ, однако после того, как человек разовьет внимание, свет сознания приобретает глубину. Другими словами, он передается с поверхности кокона к ряду эманаций внутри него.

— Древние видящие знали, что делают, когда манипулировали сознанием, — продолжал он. — они поняли, что, создавая вмятину на коконе человека, они могут вынудить свет сознания, поскольку он уже распространяется на эманации внутри кокона, перейти на соседние.

— Ты говоришь так, как будто это физическое тело, — сказал я. — как можно сделать вмятину на чем-то, что является просто свечением?

— Каким-то необъяснимым образом — делом свечения является создавать вмятину на другом свечении, — ответил он. — твой недостаток состоит в приклеенности к рассудочному перечислению. Рассудок не имеет дела с человеком в виде энергии. Рассудок имеет дело с инструментами, создающими энергию, но ему никогда не удастся уловить то, что мы лучше инструментов

— Мы организмы, создающие энергию. Мы — капли энергии, поэтому не так уж сложно понять, что капля энергии может создать вмятину на другой капле энергии.

Он сказал, что свет сознания, созданный вмятиной, правильнее было бы назвать временно повышенным вниманием, поскольку он выделяет эманации, которые настолько близки к обычным, что изменение минимально, однако сдвиг создает большую способность понимания и сосредоточения и, превыше всего — большую возможность забыть. Видящие точно знают, как воспользоваться этим качественным сдвигом. Они видят, что после удара нагвалы неожиданно становятся яркими только те эманации, которые окружают эманации, используемые повседневно. Более отдаленные остаются несдвинутыми, а это значит, что в состоянии повышенного внимания человеческие существа могут работать так, как если бы они были в мире повседневной жизни. Потребность в нагвале, мужчине или женщине, становится для них важнейшей, поскольку это состояние длится только до тех пор, пока существует вмятина, а после этого весь опыт забывается немедленно.

— Почему он должен быть забыт? — спросил я.

— Потому что эманации, ответственные за большую ясность, перестают действовать, когда воин выходит из состояния повышенного сознания, — ответил он. — а без этого действия все, что пережито или свидетелем чего ты был, исчезает.

Дон Хуан сказал, что одно из заданий, созданных новыми видящими для своих учеников, состоит в том, чтобы заставить их вспомнить, то есть восстановить позднее действие тех эманаций, которые использовались в состоянии повышенного сознания.

Он напомнил, что Хенаро всегда рекомендовал мне писать кончиком пальца вместо карандаша, чтобы не накапливать записок. Дон Хуан сказал, что в действительности Хенаро подразумевал, что, находясь в состоянии повышенного сознания, я должен использовать некоторые неиспользуемые эманации для хранения диалога и опыта и однажды все это вспомнить заново, выделив те эманации.

Далее он объяснил, что состояние повышенного сознания видно не только как свечение, происходящее глубже внутри яйцеобразной формы людей, но также как более интенсивное свечение на поверхности кокона. И все же это ничто по сравнению со свечением, возникающим при состоянии полного сознания, которое видится как вспышка сознания во всем светящемся яйце. Это взрыв света такой интенсивности, что границы оболочки исчезают и внутренние эманации выходят за границы воображимого.

— Особые ли это случаи, дон Хуан?

— Конечно. Это бывает только с видящими. Никакой другой человек или живое существо не вспыхивает так, как они. Видящие, преднамеренно достигшие полного сознания — это зрелище для богов, это момент, когда они горят изнутри — внутренний огонь пожирает их, и тогда в полном сознании они сливаются с эманациями в великом и ускользают в вечность.

После нескольких дней в Соноре я отвез дон Хуана обратно в город в южной части Мексики, где жил он и его партия воинов.

Следующий день был в горячем мареве. Я чувствовал лень и какую-то досаду. В полдень в городе стояло особенно неприятное затишье. Мы с доном Хуаном сидели на мягких подушках в большой комнате. Я сказал ему, что жизнь в провинциальном городке Мексики не для меня. Мне не нравилось ощущение, что тишина этого города вынужденная. Единственным шумом, который здесь можно было услышать, был звук детских голосов, слышный как отдаленный крик, и я никогда не мог понять, играют ли они или кричат от боли.

— Здесь ты всегда находишься в состоянии повышенного сознания, — сказал дон Хуан. — в этом особенность. Но тебе придется освоиться с жизнью в таком городке, неважно почему. Однажды ты будешь жить в нем.

— Почему я должен жить в таком городке, дон Хуан?

— Я объяснил тебе, что цель новых видящих — стать свободными, а свобода содержит в себе весьма разрушительные предпосылки, и среди них та, что воины должны искать целенаправленных изменений. Твой выбор до сих пор — это жить той жизнью, какую ты ведешь. Ты стимулируешь свой рассудок, просматривая свой список-перечисление и сопоставляя его с перечислениями своих друзей. Эти маневры оставляют тебе очень мало времени для исследования своей жизни и судьбы. Тебе придется бросить все это. Ведь если бы ты весь знал якобы мертвое спокойствие этого города, ты постарался бы найти, рано или поздно, обратную сторону медали.

— Вы здесь этим заняты, дон Хуан?

— Наш случай немного другой, потому что мы находимся в конце тропы. Мы ничего не ищем. То, что мы здесь делаем, понятно только воинам. Мы переходим ото дня ко дню, ничего не делая. Мы ждем. Я не устану повторять: мы знаем, что мы ждем, и мы знаем, чего мы ждем. Мы ждем свободы!

— Ну а теперь, когда ты знаешь это, — добавил он с усмешкой. — давай вернемся к нашей беседе о сознании.

Обычно, когда мы бывали в этой комнате, нас никто не прерывал и длительность нашей встречи определял дон Хуан, однако на этот раз раздался вежливый стук в дверь, и в комнату вошел Хенаро и сел. Я не видел Хенаро с того дня, когда мы поспешно бежали из его дома. Я обнял его.

— Хенаро хочет сказать тебе что-то, — сказал дон Хуан. — я говорил тебе, что он мастер управления сознанием. Теперь я скажу тебе, что все это означает. Он может заставить точку сборки переместиться глубже в середину светящегося яйца после того, как эта точка была выбита из своего положения ударом нагваля. Он объяснил, что после достижения мной повышенного сознания, Хенаро толкал мою точку сборки бесчисленно много раз. Так, в тот день, когда мы ходили для беседы к гигантской плоской скале, Хенаро заставил мою точку сборки уйти влево настолько сильно, что это стало даже опасным.

Дон Хуан остановился и, казалось, был готов уступить сцену Хенаро. Он кивнул, как бы давая Хенаро знак сказать что-то. Хенаро встал и подошел ко мне.

— Пламя очень важная вещь, — сказал он тихо. — помнишь ли ты тот день, когда я заставил тебя смотреть на солнечное отражение в куске кварца, когда мы сидели на той большой плоской скале?

Когда Хенаро упомянул об этом, я вспомнил. В тот день, сразу же, как только дон Хуан перестал говорить, Хенаро указал на отражение света при прохождении его через полированный кусочек кварца, который он вынул из своего кармана и положил на скалу. Сверкание кварца немедленно захватило мое внимание. Следующее, что я помню, это как я полз по скале, а дон Хуан стоял поблизости и смотрел на меня встревоженным взглядом.

Я уже собирался сказать Хенаро, что вспомнил это, когда он заговорил. Он приложил свои губы к моему уху и указал на одну из керосиновых ламп в комнате.

— Смотри на пламя, — сказал он. — в нем нет жара. Это чистое пламя. Чистое пламя может взять тебя в глубины неведомого.

По мере того, как он говорил, я начал чувствовать странное давление — это была физическая тяжесть. В ушах у меня гудело, глаза наполнились слезами настолько, что я едва мог различать мебель. Зрение, казалось, вышло из фокуса, и хотя глаза были открыты, я не видел интенсивного света керосиновой лампы. Все вокруг было темным, только волокна зеленоватой люминесценции освещали темные движущиеся облака. Затем, так же внезапно, все исчезло, мое зрение возвратилось.

Я не мог понять, где я нахожусь. Мне казалось, что я парю, как шар. Я был один. Меня охватил приступ страха, и мой рассудок кинулся конструировать объяснение, которое имело для меня смысл в тот момент: Хенаро загипнотизировал меня с помощью пламени керосиновой лампы. Я почувствовал себя почти удовлетворенным. Я тихо парил, стараясь не тревожиться. Я подумал, что способ избежать тревог состоит в том, чтобы сосредоточиться на стадиях, через которые я должен буду пройти, чтобы проснуться.

Первое, что я заметил, так это то, что это не я. Я не мог ни на что посмотреть, так как смотреть было нечем. Когда я попытался исследовать свое тело, я понял, что могу только сознать, но не более, и все же было так, как если бы я смотрел вниз в бесконечное пространство. Там были зловещие облака яркого света и темные массивы, причем все было в движении. Я ясно видел рябь янтарного сияния, набегавшую на меня, как медленные, огромные океанские волны. Я знал тогда, что подобен бую, плывущему в пространстве, а волны подступают, чтобы поднять меня и нести. Я принял это, как неизбежность. Но как раз перед тем, как они коснулись меня, случилось нечто совершенно неожиданное — ветер унес меня от волн.

Сила этого ветра несла меня с ужасающей скоростью. Я пронёсся по громадному тоннелю интенсивного цветного света. Мое видение совершенно смазлось, а затем я почувствовал, что пробуждаюсь, что я видел сон — гипнотический сон, навеянный Хенаро. В следующее мгновение я был уже в комнате с доном Хуаном и Хенаро.

Я спал почти весь следующий день. К вечеру дон Хуан и я сели опять для беседы, и хотя Хенаро был со мной до этого, он отказался комментировать мой опыт.

— Прошлым вечером Хенаро опять толкнул твою точку сборки, — сказал дон Хуан. — толчок, по-видимому, был слишком сильным.

Я увлеченно рассказал дону Хуану содержание моего видения. Он улыбнулся, очевидно, довольный.

— Твоя точка сборки отошла от своего нормального положения, — сказал он. — и это позволило тебе воспринять эманации, которые обычно не воспринимаются. Звучит не очень-то, правда? И все же это высшее достижение, которое новые видящие стремятся довести до сознания.

Он объяснил, что люди постоянно избирают для восприятия все те же эманации по двум причинам. Первая, наиболее важная — потому, что нас научили тому, что это воспринимаемые эманации. Вторая — потому что наша точка сборки избирает и приготавливает эти эманации для использования.

— У каждого живого существа есть точка сборки, — продолжал он. — которая избирает эманации, чтобы выделить их. Видящие могут видеть, разделяют ли чувствующие существа тот же взгляд на мир, путем видения эманаций, избранных их точками сборки.

Он утверждал, что одним из наиболее важных прорывов для новых видящих было обнаружение того, что место, где расположена точка сборки на светящемся коконе, не является постоянной чертой, а зависит от привычки. Отсюда то огромное значение, которое новые видящие придают новым действиям, новым затеям. Они отчаянно стремятся прийти к новым методам, новым привычкам.

— Удар нагваля имеет громадное значение, — продолжал он. — поскольку он сдвигает эту точку, что изменяет ее положение. Иногда он создает и здесь постоянную вмятину. Точка сборки оказывается выбитой со своего места, и сознание изменяется драматическим образом. Но еще более важно точно усвоить истины, излагаемые относительно сознания, чтобы понять, что эту точку можно перемещать изнутри. К сожалению, истинным является и то, что люди страдают от невежества: они просто не знают своих возможностей.

— Как можно произвести это изменение изнутри? — спросил я.

— Новые видящие говорят, что понимание — это методика, — сказал он. — они говорят, что прежде всего нужно осознать, что воспринимаемый нами мир является результатом того, что наша точка сборки находится в данном конкретном месте кокона. Как только это понято, точку сборки можно перемещать почти произвольно вследствие новых привычек.

Я не вполне понял, что он имеет в виду под привычками, и попросил его разъяснить этот вопрос.

— Точка сборки человека появляется в определенном месте кокона, что определяется командой Орла, — сказал он. — а точнее, ее положение определяется привычкой — повторными действиями. Сначала мы узнаем, что она может быть расположена там, а затем сами распоряжаемся именно так, чтобы она была именно там. Наша команда становится командой Орла, и точка привязывается к этому месту. Вникни в это очень внимательно: «наша команда становится командой Орла». Древние очень дорого заплатили за эту находку. Мы еще вернемся к этому.

Он подчеркнул еще раз, что древние сосредоточили свои усилия исключительно на развитии тысяч сложнейших ритуалов колдовства. Он добавил, что они никогда не смогли понять, что все их сложнейшие устройства, такие же странные, как и они сами, не имеют никакого другого назначения, как быть лишь средством, нарушающим фиксацию их точки сборки и заставляющим ее переместиться.

Я попросил его пояснить то, что он сказал.

— Я уже говорил тебе, что колдовство — это что-то подобное тупиковой улице. Я имел в виду, что колдовские ритуалы не имеют глубинного значения. Ценность их проявляется косвенно — их реальное назначение в том, чтобы сдвинуть точку сборки, заставить первое внимание ослабить свой контроль над ней.

Новые видящие поняли истинную роль, какую играли колдовские приемы, и решили подойти непосредственно к процессу, заставляющему переместиться точку сборки, отбросив всю остальную бессмыслицу ритуалов и заклинаний. Хотя в то или иное время в жизни воина ритуалы могут быть необходимы. Я лично посвятил тебя во все виды колдовских ритуалов, однако лишь с целью отвлечения твоего первого внимания от власти самопоглощения, которая держала твою точку сборки жестко фиксированной.

Он добавил, что чрезмерное удушье первого внимания самопоглощением или рассудочностью является мощной связывающей силой, а ритуальное поведение, ввиду свойств повторяемости, заставляет первое внимание освободить часть энергии, отвлекая ее от перечисления, в результате чего положение точки сборки теряет свою жесткость.

А что происходит с людьми, у которых точка сборки потеряла свою жесткость? — спросил я.

— Если они не воины, они думают, что начали терять рассудок, — сказал он, улыбаясь. — так же, как ты в свое время подумал, что начал сходить с ума. Если же они воины, они знают, что становятся безумными, но они терпеливо ждут. Ты знаешь, что быть здоровым и здоровым означает, что точка сборки неподвижна. Когда она срывается, это значит буквально, что ты чокнулся.

Он сказал, что для воинов, у которых сдвинулась точка сборки, открыты две возможности. Одна состоит в том, чтобы признать себя больным и вести себя, как сумасшедший, реагируя эмоционально на те странные миры, свидетелем которых ты становишься из-за этого сдвига. Другая — оставаться бесстрастным, незадетым, зная, что точка сборки всегда возвращается в свое исходное положение.

— Ну а что, если точка сборки не вернется в свое исходное положение? — спросил я.

— Тогда эти люди потеряны, — ответил он. — они либо неизлечимо безумны, поскольку их точка сборки не может собрать тот мир, который мы знаем, либо становятся несравненными видящими, начинающими свое движение в неведомое.

— Что же определяет тот или иной случай?

— Энергия! Безупречность! Непогрешимые воины не теряют своих шариков, они остаются бесстрастными. Я не раз говорил тебе, что безупречный воин может видеть ужасающие миры, и все же в следующее мгновение он будет шутить, смеяться с друзьями или встречными.

Я сказал ему то, что многократно говорил прежде: то, что заставляло меня думать, что я болен, было рядом разрозненных чувственных переживаний, которые были у меня следствием приема внутрь галлюциногенных растений. Я прошел через состояние полного пространственного и временного расстройств, очень досадные провалы в способности умственного сосредоточения, действительное видение или галлюцинации мест и людей, на которых я смотрел так, как если бы они действительно существовали. Я не мог думать, что теряю свой разум.

— По всем обычным меркам ты действительно терял свой разум, — сказал он. — однако, с точки зрения видящих, если бы ты действительно потерял его, ты потерял бы не слишком много. Ум для видящего — это только отражение спискаперечисления человека. Если ты потерял это самоотражение, но не лишился фундамента, ты живешь, в действительности, гораздо более мощной жизнью, чем когда ты придерживался его.

Он заметил, что моим недостатком является эмоциональная реакция, которая мешает мне понять, что необычность моих чувственных переживаний определяется глубиной, на которую сдвинулась моя точка сборки в человеческой полосе эманаций.

Я сказал ему, что не могу понять того, что он объясняет, поскольку конфигурация того, что он называет «человеческой полосой эманаций», это что-то непонятное мне. Я рисовал себе это в виде ленты, помещенной на поверхности шара.

Он сказал, что название «полоса» вводит в заблуждение и что ему придется воспользоваться аналогией, чтобы объяснить то, что он имеет в виду. Он объяснил, что светоносная форма человека подобна шару нового сыра, внутри которого имеется диск более старого сыра, темного. Он посмотрел на меня и зацокал: он знал, что я не люблю сыр.

На маленькой учебной доске он сделал диаграмму. Он нарисовал яйцеобразную форму и разделил ее на четыре продольные секции, сказав, что ему следует тут же стереть разделяющие линии, поскольку он нарисовал их только для того, чтобы показать мне, где эта полоса расположена в коконе человека. Затем он провел толстую полосу на линии между первой и второй секциями и стер разделяющие линии. Он добавил, что эта полоса подобна диску сыра чеддер, вставленному в шар свежего сыра.

— Теперь, если представить, что этот шар свежего сыра прозрачен, — продолжал он. — ты получишь точную копию человеческого кокона. Сыр чеддер пронизывает весь шар свежего сыра. Это диск, идущий от поверхности с одной стороны до другой. Точка сборки человека расположена выше, на три четверти вверх по высоте кокона, на его поверхности. Когда нагваль надавливает на эту точку интенсивной светимости, точка перемещается внутрь диска сыра чеддер. Повышенное сознание появляется, когда интенсивное свечение точки сборки освещает спящие эманации, проходящие внутри диска сыра чеддер. Видение

того, как свечение точки сборки перемещается внутри этого диска, создает чувство, что оно сдвигается влево по поверхности кокона.

Он повторил картину своей аналогии три или четыре раза, но я не понял ее, и ему пришлось продолжать объяснения. Он сказал, что прозрачность светоносного яйца создает впечатление сдвига влево, хотя в действительности всякое движение точки сборки происходит вглубь, к центру светоносного яйца вдоль толщины человеческой полосы.

Я заметил, что то, что он говорит, звучит так, как если бы видящие пользовались глазами, когда видят движение точки сборки.

— Человек не является непостижимым, — ответил он. — человеческую светимость можно видеть, как если бы ты пользовался только глазами.

Далее он объяснил, что древние видящие видели движение точки сборки, но им никогда не приходило в голову, что это движение вглубь. Вместо этого они следовали своему впечатлению и ввели в оборот выражение «сдвиг влево», которое новые видящие оставили, хотя и знали уже, что оно ошибочно.

Он сказал также, что в процессе моего взаимодействия с ним он бесчисленно много раз заставлял мою точку сборки сдвигаться, как и сейчас, а поскольку сдвиг точки сборки был всегда внутрь, я никогда не терял своего чувства тождественности себе, вопреки тому, что пользовался эманациями, которые никогда не использовал.

— Когда нагваль толкает эту точку, — продолжал он. — она идет по любому из путей вдоль человеческой полосы, и совершенно не важно, где, так как где бы она ни остановилась, это всегда целина.

Великим испытанием, созданным новыми видящими для своих учеников-воинов, является задание проследить путь движения точки сборки, которое она совершила под влиянием нагваля. Это прослеживание, когда оно завершено, называется обретением целостности себя.

Он продолжал, и сказал, что новые видящие пришли к выводу, что в процессе нашего роста, когда свет сознания фокусируется на человеческой полосе эманаций и избирает некоторые из них преимущественно, он входит в порочный круг. Чем больше он подчеркивает избранные эманации, тем устойчивее становится точка сборки, а это все равно, что сказать, что наша команда становится командой Орла. Само собой разумеется, что, когда наше сознание развивается в первое внимание, эта команда становится такой сильной, что разбить этот круг и заставить сдвинуться точку сборки — это поистине подвиг.

Дон Хуан сказал также, что точка сборки ответственна за то, что восприятие в первом внимании происходит комплексами. Примером комплекса эманаций, которые выделяются совместно, будет человеческое тело, как мы его воспринимаем. Другая часть нашего полного бытия — светоносный кокон — никогда не выделяется и погружается в забвение, так как свойство точки сборки не только в том, чтобы заставить нас воспринимать комплексы эманаций, но и отбрасывать другие.

Когда я сильно нажал на него, требуя объяснений комплексов, он ответил, что точка сборки излучает свечение, которое группирует связки эманаций, заключенных в коконе. Эти связки соединяются затем, как связки, с эманациями в великом. Такое комплексование происходит даже тогда, когда видящие имеют дело с эманациями, никогда не использованными. Когда они выделены, мы воспринимаем их так же, как комплексы в первом внимании.

— Одним из великих моментов для новых видящих был тот, когда они открыли, что неведомое — это просто эманации, отброшенные первым вниманием. Это великое дело, но имей в виду, что это дело, в котором происходит группировка в комплексы. Непостижимое, с другой стороны — это вечность, где наша точка сборки не имеет путей группировки чего-либо.

Он объяснил, что точка сборки подобна светоносному магниту, который подбирает эманации и группирует их, когда движется в пределах человеческой полосы эманаций. Это открытие сделано к славе новых видящих, так как оно осветило неведомое новым светом. Новые видящие заметили, что некоторые из навязчивых видений видящих, такие, которые почти невозможно постичь, совпадают со сдвигом точки сборки в ту область полосы человеческих эманаций, которая диаметрально противоположна той, в которой они обычно находятся.

— Это видения темной стороны человека, — заверил он.

— Почему ты называешь это темной стороной человека? — спросил я.

— Потому, что она сумрачна и зловеща, — сказал он. — она не только неведомое, но еще кто знает, что такое.

— Ну а что можно сказать относительно эманаций, которые находятся внутри человеческого кокона, однако вне границ человеческой полосы? — спросил я. — можно ли их воспринять?

— Да, однако совершенно неопишным образом, — сказал он. — Они не человеческое неведомое, как в случае с неиспользованными эманациями человеческой полосы, но почти неизмеримое неведомое, где человеческие черты вовсе не прослеживаются. В действительности это область такой обезоруживающей безграничности, что даже лучшие из видящих едва ли пустились бы в ее описание.

Я еще раз попытался настоять на том, что мне кажется, что тайна, очевидно, внутри нас.

— Тайна вне нас, — сказал он. — внутри мы имеем только эманации, стремящиеся разрушить кокон. И это, так или иначе, вводит нас в заблуждение, воины мы или средние люди. Только новые видящие обошли это. Они боролись за то, чтобы увидеть, и путем сдвига своей точки сборки они поняли, что эта тайна проницаема — не в том смысле, что мы ее постигаем, но в том, что заставляет нас постичь ее.

— Я говорил тебе, что новые видящие верят, что наши органы чувств способны воспринимать все. Они верят в это потому, что видят, что положение точки сборки определяет то, что воспримут наши чувства.

— Женщина-нагваль сделала это, — сказал дон Хуан, словно он прочел мои мысли. — она созерцала эти тени после полудня.

Мысль о ней, созерцающей эти тени после полудня, оказала на меня быстрое опустошающее действие. Интенсивный желтый свет этого часа, спокойствие этого города и привязанность, которую я испытывал по отношению к женщине-нагвалю, в одно мгновение всколыхнули во мне все одиночество бесконечного пути воина.

Дон Хуан определил пределы этого пути, когда сказал, что новые видящие — это воины полной свободы и их единственное устремление направлено к окончательному освобождению, которое приходит, когда они обретают полное сознание. Тут я понял с незамутненной ясностью, глядя на эти осеняющие стены тени, что подразумевала женщина-нагваль, когда сказала, что громкое чтение стихов — это единственное облегчение, какое имеет ее дух.

Я вспомнил, как за день до этого она читала здесь, на этом дворике кое-что для меня, но я не понял ее настойчивости, ее томления. Это было стихотворение Хуана Рамона Хименеса «Ора инманса», о котором она сказала, что оно синтезирует для нее одиночество воинов, вышедших, чтобы уйти к полной свободе:

Только птичка и колокол нарушали безмолвие...

Казалось, они беседуют с заходящим солнцем.

Золотистое молчание — вечер, сотканный из хрусталя.

Странствующая чистота развеивает прохладные деревья,

И над всем этим прохладной реке снится,

Что она, попирая жемчуг,

Вырывается на свободу,

И тонет в вечности.

Дон Хуан и Хенаро подошли ко мне и смотрели на меня с выражением удивления.

— Что мы действительно делаем, дон Хуан? — спросил я. — возможно ли, чтобы воины готовили себя только к смерти?

— Ни в коем случае, — сказал он, мягко похлопывая меня по спине. — воины готовят себя, чтобы сознать, а полное сознание приходит к ним только тогда, когда в них совершенно не останется чувства самодовольства: только когда они ничто, они становятся всем.

Мы помолчали. Затем дон Хуан спросил меня, не нахожусь ли я в муках жалости к себе. Я не ответил, так как не был уверен.

— Не жалеешь ли ты о том, что находишься здесь? — спросил дон Хуан с тонкой улыбкой.

— Конечно, нет, — заверил его Хенаро. Затем он как бы заколебался. Он почесал затылок и взглянул на меня, подняв брови. — может быть, ты жалеешь? — спросил он. — или нет?

— Конечно, нет, — заверил его на этот раз дон Хуан. Он повторил тот же жест: поскреб затылок и поднял брови. — а может быть, ты жалеешь? — сказал он, — или нет?

— Конечно, нет! — загудел Хенаро, и оба они взорвались от безудержного смеха.

Когда они успокоились, дон Хуан сказал, что чувство собственной важности всегда бывает движущей силой всякого приступа меланхолии. Он добавил, что воины обязаны иметь глубокое чувство печали, но эта печаль тут только для того, чтобы заставить смеяться.

— У Хенаро есть что показать тебе, и это более захватывающее зрелище, чем всякое самосожаление, на которое ты способен, — продолжал дон Хуан. — это относится к положению точки сборки.

Хенаро сразу же стал ходить по коридору, выгнув спину и поднимая колени до груди.

— Нагваль Хулиан показал ему, как ходить таким образом, — сказал дон Хуан шепотом. — это называется походкой силы. Хенаро знает несколько походок силы. Следи за ним пристально.

Движения Хенаро были действительно гипнотическими. Оказалось, что я последовал за ним в его походке сначала глазами, а потом непреодолимо и ногами. Я подражал его походке. Мы обошли двор и остановились.

Двигаясь, я заметил, что каждый шаг вносил в меня чрезвычайное прояснение. Когда мы остановились, я был в состоянии острой пробужденности: я слышал каждый звук, мог заметить любое изменение в свете и тени вокруг. Я наполнился чувством срочных, угрожающих действий. Я чувствовал себя чрезвычайно агрессивным, мускулистым, смелым. В этот момент я увидел перед собой огромные пространства равнины: прямо передо мной был лес. Громадные деревья вздымались, как стена. Лес был сумрачным и зеленым, равнина — солнечной и желтой.

Мое дыхание было глубоким и странно ускоренным, но не настолько, чтобы казаться ненормальным. Все же именно ритм моего дыхания заставлял меня топтаться на месте. Мне хотелось пуститься в бег, вернее, этого хотелось моему телу, но как раз тогда, когда я пустился, что-то остановило меня.

Дон Хуан и Хенаро неожиданно оказались по бокам у меня. Мы пошли по коридору — Хенаро был справа. Он подталкивал меня плечом: я чувствовал на себе вес его тела. Он мягко направил меня налево, и мы повернули к восточной стороне двора. На мгновение у меня возникло впечатление, что мы собираемся пройти через эту стену, и я даже приготовился к столкновению, но мы остановились как раз возле нее.

Пока мое лицо было обращено к стене, оба они тщательно осматривали меня. Я знал, что они ищут, — они хотели убедиться, что моя точка сборки сместилась. Я знал, что это так, потому что мое настроение изменилось. Они, очевидно, тоже знали это. Они мягко взяли меня за руки, и мы в молчании пошли в другую часть галереи, к темному переходу — узкой комнате, соединяющей дворик с остальной частью дома. Тут же остановились. Дон Хуан и Хенаро шли несколько впереди меня.

Меня оставили лицом к стене дома, которая была покрыта глубокой тенью. Я взглянул в пустую темную комнату. У меня было чувство физической усталости. Я чувствовал себя вялым, безразличным, и все же я испытывал чувство духовной крепости. Я понял тогда, что лишился чего-то. В моем теле не было крепости — я едва мог стоять. Мои ноги подкосились, и я сел, а затем лег набок. Пока я так лежал, у меня были чудесные, наполняющие чувства любви к богу, к добру.

Затем совершенно неожиданно я оказался перед главным алтарем церкви. Барельефы, покрытые позолотой, отражали свет тысяч свечей. Я увидел темные фигуры мужчин и женщин, несущих огромное распятие, установленное на огромном паланкине. Я ушел с их пути и вышел из церкви. Я видел множество людей, море свечей, идущих ко мне. Я чувствовал себя возвышенно. Я бежал им навстречу. Мною двигала величайшая любовь: мне хотелось быть с ними, молиться богу. Я был всего в нескольких футах от массы народа, когда что-то унесло меня прочь.

В следующий момент я был с дон Хуаном и Хенаро. Они поддерживали меня с боков, пока мы медленно обходили двор.

На другой день, пока мы завтракали, дон Хуан сказал, что Хенаро толкнул мою точку сборки своей походкой силы, и что он смог это сделать потому, что я был в состоянии внутреннего молчания. Он объяснил, что точкой отсчета всего, что делают видящие, является то, о чем он говорит неустанно со дня нашей встречи: остановка внутреннего диалога. Он подчеркивал снова и снова, что внутренний диалог является тем, что привязывает точку сборки к ее исходному положению.

— Когда достигнуто безмолвие, все становится возможным, — сказал он.

Я сказал ему, что ясно осознаю, что в общем я перестал разговаривать с собой, однако не знаю, как я это сделал. Если бы меня попросили объяснить методику, я не знал бы, что сказать.

— Объяснение этого — сама простота, — сказал он. — ты повелеваешь и так устанавливаешь новое намерение, новую команду. Затем твоя команда становится командой Орла.

В этом одна из необыкновенных вещей, из всего того, что нашли новые видящие: наша команда может стать командой Орла. Внутренний диалог останавливается тем же путем,

каким он и начинался: актом воли. В конце концов, мы были вынуждены теми, кто учил нас, заговорить с собой. Когда они учили нас, они вовлекали свою волю, а мы — свою, в обоих случаях не зная об этом. Когда мы учились разговаривать с собой, мы учились управлять волей. Мы повелели себе говорить с собой, поэтому, чтобы остановить разговор с собой, нужно воспользоваться тем же методом, мы должны повелеть, мы должны породить намерение.

Мы молчали несколько минут, затем я спросил его, о ком он говорил, когда сказал, что у нас были учителя, которые научили нас разговаривать с собой.

— Я говорил о том, что происходит с людьми в детстве, — ответил он. — о времени, когда их учит всякий окружающий повторять о себе бесконечный диалог. Этот диалог становится внутренним, и только эта сила удерживает точку сборки неподвижной.

Новые видящие говорят, что дети имеют сотни учителей, которые учат их, где поместить их точку сборки.

Он сказал, что видящие видят, что у детей вначале нет неподвижной точки сборки. Их внутренние эманации находятся в состоянии большой суматохи, и их точка сборки сдвигается всюду по человеческой полосе эманаций, что дает детям великую возможность фокусироваться на эманациях, которые позднее будут старательно затушеваны. Затем, по мере их роста, старшие окружающие, с помощью своей значительной власти над ними, принуждают детскую точку сборки стать более постоянной благодаря все более возрастающему по сложности внутреннему диалогу. Внутренний диалог — это процесс, постоянно укрепляющий положение точки сборки. Поскольку это положение произвольно и нуждается в постоянном подкреплении.

— Фактически, многие дети видят, — продолжал он. — однако большинство из тех, что видят, считаются странными, и прилагаются все усилия для их исправления — их заставляют укрепить положение их точки сборки.

— Но можно ли поощрять детей поддерживать их точку сборки в более подвижном состоянии? — спросил я.

— Только если они живут среди новых видящих, — сказал он. — в противном случае они будут пойманы, как это было с древними видящими, сложностями безмолвной части человека. И поверь мне, это хуже, чем быть пойманным в тиски рациональности.

Дон Хуан выразил свое глубокое восхищение человеческой способностью вносить порядок в хаос эманаций Орла. Он сказал, что все мы и каждый по-своему, являемся могущественными магами и что наша магия состоит в удержании точки сборки неизменно неподвижной.

Он сказал, что в свете того, что он объяснил, то, что Хенаро сделал со мной за день до этого — это нечто чрезвычайно сложное и все же очень простое. Это сложно, поскольку требует строжайшей дисциплины от всех участников: нужно, чтобы был остановлен внутренний диалог, чтобы было достигнуто состояние повышенного сознания и чтобы кто-то отвел твою точку сборки. А объяснение, лежащее за всеми этими сложными действиями, очень простое. Новые видящие говорят, что, поскольку точное положение точки сборки произвольно и выбрано нами самими или нашими предками, то его можно изменить с помощью сравнительно небольшого усилия. Ну а когда точка сдвинута, это вызывает новую настройку эманаций и, следовательно, новое восприятие.

— Я обычно давал тебе растения силы, — продолжал дон Хуан. — чтобы заставить переместиться твою точку сборки. Растения силы обладают такой способностью, но голод, усталость, жар и другие подобные вещи оказывают то же влияние. Недостаток среднего человека состоит в том, что он думает, что результаты этого чисто умственные, но это не так, и ты сам можешь это подтвердить.

Он объяснил, что моя точка сборки сдвигалась десятки раз в прошлом, как это было за день до этого, и в большинстве случаев мира, которые при этом собирались, были настолько близкими к миру повседневной жизни, что были в действительности призрачными мирами. Он настойчиво добавил, что видения такого рода настойчиво отвергаются новыми видящими.

— Такие видения — это продукт человеческого списка-перечисления, — продолжал он. — они бесполезны воинам, ищущим полной свободы, поскольку возникают при боковом сдвиге точки сборки.

Он замолчал и посмотрел на меня. Я знал, что под «боковым сдвигом» он подразумевает сдвиг точки с одной стороны на другую по ширине человеческой полосы эманаций, а не вглубь. Я спросил его, так ли это.

— Это именно то, что я имею в виду, — сказал он. — на обоих краях человеческой полосы эманаций находится громадный склад отбросов — неисчислимая куча

человеческого хлама. Это очень сумрачный, зловещий склад. Он имел большое значение для древних видящих, но не для нас.

Одна из простейших вещей, которую можно сделать, это попасть туда. Вчера Хенаро и я хотели дать тебе небольшие примеры этого бокового сдвига, вот почему мы водили твою точку сборки, но любой может достичь этого хранилища просто путем остановки внутреннего диалога. Если сдвиг минимален, результаты объясняют «фантазиями ума». Если сдвиг большой, результаты называют «галлюцинациями».

Я попросил его объяснить акт вождения точки сборки. Он сказал, что если воин достиг внутреннего безмолвия путем остановки внутреннего диалога, то звук шагов походки силы, даже больше, чем ее вид, захватывает точку сборки. Ритм приглушенных шагов мгновенно захватывает настораживающую силу эманаций внутри кокона, которые были развязаны внутренним безмолвием.

— Эта сила немедленно прицепляется к краям полосы, — продолжал он. — на правом краю мы встречаемся с бесконечными видениями физической деятельности, насилия, убийств, чувственности. На левом мы находим духовность, религию, бога. Хенаро и я провели твою точку сборки к обоим краям, так, чтобы дать тебе полный обзор этой кучи человеческого хлама.

Дон Хуан еще раз заявил, как бы между прочим, что одним из наиболее таинственных аспектов знания видящих является немислимый эффект внутреннего безмолвия. Он сказал, что, если достигнуто внутреннее безмолвие, то оковы, привязывающие точку сборки к тому месту, где она находится, начинают рваться, и точка сборки освобождается для движения.

Он сказал, что обычно движение идет влево и что предпочтение этого направления — это естественная реакция для большинства людей, однако есть видящие, которые могут направить это движение ниже обычного места, где расположена эта точка. Новые видящие называют это «сдвигом вниз».

— Видящие тоже иногда страдают от случайного сдвига вниз, — продолжал он. — но точка сборки не остается там долго, и это просто счастье, потому что это место зверей. Идти вниз противоречит нашим интересам, хотя это и является простейшей вещью из всех.

Дон Хуан сказал также, что среди многих ошибок суждения древних видящих одной из наиболее горестных было сдвинуть точку сборки в неизмеримую область внизу, что сделало их специалистами в принятии животных форм. Они избрали различных животных в качестве точки отсчета и назвали их своим нагвалем. Они верили, что, сдвигая свою точку сборки в это особое место, они приобретают характеристики избранных ими животных: их силу или мудрость, хитрость, коварство или жестокость.

Дон Хуан заверил меня, что есть немало примеров, этой ужасной практики и среди видящих наших дней. Сравнительная легкость, с какой точка сборки человека перемещается в любую низшую позицию, является великим искушением для видящих, особенно для тех, чьи наклонности ведут их к этому. Поэтому долг нагваля испытать своих воинов.

Он сказал мне, что провел меня через это испытание, когда сдвигал мою точку сборки вниз при действии на меня растений силы. Затем он вел мою точку сборки, пока я не смог выделить полосу эманаций вороны, что привело к моему превращению в ворона.

Я опять задал дону Хуану вопрос, который задавал ему десятки раз. Я хотел знать, действительно ли я физически превратился в ворону, или просто думал и чувствовал, как она. Он объяснил, что сдвиг точки сборки в нижнюю область всегда приводит к полному превращению. Он добавил, что если точка сборки переходит некий критический порог, то мир исчезает: он перестает для нас быть тем, чем является на человеческом уровне.

Он признался, что мое превращение было действительно ужасающим по любым стандартам, однако моя реакция на это переживание показала ему, что у меня нет склонности в этом направлении. Если бы это было не так, мне пришлось бы приложить немало энергии, чтобы отбиться от тенденции остаться в этой низшей области, которая некоторым видящим кажется наиболее удобной.

Далее он сказал, что непреднамеренный сдвиг вниз периодически случается с каждым видящим, однако такие спады бывают все реже при продвижении точки сборки влево. Но каждый раз, когда это случается, энергия видящего, подпавшего этому, значительно падает. Это отступление требует времени и значительных усилий для исправления.

— Эти провалы делают видящих мрачными и узколобыми, — продолжал он. — а в некоторых случаях излишне рациональными.

— Как видящие могут избежать этих сдвигов вниз? — спросил я.

— Это зависит от воина, — ответил он. — некоторые из них имеют естественную склонность потакать своим причудам, например ты. Такие получают сильные удары. Для подобных тебе я рекомендовал бы быть начеку двадцать четыре часа в сутки. Дисциплинированным мужчинам и женщинам я рекомендовал бы бодрствовать двадцать три часа.

Он посмотрел на меня сияющими глазами и засмеялся.

— У женщин-видящих такой сдвиг бывает чаще, чем у мужчин, — сказал он. — но они могут выбраться из этого положения без всяких усилий, в то время, как мужчины опасно мешкают.

Он сказал также, что женщины-видящие имеют особую способность удерживать свою точку сборки в любом положении в нижней позиции, а мужчины — нет. У мужчин есть трезвость и цель, но мало таланта. Вот почему нагвалю нужно иметь восемь женщин-видящих в своей партии: женщины дают импульс для пересечения неизмеримых пространств неведомого. Вместе со способностью нагваля, или как следствие ее, женщины приобретают устрашающую интенсивность. Они могут поэтому воспроизвести животную форму с блеском, легкостью и неповторимой жестокостью.

— Если ты думаешь о пугающих вещах, — продолжал он. — о каком-то невообразимом соблазне во тьме, ты думаешь, не зная этого, о женщине-видящей, таящейся в неизмеримой области внизу. Настоящий ужас лежит как раз здесь: если ты когда-нибудь встретишь странную женщину-видящую — беги в горы!

Я спросил его, способны ли другие организмы к сдвигу своей точки сборки.

— Их точка сборки может сдвигаться, — сказал он. — однако для них этот сдвиг не может быть произвольным.

— Значит, точка сборки других организмов тоже натренирована находиться там, где она находится? — спросил я.

— Всякий новорожденный организм подвергается тренировке тем или иным путем, — ответил он. — мы можем не понимать, как происходит их тренировка — в конце концов, мы не понимаем этого и в своем случае — однако видящие видят, что новорожденных заставляют делать то, что создает их облик. Как раз это и происходит с человеческими детьми: видящие видят, что сначала их точка сборки движется произвольно, а затем они видят, как присутствие взрослых прикрепляет ее к одному месту. То же случается со всем организмом.

Дон Хуан, казалось, размышлял некоторое время, а затем добавил, что у человеческой точки сборки есть одно уникальное свойство. Он указал на дерево за окном.

— Когда мы, как серьезные взрослые люди, смотрим на дерево, — сказал он. — наша точка сборки настраивает бесконечное число эманаций, и происходит чудо: наша точка сборки позволяет нам воспринять комплекс эманаций, который мы называем деревом.

Он пояснил, что точка сборки не только осуществляет настройку, необходимую для восприятия, но также освобождает эту настройку от некоторых эманаций, чтобы достичь большей утонченности восприятия, своего рода снятие сливок — хитрое человеческое построение, не знающее аналогий.

Он сказал, что по наблюдению новых видящих, только люди способны к дальнейшему усложнению комплексных эманаций. Он использовал здесь испанское слово «деснате», означающее снятие наиболее вкусных пенек с поверхности молока после его кипячения и остывания. Подобно этому, человеческая точка сборки выбирает, в смысле восприятия, некоторую часть эманаций, уже избранных для настройки, и делает из них наиболее приятное построение.

— Эти сливки у людей более реальны, чем восприятия других существ, — продолжал дон Хуан. — и в этом наша ловушка. Они для нас настолько реальны, что мы забываем, что сами построили их, приказывая своей точке сборки быть там, где она находится. Мы забываем, что они реальны для нас только потому, что наша команда состоит в том, чтобы воспринять их как реальность. У нас есть власть собрать вершки настройки, но нет власти защитить себя от собственного распоряжения. Этому надо учиться. Оставить этому снятию вершков свободные руки, как мы это делаем, значит сделать ошибку суждения, за которую мы заплатим так же дорого, как заплатили древние.

8. СДВИГ В НИЖНИЕ ОБЛАСТИ

Дон Хуан и Хенаро совершили свое ежегодное путешествие в северную часть Мексики, в пустыню Соноры, чтобы поискать лекарственные растения. Один из видящих партии нагваля Висенто Медрано, травник среди них, использовал эти растения для составления лекарств.

Я присоединился к дон Хуану и Хенаро в Соноре, в той части их путешествия, когда должен был отвезти их на юг, обратно к их дому.

За день до того, как мы начали эту поездку, дон Хуан неожиданно продолжил свои объяснения о мастерстве управления сознанием. Мы отдыхали в тени высоких кустов в предгорьях. Был вечер, почти темно. Каждый из нас нес большой холщевый мешок, наполненный растениями. Как только мы положили их, Хенаро лег на землю и тотчас уснул, воспользовавшись своим сложенным жакетом, как подушкой.

Дон Хуан говорил со мной тихим голосом, как если бы не хотел разбудить Хенаро. Он сказал, что к настоящему времени объяснил большую часть истин относительно сознания и что осталось обсудить только одну из них. Последняя истина, заверил он меня, является лучшей из найденных древними видящими, хотя сами они никогда этого не знали. Ее ужасающее значение было признано века спустя, лишь новыми видящими.

— Я уже объяснял тебе, что у человека есть точка сборки, — продолжал он. — и что точка сборки настраивает эманации для восприятия. Мы обсуждали также, что эта точка сборки сдвигается из своего неподвижного положения. Последняя истина заключается в том, что если точка сборки сдвинута за некоторый предел, она может собрать миры, совершенно отличные от мира, известного нам.

По-прежнему шепотом он сказал, что некоторые географические области не только помогают случайным движениям точки сборки, но также избирают особое направление этого сдвига. Например, пустыня Соноры помогает сдвинуть точку сборки вниз от ее обычного положения, к месту зверей.

— Вот почему в Соноре есть настоящие колдуны, — продолжал он. — особенно колдуньи. Ты уже знаешь одну, ла Каталину. В прошлом я устроил схватку между вами. Я хотел сдвинуть твою точку сборки, и ла Каталина, со своими колдовскими приемчиками, столкнула ее и сделала более свободной.

Дон Хуан объяснил, что охлаждающие переживания, которые были у меня с ней, являлись частью предварительного соглашения между ним и ею.

— Что ты сказал бы, если бы мы пригласили ее присоединиться к нам? — спросил меня Хенаро громким голосом, усаживаясь.

Неожиданность его вопроса и странность голоса повергли меня в ужас.

Дон Хуан смеялся и тряс меня. Он уверил меня, что совершенно нет необходимости в тревоге, что ла Каталина — это как двоюродная сестра или тетя для нас: она часть нашего мира, хотя и не вполне следует нашим путям, поэтому она бесконечно ближе к древним видящим.

Хенаро улыбнулся и подмигнул мне.

— Я понял, что ты наложил в штаны от страха перед ней, — сказал он мне. — она сама призналась мне, что всякий раз, как у вас было столкновение с ней, чем сильнее был твой испуг, тем горячее были твои штаны.

Дон Хуан и Хенаро смеялись до истерики.

Я должен был признать, что каким-то образом ла Каталина казалась мне всегда очень пугающей, но в то же время чрезвычайно притягательной женщиной. Что меня больше всего в ней поразило, так это ее неистощимая энергия.

— Она накопила так много энергии, — сказал дон Хуан. — что тебе не нужно быть в состоянии повышенного сознания, чтобы она могла сдвинуть твою точку сборки любым способом в глубины левой стороны.

Дон Хуан снова сказал, что ла Каталина очень тесно связана с нами, поскольку принадлежит к партии нагваля Хулиана. Он объяснил, что обычно нагваль и все члены его партии покидали мир вместе, но бывают случаи, когда они покидают мир либо малыми группами, либо по одному. Нагваль Хулиан и его партия были примером последнего варианта. И хотя он покинул мир около сорока лет назад, ла Каталина по-прежнему здесь.

Он напомнил мне кое о чем, о чем упоминал уже раньше: что партия нагваля Хулиана состояла из группы трех очень непоследовательных мужчин и восьми великолепных женщин. Дон Хуан всегда считал, что такое неравенство было одной из причин, почему члены партии нагваля Хулиана покинули мир один за другим.

Он сказал, что ла Каталина была прикреплена к одной из великолепных женщин-видящих партии нагваля Хулиана и научилась у нее необыкновенным маневрам сдвига точки сборки вниз. Эта видящая была последней, кто должен был покинуть мир. Она дожила до очень преклонного возраста, и, поскольку обе они были родом из Соноры, они вернулись на склоне лет в эту пустыню и жили здесь вместе до тех пор, пока видящая не покинула мир. За те годы, которые они провели вместе, ла Каталина стала ее ближайшей помощницей и ученицей.

— Мы совершенно идентичны, — сказал он. — но она более похожа на Хенаро и Сильвио Мануэля. В действительности она является их женским вариантом, но, конечно, будучи женщиной, она бесконечно более агрессивна и опасна, чем любой из них.

Хенаро подтвердил это кивком головы.

— Бесконечно более эффективна, — сказал он и подмигнул мне.

— Присоединилась ли она к нашей партии? — спросил я дон Хуана.

— Я же сказал, что она подобна двоюродной сестре или тете, — ответил он. — под этим я подразумеваю, что она принадлежит к старшему поколению, хотя она моложе, чем все мы. Она последняя из той группы. Она редко бывает в контакте с нами, даже не очень-то любит нас: мы для нее слишком жесткие, поскольку она привыкла к прикосновениям нагваля Хулиана. Она предпочитает захватывающие приключения в неведомом стремлении к поиску свободы.

— В чем же различие между нами? — спросил я дон Хуана.

— В последней части моего объяснения истин сознания, — ответил он. — мы собираемся обсудить это различие не спеша и тщательно, а то, что тебе важно знать в данный момент, так это то, что ты ревниво стережешь странные тайны своего левостороннего сознания. Вот почему ла Каталина и ты нравитесь друг другу.

Я настаивал на том, что не поэтому она мне нравится, — скорее я восхищаюсь ее великой крепостью.

Дон Хуан и Хенаро засмеялись и похлопали меня по спине так, как если бы они знали обо мне что-то такое, чего не знал я.

— Ты нравишься ей, поскольку она знает, что ты подобен ей, — сказал Хенаро и почмокал губами. — она знала нагваля Хулиана очень хорошо.

Оба они посмотрели на меня пристальным взглядом, так что я почувствовал себя совсем неловко.

— К чему вы клоните? — спросил я Хенаро обиженным тоном.

Он усмехнулся, подвигал бровями вверх и вниз комическим жестом, но промолчал. Заговорил дон Хуан и нарушил молчание:

— Есть очень странные точки соприкосновения между нагвалем Хулианом и тобой, — сказал он. — Хенаро лишь пытался выяснить, осознаешь ли ты это.

Я спросил обоих, как, в конце-концов я могу осознавать так далеко идущие вещи.

— Каталина думает, что ты сознаешь, — ответил Хенаро. — она сказала так, поскольку знала нагваля Хулиана лучше любого из нас, здесь находящихся.

Я ответил на это, что не верится в то, что она знала нагваля Хулиана, поскольку он оставил мир почти сорок лет назад.

— Но ла Каталина не весенний цыпленок, — сказал Хенаро. — она только выглядит молодой: это часть ее знаний, так же, как это часть знаний нагваля Хулиана. Ты видел ее только тогда, когда она выглядела молодой. Если бы ты увидел ее, когда она выглядит старухой, страх этого закрыл бы от тебя дневной свет.

— То, что делает ла Каталина, — прервал его дон Хуан. — можно объяснить только через овладение искусством трех видов: искусством управления сознанием, искусством следопыта и мастерством намерения.

Но сегодня мы собираемся изучить то, что она делает, только в свете последней истины относительно сознания: истины, которая гласит, что точка сборки может собрать миры, отличные от нашего, если сдвинется относительно своей исходной позиции.

Дон Хуан дал мне знак подняться. Хенаро тоже встал. Я автоматически взял холщевый мешок, наполненный лекарственными растениями. Хенаро остановил меня в тот момент, когда я собирался взвалить его на плечи.

— Оставь мешок, — сказал он, улыбаясь. — мы должны слегка пробежаться вверх, чтобы встретиться с ла Каталиной.

— Где же она? — спросил я.

— Там наверху, — ответил Хенаро, показывая на вершину небольшого холма. — если ты присмотришься полуприкрытыми глазами, то увидишь ее, как очень темное пятно на фоне зеленого кустарника.

Я изо всех сил стремился увидеть темное пятно, но не мог его рассмотреть.

— Почему бы тебе не прогуляться туда, — предложил дон Хуан.

Я почувствовал головокружение и боль в животе. Дон Хуан принуждал меня движением своей руки идти вверх, но я не решался двинуться. Наконец Хенаро взял меня за руку, и мы оба полезли вверх по холму. Когда мы добрались туда, я понял, что дон Хуан забрался вместе с нами. Мы все трое достигли вершины одновременно.

Дон Хуан очень спокойно начал говорить с Хенаро. Он спросил, помнит ли тот все многочисленные случаи, когда нагваль Хулиан был на грани того, чтобы задушить их обоих насмерть, поскольку они потакали своему страху.

Хенаро повернулся ко мне и заверил, что нагваль Хулиан был безжалостным учителем. Он и его учитель, нагваль Элиас, который тогда был еще в мире, обычно двигали чью-либо точку сборки за критические пределы и заставляли его выбираться оттуда самостоятельно.

— Я однажды уже говорил тебе, что нагваль Хулиан рекомендовал нам не тратить попусту свою половую энергию, — продолжал Хенаро. — под этим он подразумевал, что для сдвига точки сборки мы нуждаемся в энергии. Если ее нет у тебя, то удар нагваля — это не удар свободы, а удар смерти.

— Без достаточной энергии, — сказал дон Хуан. — сила настройки раздавливает. Ты должен иметь энергию, чтобы выдержать давление энергии настройки, которая никогда не происходит при обычных обстоятельствах.

Хенаро сказал, что нагваль Хулиан был вдохновенным учителем. Он всегда находил пути для обучения, которые позволяли ему в то же время позабавить себя. Один из его любимых педагогических приемов состоял в том, чтобы заставить кого-либо однажды или два раза в нормальном состоянии сознания врасплох и сдвинуть точку сборки. С этого момента все, что ему нужно было сделать, чтобы иметь его нераздельное внимание, так лишь пригрозить ему неожиданным ударом нагваля.

Нагваль Хулиан действительно был незабываемым человеком, — сказал дон Хуан. — у него были большие связи с людьми. Он мог сделать нам худшую вещь в мире, но сделанная им, она была бы великой. Если бы то же самое совершил кто-либо другой, то получилось бы грубо и мерзко.

Нагваль Элиас, с другой стороны, не имел соприкосновений, но он был великим учителем, действительно великим.

— Нагваль Элиас был очень похож на нагваля Хуана Матуса, — сказал Хенаро. — они очень подходили друг другу, и нагваль Элиас обучал его всему, даже не повышая голоса и не разыгрывая с ним трюков.

— Но нагваль Хулиан был совершенно другим, — продолжал Хенаро, дружески толкнув меня. — я сказал бы, что он ревниво хранил на своей левой стороне некие тайны, совсем как ты. Не так ли, дон Хуан? — обратился он к дону Хуану.

Дон Хуан не ответил, но кивнул утвердительно. Казалось, что он сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— У него была игровая натура, — сказал дон Хуан, и они оба захохотали.

Тот факт, что они, очевидно, намекали на что-то, что знали только они, заставил меня почувствовать еще большую тревогу.

Дон Хуан сказал, как само собой разумеющееся, что они говорят о странной колдовской методике, которой нагваль Хулиан обучился в процессе своей жизни.

Хенаро добавил, что у нагваля Хулиана был уникальный учитель, кроме нагваля Элиаса: учитель, который был чрезвычайно похож на него, и научил его новым комплексным путям сдвига точки сборки. В результате этого нагваль Хулиан был чрезвычайно эксцентричным в своем поведении.

— Кто же был тот учитель, дон Хуан? — спросил я.

Дон Хуан и Хенаро переглянулись и захихикали, как два школьника.

— На это очень трудно ответить, — сказал дон Хуан. — все, что я могу сказать, это то, что он был учителем, который отклонил путь нашей линии. Он научил нас многому хорошему и плохому, но из худшего он научил нас тому, что делали древние видящие, так что некоторые из нас поймались. Нагваль Хулиан был одним из них, а также ла Каталина. Но мы надеемся, что ты не последуешь за ними.

Я тотчас начал протестовать. Дон Хуан прервал меня. Он сказал, что я не знаю, против чего протестую. По мере того, как дон Хуан говорил, я ужасно разозлился на них обоих. Я взбесился, кричал на них самым громким голосом. Моя реакция была такой для меня неожиданной, что даже напугала: казалось, будто я — это кто-то другой. Я остоленело посмотрел на них в ожидании помощи. Хенаро положил свои руки на плечи дону Хуану так, как если бы он нуждался в поддержке. Оба они падали со смеху.

Я был так раздосадован, что почти плакал. Дон Хуан подошел ко мне. Он примиряюще положил руку мне на плечо. Он сказал, что пустыня Соноры, по причинам, непостижимым для него, возбуждает определенную воинственность в человеке и в любом другом организме.

— Люди сказали бы, что это происходит потому, что воздух тут слишком сухой, — продолжал он. — или потому, что он слишком горячий. Видящие сказали бы, что здесь

особенное стечение эманаций Орла, которые, как я уже сказал, помогают сдвигу точки сборки вниз.

— Как бы там ни было, видящие находятся в мире для тренировки себя, чтобы быть беспристрастными свидетелями, способными понять тайны о себе и пережить восхищение от находки того, что же мы в действительности. Это высочайшая из целей новых видящих, и не каждый воин достигает ее. Мы думаем, что нагваль Хулиан не достиг этой цели. Он попался, и так же попалась Каталина.

Далее он сказал, что для того, чтобы быть несравненным нагвалем, нужно любить свободу и иметь предельную отрешенность. Он объяснил: то, что делает путь воина таким опасным, это то, что он противоположен жизненной ситуации современного человека. Он сказал, что современный человек оставил область неведомого и таинственного и устремился в область функционального. Он повернулся спиной к миру предчувствий и восхищения и приветствовал мир скуки.

— Получить шанс вернуться опять к миру тайн, — продолжал дон Хуан. — это иногда настолько много для воина, что он умирает: он ловится на том, что я назвал бы высоким призывом неведомого. Такие воины забывают призыв свободы, забывают о беспристрастности, они погружаются в неведомое и влюбляются в него.

— И ты думаешь, что я подобен им, не так ли? — спросил я дон Хуана.

— Мы не думаем, мы знаем, — ответил Хенаро. — и ла Каталина знает это лучше, чем кто-либо из нас.

— Почему она? — потребовал я объяснений.

— Потому что она подобна тебе, — ответил Хенаро, произнося слова с комической интонацией.

Я уже собирался вступить в серьезные пререкания, но дон Хуан прервал меня.

— Нет необходимости так горячиться, — сказал он мне. — ты таков, каков есть. Битва за свободу труднее для некоторых, и ты — один из них.

— Для того, чтобы стать беспристрастным свидетелем, — продолжал он. — нужно начать с понимания того, что закрепление или сдвиг точки сборки

— Это все, для нас или для мира, каким бы этот мир ни был.

Новые видящие говорят, что, когда нас учили разговаривать с собой, нас научили также средствам оболванивания себя для того, чтобы удерживать точку сборки неподвижно на одном месте.

Хенаро шумно захлопал в ладоши и издал пронзительный свист, имитирующий свист футбольного матча. «Давайте заставим двигаться точку сборки! — закричал он. Давай, давай, вперед, вперед!»

Мы все еще смеялись, когда кусты вправо от меня неожиданно задвигались. Дон Хуан и Хенаро сразу же сели, поджав под себя левую ногу, а правую, с поднятым коленом, они держали перед собой, подобно щиту. Дон Хуан подал мне знак сделать то же самое. Он поднял брови и сделал жест покорности уголками губ.

— У колдунов есть собственные причуды, — сказал он шепотом. — Когда точка сборки смещается в нижние области, видение колдунов ограничивается. Если они увидят нас стоящими, они могут напасть.

— Нагваль Хулиан однажды держал меня два дня в этой воинственной позе, — шепнул мне Хенаро. — мне даже пришлось мочиться в этом положении.

— И какать, — добавил дон Хуан.

— Точно, — сказал Хенаро, а затем он прошептал мне, как бы между прочим: — я надеюсь, что ты уже сделал а-а? Если твои кишки не опустошены, то ты наложишь в штаны при появлении ла Каталины, если я не покажу тебе, как их снять. Если тебе придется делать в этой позе, то у тебя уже будут сняты штаны.

Он показал мне, как действовать с брюками. Он делал это совершенно серьезно и сосредоточенно. Все мое внимание было сфокусировано на его движениях, и только когда я снял свои штаны, я понял, что дон Хуан ревет от смеха. Я понял, что Хенаро опять разыграл меня. Я уже собирался встать, чтобы надеть штаны, когда дон Хуан остановил меня. Он так смеялся, что не мог выговорить ни единого слова. Он велел мне подождать, сказав, что Хенаро пошутил только наполовину, и что ла Каталина действительно здесь, за кустами. Его убедительный тон, даже среди смеха, дошел до меня, и я замер на месте. Мгновение спустя хруст в кустах навел на меня такой панический ужас, что я забыл о своих брюках. Я взглянул на Хенаро: его брюки были уже на нем. Он пожал плечами:

— Прошу прощения, — прошептал он. — у меня уже нет времени показать тебе, как надеть их не вставая.

А у меня не было времени даже на то, чтобы рассердиться на них или присоединиться к их веселью. Неожиданно прямо передо мной кусты раздвинулись, и оттуда вышло

совершенно невиданное существо. Оно было таким необычным, что я уже больше не боялся. Я был очарован. То, что было передо мной, не было человеком. Это было что-то, даже отдаленно не напоминавшее человека. Оно было похоже на пресмыкающееся, или на огромное гротескное насекомое, или же на волосатую, предельно отталкивающую птицу. Его темное тело было покрыто грубыми рыжеватыми волосками. Я не видел ног, только одну огромную, рыжеватую голову. Нос был плоским, а ноздри представляли собой два больших боковых отверстия. У него было что-то подобное клюву с зубами. Каким бы ужасающим ни было это существо, глаза его были великолепны: они были похожи на два гипнотизирующих озера немыслимой ясности. В них светилось знание, они не были человеческими глазами, или глазами птицы, или какими-то глазами, которые я когда-либо видел.

Существо двигалось справа от меня, шурша кустами. Когда я повернул голову, чтобы следовать за ним взглядом, я заметил, что дон Хуан и Хенаро выглядели такими же зачарованными его присутствием, как и я. Мне показалось, что и они не видели никогда ничего подобного.

В одну минуту существо совершенно скрылось из виду, но мгновение спустя раздалось ворчание, и его гигантские формы опять замаячили перед нами. Я был очарован и одновременно обеспокоен тем, что не напуган как следует этим комическим существом: казалось, что мою предыдущую панику переживал кто-то другой, а не я.

Вдруг я почувствовал, что начинаю подниматься. Против моей воли ноги мои выпрямились, и я обнаружил себя стоящим лицом к существу. Я едва осознавал, что снимаю жакет, рубашку, туфли. Так я оказался нагим. Мышцы моих ног налились необычайной мощью. Я подпрыгивал с колоссальной прыгучестью. А затем существо и я помчались в сторону какой-то невыразимой зелени.

Существо двигалось передо мной, скручиваясь в себе, как змея. Затем я догнал его. Пока мы двигались вместе, я осознал то, что уже знал: это существо действительно было ла Каталиной. Совершенно неожиданно ла Каталина во плоти была рядом со мной. Мы двигались безо всяких усилий. Казалось, мы оставались неподвижными, лишь изображая телесные жесты движений, а окружающее двигалось, создавая впечатление громадной скорости.

Наша гонка прекратилась так же неожиданно, как и началась, я был один с ла Каталиной в другом мире. В нем не было ни одной узнаваемой черты. Было какое-то интенсивное свечение и тепло, исходящее из того, что казалось землей. Она была покрыта громадными камнями или, по крайней мере, они казались камнями. У них был цвет песчаника, но отсутствовал вес: они были как бы обломками пористого вещества. Я мог раскидывать их с шумом, только слегка прикасаясь к ним.

Я был так зачарован своей мощью, что забыл обо всем на свете. Во всяком случае, я оценил, что эти глыбы, казавшиеся невесомой материей, оказывали все-таки сопротивление, и только моя огромная мощь позволяла разбрасывать их с шумом. Я пытался схватить их руками и осознал, что все мое тело изменилось. Ла Каталина смотрела на меня, — она опять была гротескным существом, каким была раньше. И таким же был я. Я не мог видеть себя, но я знал, что мы оба похожи. Неопишуемая радость охватила меня. Казалось, что эта сила приходит ко мне извне. Ла Каталина и я отталкивались, переплетались и играли до тех пор, пока у меня не осталось никаких мыслей и чувств или какого-либо человеческого сознания вообще. И все же я определенно обладал сознанием. Моим сознанием было смутное знание, которое давало мне уверенность. Это было беспредельное доверие, физическая уверенность в своем существовании. Не в смысле человеческого чувства индивидуальности, но в смысле вездесущего присутствия.

Затем сразу все вошло в фокус человеческого ощущения. Ла Каталина держала меня за руку, мы шли вместе по пустыне, среди пустынных кустов. Я тотчас и болезненно ощутил, что камни пустыни и затвердевшие куски грязи ужасно действуют на мои голые ноги.

Мы вышли на место, свободное от растительности. Там были дон Хуан и Хенаро. Я сел и оделся.

Мой опыт с ла Каталиной отсрочил наше возвращение на юг Мексики. Он вывел меня из равновесия в каком-то неопишуемом отношении. В моем нормальном состоянии сознания я стал разъединенным. Казалось, я потерял точку отсчета: я был в состоянии какой-то безнадежности. Я сказал дону Хуану, что потерял даже желание жить.

Мы сидели вокруг стола в доме дон Хуана. Моя машина была нагружена мешками, мы были готовы к отъезду, но чувство отчаяния захватило лучшую часть меня, и я начал плакать.

Дон Хуан и Хенаро смеялись до слез. Чем более безнадежно я себя чувствовал, тем больше они радовались. Наконец, дон Хуан сдвинул меня в состояние повышенного

сознания и объяснил, что их смех — это не отсутствие доброты с их стороны и не результат какого-то злобного чувства юмора, а истинное выражение счастья от видения моего продвижения по пути знания.

— Я скажу тебе то, что обычно дон Хулиан говорил нам, когда мы попадали туда, куда ты сейчас вышел, — продолжал дон Хуан. — на этом пути ты должен знать, что ты не один. То, что случилось с тобой, случается со всяким, кто накапливает достаточно энергии, чтобы схватить отблеск неведомого.

Он сказал, что нагваль Хулиан обычно говорил им, что они выселены из домов, где жили всю свою жизнь. Результатом накопления энергии является разрыв с удобным, но предельно ограниченным и унылым гнездом мира повседневной жизни. «Ваша депрессия, — говорил им нагваль Хулиан. — это не столько печаль от потери своего гнезда, сколько беспокойство от того, что приходится искать новые апартаменты».

— Новые апартаменты, — продолжал дон Хуан. — не такие удобные, но они гораздо более просторные. Твое осознание того, что ты выселен, пришло в форме великого уныния, потери желания жить, точно так же, как это было с нами. Когда ты сказал нам, что не хочешь жить, мы не могли не рассмеяться.

— Что же будет со мной теперь? — спросил я.

— Если говорить словами народной мудрости — «поищи, старушка, новую подушку», — ответил дон Хуан.

Дон Хуан и Хенаро опять вошли в состояние большой эйфории.

Всякое утверждение и замечание заставляло их истерически смеяться.

— Все очень просто, — сказал дон Хуан. — твой новый уровень энергии создал новое место для успокоения твоей точки сборки. И диалог воина, который ты всегда ведешь с нами, когда мы вместе, утвердил это новое положение.

Хенаро придал своему лицу серьезное выражение и гудящим голосом спросил меня: «ты уже какал сегодня?»

Он понуждал меня ответить движением своей головы: «да или нет, да или нет, — требовал он. — давай продолжим наш диалог воинов».

Когда они слегка успокоились, Хенаро сказал, что я должен осознать тот недостаток, что точка сборки время от времени возвращается в свое прежнее положение. Он сказал мне, что в его собственном случае точка сборки в нормальном положении заставляла его видеть людей, как угрожающих и ужасающих существ. К его предельному изумлению, однажды он понял, что изменился: он стал значительно смелее и уверенно действовал в ситуации, которая в обычном состоянии привела бы его к хаосу и страху.

— Я обнаружил себя в постели женщины, — сказал Хенаро и подмигнул мне. — обычно я до смерти боялся женщин, но однажды я оказался в постели с ужасающей женщиной. Это было так непохоже на меня, что когда я понял, что я делаю, со мной случился почти сердечный приступ — я чуть не получил разрыв сердца. Этот толчок заставил мою точку сборки вернуться в ее несчастное нормальное положение. Я должен был выбежать из дома и тряса, как заяц.

— Ты лучше следи за тем, чтобы точка сборки не вернулась обратно, — добавил Хенаро. И они опять засмеялись.

— Положение точки сборки на коконе человека, — объяснил дон Хуан. — поддерживается внутренним диалогом, и поэтому это очень слабое положение, мягко говоря. Вот почему мужчины и женщины так легко теряют свой ум, особенно те, чей внутренний диалог — скучное и неглубокое построение одного и того же.

Новые видящие говорят, что наиболее прочными людьми являются те, чей внутренний диалог гибок и разнообразен.

Он сказал, что положение точки сборки воина бесконечно более прочное, поскольку, как только точка сборки начинает сдвигаться в коконе, она создает ямку в светимости — ямку, которая удерживает точку сборки в дальнейшем.

— Вот почему мы не можем сказать, что воины теряют свой ум, — продолжал дон Хуан. — если они что-то и теряют, то только эту ямку.

Дон Хуан и Хенаро нашли это утверждение таким смешным, что покатались со смеху.

Я попросил дон Хуана пояснить мой опыт с ла Каталиной, и они оба опять завывали от смеха.

— Женщины, определенно, более странные существа, чем мужчины. Тот факт, что у них между ног есть дополнительное отверстие, делает их жертвами странных влияний. Странные мощные силы владеют ими через это отверстие. Это единственный способ, каким я могу объяснить их причуды.

Он оставался в молчании некоторое время. Я спросил его, что он под этим подразумевает.

— Ла Каталина пришла к нам, как гигантская гусеница, — ответил он.

Выражение лица дон Хуана, когда он говорил это, и взрыв смеха Хенаро развеселили меня. Я начал смеяться, пока мне не стало почти плохо.

Дон Хуан сказал, что искусство ла Каталины настолько необычайно, что она может сделать все, что захочет, в области зверей. Ее несравненное появление в таком виде было мотивировано ее сродством со мной. Окончательный результат всего этого тот, сказал он, что ла Каталина сумела сдвинуть мою точку сборки с помощью своей.

— Что вы там делали вдвоем, словно черви? — спросил Хенаро и похлопал меня по спине. Казалось, дон Хуан был близок к тому, чтобы залиться смехом.

Вот почему я сказал, что женщины более странны, чем мужчины, — прокомментировал он, наконец.

— Я не согласен с тобой, — сказал Хенаро дону Хуану. — у нагваля Хулиана не было дополнительного отверстия между ногами, однако он был еще более странным, чем ла Каталина. Я думаю, что она научилась быть червем отчасти у него. Он делал это обычно для нее.

Дон Хуан подпрыгивал, как ребенок, который намочил в штаны. Когда он почти успокоился, он сказал, что нагваль Хулиан имел дар создавать и использовать совершенно необычные ситуации. Он сказал также, что ла Каталина дала мне совершенный, великолепный пример сдвига вниз. Она заставила меня увидеть ее в виде существа, формы которого она приняла путем сдвига точки сборки. Затем она помогла мне сдвинуть мою в то же положение, которое придавало ей ее чудовищный вид.

— Другой учитель, которого имел нагваль Хулиан, — продолжал дон Хуан. — научил его, как достичь особого места в этой безбрежности нижнего пространства. Никто из нас не смог следовать за ним туда, но все члены его партии делали это, особенно ла Каталина и женщина-видящая, которая учила ее.

Далее дон Хуан сказал, что сдвиг вниз приводит к видению, на самом деле, не другого мира, но нашего мира повседневной жизни, на который мы смотрим в другой перспективе. Он сказал, что для того, чтобы увидеть другой мир, я должен воспринять другую великую полосу эманаций Орла, другой великий диапазон эманаций.

Здесь он закончил свои объяснения. Он сказал, что у него нет времени дольше останавливаться на этом предмете великих диапазонов, поскольку нам пора двигаться. Я хотел остаться еще на немного, чтобы продолжить разговор, но он сказал, что требуется много времени для объяснения этой темы, для чего мне понадобится новое сосредоточение.

9. ВЕЛИКИЕ ДИАПАЗОНЫ ЭМАНАЦИЙ

Несколько дней спустя в своем доме на юге Мексики дон Хуан продолжил эти объяснения. Он ввел меня в большую комнату. Уже наступил вечер, и в комнате было темно. Я хотел зажечь керосиновые лампы, но дон Хуан не разрешил мне сделать этого. Он сказал, что я должен позволить звуку его голоса сдвинуть мою точку сборки так, чтобы она осветила эманации полного сосредоточения и полного воспоминания.

Затем он сказал, что мы собираемся говорить о великих диапазонах эманаций. Он назвал это другим ключевым открытием, которое сделали древние видящие, но затем оно, из-за их заблуждений, погрузилось в забвение, пока новые видящие не извлекли его на свет.

— Эманации Орла сгруппированы в комплексы, — продолжал он. — древние видящие называли эти комплексы «великими полосами эманаций». Это, конечно, не «полосы», но название осталось. Например, есть неизмеримый комплекс, который производит органические существа. Эманации этого органического диапазона обладают своего рода «пушистостью». Они прозрачны и имеют свою собственную светимость, особую энергию. Они осознают себя, они прыгают. В этом причина того, что все органические существа наполнены особой неотразимой энергией. Другие диапазоны темнее и менее летучи. У некоторых из них совсем нет света — им свойственна непрозрачность.

— Ты хочешь этим сказать, дон Хуан, что все органические существа имеют в своем коконе эманации одного и того же вида? — спросил я.

— Нет, я не хочу сказать этого. Все не так просто, хотя все органические существа принадлежат к одному и тому же великому диапазону. Вообрази это, как неизмеримо широкую полосу светящихся волокон — бесконечных светящихся струн. Органические существа — это пузырьки, которые вырастают вокруг такой группы светящихся волокон. Вообрази, что в этом диапазоне органической жизни некоторые пузырьки сформировались вокруг светящихся волокон в центре полосы, другие — ближе к ее краям. Эта полоса достаточно широкая, чтобы устроить на себе все виды органических существ, и еще

останется свободное место. При таком устройстве пузырьки, близкие к краям, совершенно лишены эманаций, которые имеются в середине полосы и разделяются только теми, которые в центре. По этой же причине пузырьки в центре лишены краевых эманаций.

Как ты можешь понять, органические существа разделяют эманации одного диапазона, однако видящие видят, что и внутри органической полосы существа разделяются настолько, насколько это вообще возможно.

— Много ли таких великих диапазонов? — спросил я.

— Так же много, как сама бесконечность, — ответил он. — однако видящие нашли, что на земле есть только сорок восемь таких полос.

— Каков смысл этого, дон Хуан?

— Для видящих это означает, что на земле есть сорок восемь типов организаций, сорок восемь типов объектов или структур. Органическая жизнь — одна из них <здесь сразу вспоминаются сорок восемь «законов», которые управляют процессами на земле, согласно учению Георгия Гурджиева>.

— Означает ли это, что есть сорок восемь типов неорганической жизни?

— Нет, не совсем так. Древние видящие насчитывали семь полос, производящих неорганические пузырьки сознания. Другими словами, есть сорок диапазонов, которые производят пузырьки, не обладающие сознанием: это полосы, задающие только организацию.

— Думай о великих диапазонах, как о чем-то, подобном деревьям. Все они дают плоды, создают вместилища, наполненные эманациями, однако только восемь из этих деревьев дают съедобные плоды, т. е. пузырьки сознания. Семь из них дают кислые плоды, но все же съедобные, а одно дает наиболее сочные, вкуснейшие плоды из всех.

Он засмеялся и сказал, что в своей аналогии принял точку зрения Орла, для которого наиболее изысканными кусочками являются органические пузырьки сознания.

— Что заставляет эти восемь полос давать сознание? — спросил я.

— Орел наделяет сознанием через свои эманации, — ответил он.

Его ответ заставил меня спорить с ним. Я сказал ему, что говорить, что орел наделяет сознанием через свои эманации, это все равно, как говорить, как делают верующие, что бог наделяет жизнью через любовь. Вообще, что это значит?

— Эти два утверждения не аналогичны, — терпеливо пояснил он. — и все же я думаю, что они обозначают одно и то же. Различие только в том, что видящие видят, как орел наделяет сознанием через свои эманации, а верующие не видят, как бог наделяет жизнью через любовь.

Он сказал, что путь, каким орел наделяет сознанием, идет через три гигантские связи эманаций, проходящие через восемь великих диапазонов. Эти связи совершенно особые, поскольку для видящих они наделены цветом. Одна связка дает впечатление бежево-розового, похожего на розоватое свечение уличных ламп, другая — персикового оттенка, как неоновые лампы цвета пергамента, а третья вызывает ощущение, подобное цвету янтаря — как чистый мед.

Таким образом, видение видящими того, как орел наделяет сознанием через свои эманации, подобно видению оттенков, — продолжал он. — верующие не видят божественной любви, а если бы они ее видели, то знали бы, что она либо розовая, либо персиковая, либо янтарная. <сравн.: видение Данте, сообщенное им в 33-ей песне «Рая»: «...Три равномерных круга, разных цветом»>.

— Человек, например, прикреплен к янтарной связке, и так же другие существа.

Я захотел узнать, какие существа разделяют те же эманации, что и человек.

— Подробности, подобные этим, ты обнаружишь сам через свое видение, — сказал он. — мне говорить об этом бесполезно: ты только заведешь себе новый каталог. Достаточно будет сказать, что найти это самому будет для тебя наиболее волнующим действием, какое ты когда-либо совершал.

— А розовая и персиковая связки тоже представлены в человеке? — спросил я.

— Никогда. Эти связки принадлежат другим живым существам, — ответил он.

Я собирался еще что-то спросить его, но резким движением руки он остановил меня. Он погрузился в размышления. Мы долго пребывали в глубоком безмолвии.

— Я уже говорил тебе, что свет сознания бывает в человеке разных цветов, — сказал он, наконец. — но тогда я не сказал тебе, поскольку мы еще не дошли до этого, что это вовсе не цвета, а оттенки янтарного цвета.

Он сказал, что янтарная полоса сознания делится на бесконечное число тонких вариантов, которые отражают различия в качестве сознания. Розоватый и бледно-зеленый янтарные оттенки являются наиболее распространенными. Голубоватый янтарный цвет наиболее необычен, но еще более редок чистый янтарный.

— А что же определяет данный конкретный оттенок янтарного цвета?

— Видящие говорят, что этот оттенок определяется количеством сэкономленной и запасенной энергии. Бесконечное число воинов начинало с розового оттенка янтарного цвета, а закончило чистейшим янтарным цветом. Примерами этого являются Хенаро и Сильвио Мануэль.

— А какие формы жизни соответствуют розовой и персиковой связкам сознания? — спросил я.

— Все эти три связки пересекаются в восьми диапазонах, — ответил он. — в органическом диапазоне розовая связка свойственна, в основном, растениям, персиковая — насекомым, а янтарная — человеку и другим животным.

Такое же положение преобладает и в неорганическом диапазоне: три связки сознания дают особые виды неорганических существ в каждом из семи великих диапазонов.

Я попросил его рассказать поподробнее о имеющихся родах неорганических существ.

— Ну, это другая вещь, которую тебе следует увидеть самому, — ответил он. — семь диапазонов и то, что они дают, действительно недоступно человеческому рассудку, но доступно видению.

Я сказал ему, что не вполне понял его объяснение великих полос эманаций, поскольку его описание заставило меня вообразить их, как независимые связки струн или даже плоских лент, подобных конвейерной.

Он пояснил, что великие полосы эманаций не плоские и не круглые, а неопишуемым образом переплетены, как соломинки в охапке сена, которые удерживаются схватившими их руками. Таким образом, у эманаций нет порядка: сказать, что есть центр или края, было бы заблуждением, но это необходимо делать для объяснения.

Продолжая далее, он объяснил, что неорганические существа, возникающие в семи других диапазонах сознания, характеризуются тем, что их контейнер не имеет движения: он более похож на бесформенное вместилище со слабым свечением. Он не похож на кокон органических существ: у него отсутствует упругость, способность раздуваться, что позволяет органическим существам выглядеть так, словно светящиеся шары, наполненные энергией. Дон Хуан сказал, что единственное подобие неорганических и органических существ заключается в том, что все они имеют задающие сознание розовые, персиковые или янтарные эманации.

— Эти эманации, — продолжал он. — позволяют при некоторых обстоятельствах наладить связь между существами восьми великих диапазонов.

Он сказал, что обычно органические существа, со своим большим полем энергии, являются инициаторами связи с неорганическими существами, а тонкое и усложненное следование за ними — это всегда область деятельности неорганических существ. Ну, а когда барьер разрушен, неорганические существа становятся тем, что видящие называют олли-союзниками. С этого момента неорганические существа могут перехватывать невероятно тонкие мысли, настроения или страхи видящего.

— Древние видящие были загипнотизированы такой преданностью своих олли, — продолжал он. — есть рассказы о том, как древние видящие могли заставить своих олли сделать все, что захотят. Это было одним из оснований их веры в свою неуязвимость. Они обалдели от самодовольства. Однако олли обладают властью только тогда, когда видящий является образцом безупречности, а древние такими не были.

— Неорганических существ так же много, как и органических? — спросил я.

Он ответил, что неорганические существа не так обильно представлены, как органические, однако это перекрывается большим числом диапазонов неорганического сознания. Кроме того, различия между самими неорганическими существами более значительны, чем различия организмов, поскольку последние принадлежат только одному диапазону, а неорганические — семи.

— Учти также, что неорганические существа живут дольше организмов, — продолжал он. — это явление заставило древних видящих сосредоточить свое внимание видения на олли, — о причинах этого я расскажу тебе позднее.

Он сказал, что древние видящие также пришли к сознанию того, что именно повышенная энергия организмов и последующее высокое развитие их сознания сделало их лакомыми кусочками для Орла. По мнению древних видящих, аппетит Орла и является причиной того, что он стремится создать как можно больше органических существ.

Далее он объяснил, что продуктом деятельности других сорока великих диапазонов является вовсе не сознание, а конфигурации неодушевленной энергии. Древние видящие для обозначения этого избрали слово «сосуды». В то время как коконы и контейнеры являются полями энергетического сознания, ответственными за собственную независимую светимость, сосуды — это твердые вместилища, удерживающие эманации и не являющиеся

полями энергетического сознания. Их светимость определяется только энергией эманаций, заключенных в них.

— Ты должен иметь в виду, — продолжал он. — что все на земле во что-нибудь заключено. То, что мы воспринимаем, составлено либо из частей коконов, либо из сосудов с эманациями. Обычно мы совсем не воспринимаем вместилищ неорганических существ.

Он посмотрел на меня, ожидая признаков понимания, но, осознав, что я не поддался ему, он продолжил объяснение.

— Весь мир сделан из сорока восьми диапазонов, — сказал он. — а мир, который собирает наша точка сборки в состоянии нормального восприятия, составлен из двух диапазонов. Один из них — это органическая полоса, а другой — полоса структур, не обладающих сознанием. Остальные сорок шесть великих диапазонов не являются частью воспринимаемого нами обычного мира.

Он опять помедлил, ожидая уместных здесь вопросов. У меня их не было.

— Существуют и другие завершенные миры, которые наша точка сборки может собрать, — продолжал он. — древние видящие насчитывали семь таких миров — по одному на каждый диапазон сознания. Я добавил бы, что два из этих миров, кроме мира повседневной жизни, собрать сравнительно легко. Другие пять — совсем другое дело.

Когда мы сели для беседы в следующий раз, дон Хуан тотчас же начал говорить о моем опыте с ла Каталиной. Он сказал, что сдвиг точки сборки в область, расположенную ниже ее обычного места, дает видящему подробную и зауженную картину известного нам мира. Она настолько детализирована, что наш мир кажется совсем другим миром. Это гипнотизирующее зрелище, и оно слишком соблазнительно, особенно для видящих с приземленным и ленивым духом.

— Это изменение перспективы очень приятно, — продолжал дон Хуан. — требуется минимальное усилие, а результаты головокружительны. Если видящий стремится к скорым достижениям, то нет лучшего маневра, чем сдвиг в нижние области. Единственной проблемой для этих положений точки сборки остается то, что видящие подвержены угрозе смерти, которая приходит даже более грубо и гораздо быстрее, чем в человеческом положении.

Нагваль Хулиан говорил, что это лучшее место для того, чтобы подрыгать ногами, — и не более.

Он добавил, что истинное изменение миров происходит только тогда, когда точка сборки переместится в человеческом диапазоне достаточно глубоко, чтобы преодолеть некоторый порог. На этой стадии точка сборки может воспользоваться другими великими диапазонами.

— Как это она ими пользуется? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Это вопрос наличия энергии, — сказал он. — сила настройки цепляется за другую полосу при условии, что видящий имеет достаточно энергии. Наш обычный уровень энергии позволяет нашей точке сборки пользоваться силой настройки только в одном диапазоне эманаций, и мы воспринимаем, тем самым, известный нам мир, но если у нас есть запас энергии, мы можем воспользоваться силой настройки других великих диапазонов и, следовательно, воспринять другие миры.

Вдруг дон Хуан резко изменил тему беседы и стал говорить о растениях.

— Тебе может показаться странным, — сказал он. — но деревья гораздо ближе к человеку чем, например, муравьи. Я уже говорил тебе, что деревья и люди могут развить грандиозные связи, и это происходит потому, что они разделяют общие эманации.

— Насколько велики у них коконы? — спросил я.

— Коконы гигантских деревьев ненамного больше самих деревьев, но интересно другое: некоторые крошечные растения имеют коконы почти такие же большие, как человеческое тело, и в три раза шире. Таковы растения силы. У них больше всего эманаций, родственных человеку — не эманаций сознания, конечно, а других общих эманаций.

Другая уникальная особенность растений в том, что их светимость различается по оттенкам. В общем она розовая, поскольку их сознание розоватое, но ядовитые растения бледно-желто-розовые, а лекарственные — ярко-фиолетово-розовые. И только растения силы бело-розовые: некоторые из них сумрачно-белые, а другие — ярко-белые.

Однако, реальное различие между растениями и другими органическими существами состоит в положении их точки сборки: у растений она расположена в нижней части кокона, а у других органических существ — в верхней.

— Ну а что в отношении неорганических существ? — спросил я. — где у них находится точка сборки?

— У некоторых из них она расположена в нижней части вместилища, — ответил он. — такие существа очень отличны от людей, но близки растениям. Другие имеют ее где-либо в верхней части вместилища — они близки людям и другим органическим существам.

Он добавил, что древние видящие были убеждены, что у растений очень интенсивно развито общение с неорганическими существами. Они полагали, что чем ниже точка сборки, тем легче растениям преодолеть барьер восприятия: у очень больших деревьев и у очень маленьких растений точка сборки расположена очень низко в их коконах. Поэтому великое количество колдовских ритуалов древних видящих было направлено на то, чтобы запрячь сознание деревьев и маленьких растений и использовать их как проводник для спуска в глубины темных областей, как они говорили.

— Ты понимаешь, конечно, — продолжал дон Хуан. — что когда они думали, что спускаются в глубины, они фактически перемещали свою точку сборки для сборки других воспринимаемых миров с теми семью великими диапазонами.

Они доводили свое сознание до предела и собирали миры с пятью великими диапазонами, доступными видящим только в том случае, если они проходят опасную трансформацию.

— Но преуспели древние видящие в сборке этих миров? — спросил я.

— Да, преуспели, — сказал он. — в своем заблуждении они думали, что достойно разбить все барьеры восприятия, если даже для этого нужно стать деревом.

10. ПОЛОЖЕНИЕ ТОЧКИ СБОРКИ. ИСКУССТВА СЛЕДОПЫТА, НАМЕРЕНИЯ И СНОВИДЕНИЯ

На следующий день, опять в сумерках, дон Хуан вошел в комнату, где мы с Хенаро разговаривали. Он взял меня за руку и провел через весь дом на задний дворик. Было уже темно. Мы начали ходить по крытому коридору-веранде, окружавшему дворик.

Пока мы прогуливались так, дон Хуан сказал, что хочет предупредить меня еще раз о том, что на пути знания очень легко потеряться в сложностях и патологиях. Он сказал, что видящие восстают против великих врагов, способных разрушить их цель, замутить намерения и ослабить — против врагов, возникающих на пути воина, а также против чувства лени, праздности, самодовольства, являющихся неотъемлемой частью повседневного мира.

Он добавил, что ошибки, совершенные древними видящими из-за чувства лени, праздности и самодовольства, были так велики и непоправимы, что у новых видящих не было другого выхода, как только осмеять и отвергнуть их ритуалы.

Самое главное, что было необходимо новым видящим, — продолжал дон Хуан. — это практические шаги по смещению своей точки сборки, ну а поскольку у них таковых не было, то им пришлось начать с развития острого интереса к видению света сознания, и в результате развились три типа методик, которые стали краеугольным камнем обучения.

Дон Хуан сказал, что через эти три методики новые видящие совершили чрезвычайные и трудные подвиги. Они преуспели в систематическом сдвиге точки сборки с ее обычного положения. Он признал, что древние видящие тоже совершили тот же подвиг, однако с помощью причудливых, вывернутых манипуляций.

Он пояснил: то, что новые видящие увидели в свете сознания, привело к последовательности, в которой они разместили истины древних относительно сознания. Это известно, как «искусство управления сознанием». Начиная отсюда, были развиты три системы методик. Первой является искусство следопыта, второй — мастерство намерения, третьей — искусство сновидения. Он подтвердил, что обучал меня всем этим трем системам с первого дня нашего знакомства.

Он сказал, что обучал меня искусству управления сознанием двумя путями, как и рекомендуют новые видящие. В своем учении для правой стороны, которое он проводил в нормальном состоянии сознания, он достиг двух целей: обучил меня пути воина и ослабил привязанность точки сборки к ее нормальному положению. В учении для левой стороны, которое проводилось в состоянии повышенного сознания, достигнуты тоже две цели: он заставил мою точку сборки сдвигаться в такое число позиций, какое я смог выдержать, а также дал длинную серию объяснений.

Дон Хуан остановился и пристально посмотрел на меня. Последовало напряженное молчание, а затем он начал беседу об искусстве следопыта. Он сказал, что у этого искусства было очень странное и случайное начало: оно началось с наблюдения, сделанного новыми видящими, что когда воины настойчиво следуют необычному образу поведения, то неиспользованные ранее внутри их кокона эманации начинают светиться, а точка сборки мягко смещается гармоническим, едва заметным способом.

Воодушевленные этим наблюдением, новые видящие начали практиковать систематическое управление своим поведением. Они назвали эту методику искусством следопыта. Дон Хуан заметил, что, хотя против этого названия и можно возразить, оно все же приемлемо, поскольку выслеживание требует особого рода поведения по отношению к людям, которое можно отнести к тайным методам.

Вооруженные этой методикой, новые видящие взялись за известное трезвым и плодотворным образом. Путем непрерывной практики они заставили свою точку сборки постоянно смещаться.

— Искусство следопыта — это одно из двух величайших достижений новых видящих, — сказал он. — они решили, что его следует преподавать современному нагвалю, когда его точка сборки сдвинется достаточно глубоко влево. Причина этого решения в том, что нагваль должен изучить принципы следопыта, незамутненные человеческим перечислением. В конце концов, нагваль — это вождь группы, а чтобы вести, он должен уметь действовать быстро, без предварительного размышления.

Другие воины могут обучаться искусству следопыта, будучи в своем обычном сознании, хотя желательно, чтобы они практиковали его в повышенном состоянии сознания, и не столько из-за ценности повышенного сознания, сколько из-за ложного чувства секретности, которое пропитывает это искусство, предназначенное просто для общения с обычным миром.

Он сказал, что я могу теперь понять, что именно намерение сдвинуть точку сборки заставило новых видящих обратить особое внимание на взаимодействие с мелочными тиранами. Мелочные тираны заставляют видящих использовать искусство следопыта, а это действие позволяет видящему сдвинуть точку сборки.

Я спросил его, знали ли древние видящие что-либо из принципов следопыта.

— Искусство следопыта принадлежит только новому поколению видящих, — ответил он, улыбаясь. — именно этим видящим пришлось иметь дело с людьми: древние видящие были настолько окутаны своим чувством власти, что даже и не знали о существовании обычного люда, пока этот люд не раскрыл им головы дубинкой. Да ты уже знаешь все это.

Дон Хуан сказал далее, что мастерство намерения, наряду с искусством следопыта, — это два шедевра, отметившие пришествие современных видящих. Он объяснил, что в своем усилии приобрести преимущество над угнетателями новые видящие исследовали все возможности. Они знали, что их предшественники совершали необычайные подвиги, манипулируя таинственной и чудесной силой, которую они могли описать только как «власть». У новых видящих было мало сведений об этой силе, так что им пришлось исследовать ее систематически с помощью видения. Их усилия были обильно вознаграждены, когда они обнаружили, что энергия настройки и является этой силой.

Они начали с видения того, как свет сознания расширяется и усиливается, когда эманации внутри кокона настраиваются на эманации в великом. Они воспользовались этим наблюдением, как трамплином, то есть так же, как они поступили с искусством следопыта, и в дальнейшем развили комплексную цепочку методик для управления этой настройкой эманаций.

Вначале они называли эти методики «мастерством настройки», а потом поняли, что здесь вовлечено гораздо больше, чем просто настройка: то, что проявилось, — это энергия, возникающая от настройки эманаций. Они назвали эту энергию волей.

Воля стала следующим основанием их действий. Новые видящие поняли ее, как слепой, безличный, непрерывный взрыв энергии, который заставляет нас вести себя так, как мы это делаем. Воля ответственна за наше восприятие, за удержание точки сборки в ее обычном положении.

Дон Хуан сказал, что новые видящие исследовали, как происходит восприятие мира повседневной жизни, и увидели эффект воли. Они увидели, что настройка непрерывно возобновляется, чтобы придать восприятию непрерывность. Для возобновления настройки во всякое время с той свежестью, которой она требует для составления живого мира, взрыв энергии, возникающей от самой этой настройки, должен быть автоматически отведен для подкрепления избранных настроек.

Это новое наблюдение послужило новым видящим другим трамплином, который помог заложить третье основание систем. Они назвали его намерением и описали, как целеустремленное управление волей — энергией настройки.

— Сильвио Мануэль, Хенаро и Винсенте были направлены нагвалем Хулианом на изучение этих трех аспектов знания видящих, — продолжал он. — Хенаро стал мастером управления сознанием, Винсенте — мастером искусства следопыта, а Сильвио Мануэль — мастером намерения. Сейчас мы занимаемся окончательным объяснением искусства управления сознанием — вот почему Хенаро помогает тебе.

Дон Хуан долго беседовал с учениками-женщинами. Женщины слушали его с серьезным выражением лица. Судя по выражению глубокой сосредоточенности, я был уверен, что он подробно инструктирует их относительно труднейшей методики.

Мне запретили быть на этом собрании, но я мог следить за ними, когда они беседовали перед главной дверью дома Хенаро. Я сидел за кухонным столом, дожидаясь, пока все это кончится.

Затем женщины собрались уходить, но перед этим они вошли на кухню вместе с доном Хуаном. Он сел напротив, а женщины говорили со мной ужасающе любезно. Они, собственно, обнимали меня. Все они были необычайно дружелюбными, даже разговорчивыми. Они сказали, что собираются присоединиться к ученикам-мужчинам, которые ушли с Хенаро несколько часов назад: Хенаро собирается показать всем им свое тело сновидения.

Как только женщины вышли, дон Хуан совершенно неожиданно возобновил свои объяснения. Он сказал, что со временем, когда новые видящие утвердили свои принципы, они поняли, что в тех доминирующих условиях жизни, в которых они живут, одно лишь искусство следопыта сдвигает точку сборки очень мало. Для максимального эффекта это искусство нуждается в идеальной обстановке, то есть в мелочных тиранах с большой властью и силой. А новым видящим было все труднее находить такие условия: задача найти их или сымпровизировать стала невыносимым бременем.

Новые видящие нашли действительно необходимым видеть эманации Орла для того, чтобы найти другие, более подходящие пути сдвига точки сборки. Когда они попытались видеть эманации, они столкнулись с очень серьезной проблемой: они обнаружили, что невозможно видеть их, не подвергая себя смертельному риску, и все же они должны были их видеть. Именно тогда они и воспользовались древней методикой сновидения как щитом для защиты себя от смертельного удара эманаций Орла. Совершая это, они осознали, что само сновидение является наиболее эффективной методикой для сдвига точки сборки.

— Одним из строжайших указаний новых видящих, — продолжал дон Хуан. — стало требование, чтобы воины изучали сновидение, исходя из состояния обычного сознания. Следуя этому требованию, я стал обучать тебя сновидению почти с первого дня нашего знакомства.

— Почему новые видящие распорядились, чтобы обучение сновидению происходило в нормальном состоянии сознания? — спросил я.

— Потому что сновидение слишком опасно, а сновидение — это немыслимая власть, оно делает сновидцев уязвимыми, поскольку оставляет их на милость непостижимой силы настройки.

Новые видящие осознали, что в нашем нормальном состоянии сознания у нас есть бесчисленное множество защитных приспособлений, предохраняющих от сил неиспользованных эманаций, которые неожиданно выстраиваются в сновидения.

Дон Хуан объяснил, что искусство сновидения, как и искусство следопыта, начинается с простого наблюдения. Древние видящие узнали, что во сне точка сборки сдвигается слегка влево, совершенно естественным образом. Эта точка в действительности освобождается во время сна и начинают светиться все виды неиспользованных эманаций. Древние немедленно заинтересовались таким наблюдением и начали работать над таким естественным сдвигом, пока не научились им управлять. Они называли это управление сновидением, или искусством управления телом сновидения.

Он заметил, что едва ли есть средство описать обширность их знаний относительно сновидения. Очень мало из того, однако, может быть использовано новыми видящими. Так что, когда пришло время реконструкции, новые видящие взяли себе только голый скелет сновидения для помощи в видении эманаций Орла и для сдвига точки сборки.

Он сказал, что видящие, как новые, так и древние, согласны в том, что сновидение — это контролирование естественного сдвига, которому подвержена точка сборки во сне. Он подчеркнул, что контроль этого сдвига ни в коей мере не означает направления его, а просто удержание точки сборки в положении, в которое она естественно приходит во сне — труднейший маневр, который потребовал от древних видящих чрезвычайных усилий и сосредоточения.

Дон Хуан объяснил, что сновидцы должны удерживать очень тонкое равновесие: в сны не следует вмешиваться или командовать ими сознательным усилием, и все же сдвиг точки сборки должен подчиняться командам сновидца — противоречие, которое нельзя выразить рационально, но можно разрешить практически.

Наблюдая сновидцев во время сна, древние видящие наткнулись на решение, позволяющее снам следовать своим естественным путем. Они увидели, что в некоторых снах точка сборки сновидца действует гораздо глубже налево, чем в других. Это

наблюдение поставило перед ними вопрос: действительно ли содержание сновидения заставляет сдвигаться точку сборки, или же движение точки сборки само по себе управляет содержанием сна, активизируя неиспользованные эманации.

Вскоре они поняли, что именно сдвиг точки сборки влево производит сновидение: чем левее сдвиг, тем более живым и странным будет сон. Неизбежно они перешли к управлению своими снами с целью заставить свою точку сборки сдвигаться глубже влево. Пытаясь сделать это, они открыли, что, когда сном начинают сознательно или подсознательно манипулировать, точка сборки незамедлительно возвращается в свое нормальное положение. Ну а поскольку они хотели добиться ее сдвига, они пришли к неизбежному выводу, что вмешательство в сны — это вмешательство в естественный сдвиг точки сборки.

Дон Хуан сказал, что с этого момента древние видящие развили свое поразительное знание этого предмета — знание, наложившее глубокий отпечаток на то, к чему стремились древние видящие в сновидении, но малополезное им в своем первоначальном виде.

Он сказал мне, что до сих пор я понимал сновидение как управление снами, но каждое из упражнений, которое он давал мне для исполнения, например, такое, как найти свои руки во сне, не предназначено, как это могло показаться, для обучения командовать своими снами. Эти упражнения разработаны для удержания точки сборки там, куда она уходит во сне. Именно там следует удерживать тонкое равновесие. Единственное, что можно направлять, так это фиксацию своей точки сборки. Видящие подобны рыбаку с удочкой: она закидывается куда попало, поэтому единственное, что рыбаки могут сделать, — это удерживать грузило там, где оно затонуло.

— Куда бы не переместилась точка сборки во сне, это называется сновиденческой позицией, — продолжал он. — древние видящие стали такими специалистами в удержании сновиденческой позиции, что были способны даже пробудиться, когда их точка сборки была зафиксирована там.

Древние видящие называли это состояние телом сновидения, поскольку доводили свое управление до предела создания временного нового тела всякий раз, когда пробуждались в новой сновиденческой позиции.

Я должен сделать все, чтобы разъяснить тебе, что у сновидения есть ужасно отрицательная сторона: оно принадлежит древним видящим и окрашено их настроением. Я был очень осторожен, проводя тебя через это, однако до сих пор нельзя быть уверенным.

— О чем это ты предупреждаешь меня, дон Хуан? — спросил я.

— Я предупреждаю тебя относительно ловушек сновидения, которые поистине ошеломляющи, — ответил он. — в сновидении действительно невозможно направлять точку сборки, ее движение, и единственное, что направляет этот сдвиг, — это внутренняя крепость или слабость сновидца. Именно здесь и находится первая ловушка.

Он сказал, что сначала новые видящие колебались в принятии решения относительно использования сновидения. Они полагали, что сновидение, вместо того, чтобы укреплять, делает воина более слабым, капризным, импульсивным. Все древние видящие были таковы. И для того, чтобы заменить отрицательное влияние сновидения, поскольку не было другого выхода, как использовать его, новые видящие развили сложную и необычную систему поведения, названную «путем воина» или «тропой воина».

С помощью этой системы новые видящие укрепили себя и приобрели внутреннюю крепость, необходимую для сдвига точки сборки во сне. Дон Хуан подчеркнул, что крепость, о которой он говорит, — это не одно только убеждение: никто не может иметь более крепких убеждений, чем видящие, однако они были слабы в самой своей сердцевине. Внутренняя крепость означает чувство уравновешенности, почти безразличия, чувство удобства, но самое главное — естественную и глубокую склонность к исследованию, к пониманию. Все эти черты характера новые видящие называют трезвостью.

— Убеждение, которое разделяют новые видящие, состоит в том, — продолжал он. — что безупречная жизнь сама по себе неизбежно ведет к чувству трезвости, а это приводит к движению точки сборки. Я сказал, что новые видящие полагают, что точку сборки можно сдвигать изнутри. Они сделали еще один шаг и пришли к выводу, что безукоризненные люди не нуждаются в том, чтобы их кто-то вел: они могут, сберегая энергию, сами по себе делать все, что делают видящие. Единственное, в чем они нуждаются, так это минимальное везение в том, чтобы осознать возможности, которые открыты видящим.

Я сказал, что мы вернулись к тому же положению, в котором я был в своем нормальном состоянии сознания: я все еще был убежден, что безукоризненность или сохранение

энергии — это нечто настолько неопределенное, что может быть интерпретировано любым, самым причудливым образом.

Я хотел сказать больше, чтобы развить свои аргументы, но мной овладело странное чувство: это было реальное физическое ощущение, что я продираюсь через что-то, а затем я отбросил свои аргументы. Я знал совершенно уже безо всякого сомнения, что дон Хуан прав: все, что необходимо — это безукоризненная энергия, а это начинается с единого действия, которое должно быть преднамеренным, точным и устойчивым. Если это действие продолжается достаточно долго, ты обретаешь чувство несгибаемого намерения, которое можно приложить к чему-то еще. Когда это выполнено, путь свободен. Одно ведет к другому, пока воин не осознает всех своих возможностей.

Когда я сказал дону Хуану о том, что осознал, он явно восторженно засмеялся и воскликнул, что это посланный свыше пример крепости, о которой он говорит. Он объяснил, что моя точка сборки сдвинулась и что ее сдвинула трезвость в положение, укрепляющее понимание. Она могла, как это не раз бывало раньше, капризно сдвинуться в положение, которое только подкрепляет самодовольство.

— Давай поговорим теперь относительно тела сновидения, — продолжал он. — древние видящие все свои усилия сосредоточили на исследовании тела сновидения, и они преуспели в его использовании, как более практичного, что приводит к желанию выразить это, сказав, что они претворяли себя все более странным образом.

Дон Хуан утверждал, что среди новых видящих общеизвестно, что толпы древних колдунов никогда не вернулись обратно после пробуждения в сновиденческой позиции, отвечающей их вкусам. Он сказал, что есть вероятность, что все они умерли в этих невысказанных мирах или же все еще живы и сегодня, и кто знает, в какой искаженной форме или образе.

Он остановился, посмотрел на меня и захохотал.

— Ты умираешь от любопытства узнать у меня, что древние видящие делали со своим телом сновидения, не так ли? — спросил он и заставил меня движением подбородка задать этот вопрос.

Дон Хуан заявил, что Хенаро, будучи неоспоримым мастером сознания, показывал мне тело сновидения множество раз, пока я был в состоянии обычного сознания. Результатом его демонстрации был сдвиг моей точки сборки и не из позиции повышенного сознания, а из нормального ее положения.

Затем дон Хуан сказал мне, как бы доверяя некий секрет, что Хенаро ждет нас на полях вблизи дома, чтобы показать мне свое тело сновидения. Он повторял снова и снова, что теперь я в отличном состоянии сознания, чтобы видеть и понять, что в действительности представляет собой тело сновидения. Затем он заставил меня подняться, и мы прошли через центральную комнату, чтобы выйти наружу. Когда я уже собирался отворить дверь, я заметил, что кто-то лежит на кипе спальных матрацев, которые использовались учениками в качестве кроватей.

Я подумал, что это один из его учеников вернулся домой, должно быть, пока дон Хуан и я разговаривали на кухне. Я подошел к нему, и тогда понял, что это Хенаро. Он глубоко спал, мирно посапывая и лежа лицом вниз.

— Разбуди его, — сказал мне дон Хуан. — мы должны идти, а он, наверное, смертельно устал.

Я мягко потряс Хенаро. Он медленно повернулся, издавая звуки человека, просыпающегося от глубокого сна. Он вытянул руки, а затем открыл глаза. Я невольно вскрикнул и отпрянул: глаза Хенаро вовсе не были человеческими глазами — это были две точки интенсивного янтарного света. толчок страха был таким сильным, что у меня закружилась голова. Дон Хуан похлопал меня по спине и восстановил равновесие.

Хенаро встал и улыбнулся мне. Черты его лица были жесткими. Двигался он так, как если бы был пьян или физически нездоров. Он прошел мимо меня и направился прямо к стене. Я ожидал неизбежного удара, однако он прошел сквозь стену, как будто ее там вовсе не было. Он вернулся в комнату через кухонную дверь, а затем — на что я смотрел с истинным ужасом — Хенаро пошел по стенам, причем его тело было параллельно земле, и по потолку, ногами вверх.

Я упал на спину, следя за его движениями. Из этого положения я не видел его больше: вместо этого я смотрел на пузырь света, который двигался по потолку надо мной и по стенам, обегая комнату. Казалось, кто-то освещал гигантским фонариком потолок и стены. Луч света, наконец, погас — он исчез из виду, уйдя через стену.

Дон Хуан заметил, что мой животный страх всегда безмерен, и что я должен бороться, чтобы контролировать его, но что в этот раз, во всяком случае, я вел себя очень хорошо. Я

увидел тело сновидения Хенаро таким, каково оно есть на самом деле — в виде пузыря света.

Я спросил его, откуда он знает, что я видел это. Он ответил, что видел, как моя точка сборки сдвинулась в нормальное положение, чтобы компенсировать страх, а затем ушла глубже влево, за пределы, где уже нет никаких сомнений.

— В этой ее позиции можно видеть только одно, — продолжал он. — пузыри энергии. Но от положения повышенного сознания до этой другой точки, расположенной глубже слева, очень недалеко. Реальным подвигом является сдвинуть точку сборки из ее нормального положения в то, когда уже нет никаких сомнений.

Он добавил, что у нас по-прежнему назначена встреча с телом сновидения Хенаро в полях у дома, когда я буду в нормальном состоянии сознания.

Когда мы вернулись в дом Сильвио Мануэля, дон Хуан сказал, что обращение Хенаро с телом сновидения — это очень мало по сравнению с тем, что делали с ним древние видящие.

— Ты увидишь это вскоре сам, — сказал он угрожающим тоном, а затем рассмеялся.

Я расспрашивал его об этом с нарастающим чувством страха, но у него это вызвало только новые приступы смеха. Наконец он успокоился и сказал, что собирается поговорить о пути, каким новые видящие дошли до тела сновидения, и о его использовании ими.

— Древние видящие гнались за совершенной копией тела, — продолжал он. — и почти преуспели в этом. Единственное, что им не удалось скопировать, так это глаза: вместо глаз у тела сновидения только свет сознания. Ты никогда не осознавал этого раньше, когда Хенаро показывал тебе свое тело сновидения.

Новые видящие не могли больше заботиться о точной копии тела. Они, собственно, даже и не интересовались вовсе такой копией, однако они сохранили все же название «тело сновидения» для обозначения чувства того источника энергии, который переносится путем движения точки сборки в любое место этого мира или в любое место семи миров, доступных человеку.

Затем дон Хуан описал процедуру достижения тела сновидения. Он сказал, что оно начинается с первоначального акта, который, будучи поддержан, порождает несгибаемое намерение. Несгибаемое намерение ведет к внутреннему безмолвию, а внутреннее безмолвие — к внутренней крепости, необходимой для сдвига точки сборки в снах в подходящее положение.

Он назвал эту последовательность фундаментом. Развитие контроля наступает после завершения фундамента: оно состоит из систематического поддержания позиции сновидения путем собачьего слежения за видением сна. Устойчивая практика ведет к большой легкости удержания позиции сновидения на новых снах, и не столько потому, что, практикуясь, ты приобретаешь преднамеренный контроль, но потому, что всегда, когда такой контроль проявляется, усиливается внутренняя крепость. А усиленная крепость, в свою очередь, заставляет точку сборки сдвинуться в позицию сновидения, что все более и более способствует укреплению трезвости. Другими словами, сами сны становятся все более и более управляемыми, даже заказываемыми.

— Развитие сновидца идет косвенно, — продолжал он. — вот почему новые видящие полагают, что мы можем заниматься сновидением сами, без посторонней помощи. Поскольку в сновидении используется естественный, встроенный сдвиг точки сборки, мы ни в ком не нуждаемся для помощи.

То, что особенно нужно, это трезвость, и никто не может нам дать ее или помочь нам приобрести ее, кроме самих себя, а без этого сдвиг точки сборки остается хаотическим, как хаотичны наши обычные сны.

— Итак, в конце концов, методика достижения тела сновидения состоит в безупречности в повседневной жизни.

Дон Хуан объяснил, что когда обретена трезвость, и позиция сновидения стала неизмеримо крепче, тогда следующим шагом является пробуждение в любой из позиций сновидения. Он заметил, что этот маневр, хотя все звучит просто, в действительности очень сложное дело — настолько сложное, что требует присутствия не только трезвости, но и всех атрибутов воинственности, особенно намерения.

Я спросил его, как намерение помогает видящим пробудиться в позиции сновидения. Он ответил, что намерение, являясь самым сложным управлением силы настройки, является тем, что поддерживает — через трезвость сновидца — настройку тех эманаций, которые были освещены движением точки сборки.

Дон Хуан сказал, что имеется еще одна ужасная ловушка сновидения — сама крепость тела сновидения. Например, в теле сновидения очень легко можно смотреть на эманации Орла непрерывно длительное время, но так же легко, в конце концов, оно может быть

поглощено ими. Видящие, созерцающие эманации Орла, разделяются на тех, кто созерцает без отмирания тела сновидения, и тех, чье тело сновидения сгорает от внутреннего огня. Новые видящие решили эту проблему путем видения целой группой: пока один созерцает эманации, другие стоят около, готовые прекратить видение.

— Как это новые видящие видят группой? — спросил я.

— Они сновидят вместе, — сказал он. — как ты сам знаешь, вполне возможно группе видящих активизировать те же самые неиспользованные эманации. И в этом случае нет известных шагов — это просто случается: нет методики, которой можно следовать.

Он добавил, что при совместном сновидении что-то в нас берет руководство, и неожиданно мы обнаруживаем себя разделяющими с другими тот же образ. Происходит то, что наши человеческие условия заставляют нас автоматически фокусировать свет сознания на тех же эманациях, которые используются и другими: мы приспособляем положение нашей точки сборки так, чтобы сойтись с окружающими. Мы делаем это на своей правой стороне, при обычном восприятии, а также делаем это и слева, это и слева, при совместном сновидении.

11. НАГВАЛЬ ХУЛИАН

В доме стояло странное оживление. Все видящие партии дон Хуана казались взволнованными и были почти рассеянны. Такого я никогда здесь не видел. Их обычно высокий уровень энергии, казалось, еще возрос. Я насторожился и спросил дон Хуана о причине этого. Он повел меня на задний дворик. Некоторое время мы шли в молчании, затем он сказал, что приближается время их исхода, он спешит со своими объяснениями, чтобы успеть вовремя.

— Откуда ты знаешь, что вы близки к исходу? — спросил я.

— Это внутреннее знание, — ответил он. — ты узнаешь это сам когда-нибудь. Понимаешь, нагваль Хулиан заставлял сдвигаться мою точку сборки бесчисленное число раз так же, как я делаю это с тобой. Затем он оставил мне задачу перенастройки тех эманаций, которые он помог мне настроить с помощью этих сдвигов. Такого рода задача оставляется в наследство каждому нагвалю.

Во всяком случае, задача перенастройки всех этих эманаций пролагает дорогу особому маневру воспламенения всех этих эманаций внутри кокона. Я почти сделал это. Я нахожусь на пороге своего максимума, а поскольку я нагваль, и мне удалось зажечь все эти эманации внутри кокона, мы можем уйти в любое мгновение.

Я почувствовал, что должен опечалиться и плакать, но что-то во мне настолько возрадовалось, услышав, что нагваль Хуан Матус близок к своему состоянию освобождения, что я подпрыгнул и закричал в полном восторге. Я знал, что рано или поздно войду в другое состояние сознания и буду плакать от печали, но в этот день я был наполнен счастьем и оптимизмом.

Я рассказал дону Хуану о своих чувствах. Он засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Вспомни, что я говорил уже тебе, — сказал он. — не надейся на эмоциональное осознание. Позволь своей точке сборки сдвинуться, и тогда, уже годы спустя, у тебя будет осознание.

Мы прошли в большую комнату и сели для разговора. Дон Хуан колебался некоторое время, затем он выглянул в окно. Со своего кресла я мог видеть дворик. Был ранний вечер, облачный день. Казалось, что пойдет дождь: кучевые облака надвигались с запада. Я любил облачные дни, дон Хуан их не любил. Он некоторое время поерзал, пытаюсь найти более удобное положение.

Он начал свои объяснения с рассуждения о том, что трудность воспоминания всего того, что происходило в состоянии повышенного сознания, возникает из-за множественности позиций, которые принимает точка сборки после того, как выйдет из своего нормального положения. С другой стороны, легкость припоминания всего, что происходит в нормальном состоянии сознания, объясняется тем, что точка сборки находится неподвижно на одном месте, где она обычно укреплена.

Он сказал мне, что свяжется со мной. Он предложил, чтобы я принял трудность воспоминания и признал, что мне, быть может, не удастся выполнить мою задачу никогда и что никогда я не буду способен настроить все те эманации, которые он помог мне настроить.

— Думай об этом именно так, — сказал он, улыбаясь. — возможно, ты никогда не сможешь вспомнить даже этого нашего разговора, который в данный момент кажется тебе таким обычным, таким естественным.

В этом действительно заключается тайна сознания. Люди окружены тайной, — мы окружены темнотой, необъяснимыми вещами. Смотреть на себя по-другому было бы

безумием, поэтому не преуменьшай тайны человека внутри себя самого с помощью чувства самосожаления или пытаясь рационализировать ее. Пытайся приуменьшить глупость человека в себе путем понимания этой глупости, но не оправдывай себя ни тем, ни другим — и то, и другое необходимо.

Один из величайших маневров следопыта состоит в том, чтобы закопать тайну против глупости в каждом из нас.

Он объяснил, что методы следопыта — это не что-то, чем можно наслаждаться: фактически они могут вызвать массу возражений. Зная это, новые видящие осознали, что было бы против общих интересов обсуждать или практиковать принципы следопыта в нормальном состоянии сознания.

Я обратил его внимание на противоречие: он сказал, что для воинов нет способа действовать в мире, если они находятся в состоянии повышенного сознания, и он сказал также, что искусство следопыта — это просто особое поведение по отношению к людям. Так что эти два утверждения противоречат друг другу.

— Под выражением «не обучать в нормальном состоянии сознания» я подразумевал обучение только по отношению к нагвалю, — сказал он. — цели искусства следопыта двойственны. Первая — это сдвинуть точку сборки последовательно и безопасно, насколько возможно, и ничто не может выполнить эту задачу так хорошо, как искусство следопыта. И вторая — запечатлеть эти принципы на таком глубоком уровне, чтобы обойти человеческую опись — перечисление, которая является естественной реакцией отрицания и осуждения того, что кажется оскорбительным рассудку.

Я сказал ему, что искренне сомневаюсь, что буду осуждать что-либо, подобное этому, или отказываться от него. Он засмеялся и сказал, что я не являюсь исключением и что я буду реагировать так же, как и всякий другой, когда услышу о деяниях мастера-следопыта, такого, каким был его благодетель, нагваль Хулиан.

Я не преувеличивал, когда сказал тебе, что нагваль Хулиан был чрезвычайным следопытом из всех, кого я когда-либо встречал, — сказал дон Хуан. — ты уже слышал о его мастерстве следопыта от кого-нибудь, но я никогда не говорил тебе о том, что он делал со мной.

Я хотел разъяснить ему, что не слышал никогда ни от кого относительно нагваля Хулиана, но как раз перед тем, как я хотел выразить свой протест словами, мной овладело странное чувство неуверенности. Казалось, что дон Хуан мгновенно понял, что со мной. Он почмокал восторженно.

— Ты не можешь вспомнить, поскольку для тебя еще недоступна воля, — сказал он. — ты нуждаешься в целой жизни безупречности и в большом запасе энергии, и тогда воля может освободить все эти воспоминания.

Я собираюсь рассказать тебе историю того, как нагваль Хулиан вел себя со мной, когда мы впервые встретились. Если ты осудишь его и найдешь его поведение недостойным, хотя сейчас ты в состоянии повышенного сознания, то подумай о том, как бы ты взбунтовался, если бы находился в состоянии нормального сознания.

Я запротестовал и сказал, что он настраивает меня. Он заверил меня, что все, чего он хочет добиться своими рассказами, это лишь проиллюстрировать способ, каким следопыты действуют и пояснить причины этих действий.

— Нагваль Хулиан был последним из древних следопытов, — сказал он. — он был следопытом не столько из-за обстоятельств своей жизни, сколько по склонности своего характера.

Дон Хуан объяснил, что новые видящие видят в людях две главные человеческие группы: тех, кто заботится о других, и тех, кто не заботится. Между этими двумя предельными случаями они видят бесконечное смешение этих двух типов. Нагваль Хулиан принадлежал к категории тех, кто не заботится о других. Себя дон Хуан отнес к противоположной категории.

— Но разве ты не говорил мне, что нагваль Хулиан был щедрым, и что он мог отдать последнюю рубашку? — спросил я.

— Конечно, мог, — ответил дон Хуан. — о, он был не только щедрым, он был предельно очаровательным, неподражаемым. Он всегда глубоко и искренне интересовался каждым окружающим. Он был добрым и открытым и отдавал все, что имел, каждому, кто в этом нуждался, или всякому, кого он полюбит. В свою очередь его любили все, поскольку, будучи мастером искусства следопыта, он сумел сообщить им свои истинные чувства, что он не дает за любого из них и ломаного гроша.

Я не сказал ничего, но дон Хуан понял все мое чувство недоверия и даже отчаяния от того, что он говорит. Он почмокал губами и покачал головой из стороны в сторону.

— Да, это искусство следопыта, — сказал он. — видишь, я даже еще не начал своего рассказа о нагвале Хулиане, а ты уже расстроился.

Он разразился хохотом, когда я попытался объяснить ему мои чувства.

— Нагваль Хулиан ни о ком не заботился, — продолжал он. — вот почему он мог помочь людям, и он им помогал. Он отдавал им свою последнюю рубашку, поскольку ему от них ничего не было нужно.

— Не хочешь ли ты сказать этим, дон Хуан, что только тот может действительно помочь своим собратам, кому наплевать на них? — сказал я раздраженно.

— Именно так говорят следопыты, — сказал он с лучезарной улыбкой, — нагваль Хулиан, например, был сказочным целителем. Он помог тысячам людей, но никогда не признавал этого. Он позволял людям думать, что женщина-видающая из его партии исцеляет их.

Представь себе, если бы он был человеком, который беспокоится о своих собратах-людях, он потребовал бы признания. Тот, кто беспокоится о других, беспокоится о себе и требует признания, если он достоин его.

Дон Хуан сказал, что, поскольку он принадлежит к категории тех, кто беспокоится о своих собратах-людях, то он никогда никому не помог. Он чувствует ужас перед щедростью. Он даже не может подумать о том, что его могут любить, как любили нагваль Хулиан, и он почувствовал бы себя глупо, отдавая кому-то свою последнюю рубашку.

— Я настолько забочусь о своих собратах-людях, — продолжал он. — что ничего не делаю для них. Я просто не знаю, что я мог бы сделать. У меня всегда было терзающее чувство, что я налагаю на них свою волю своими подарками.

Естественно, я преодолел это чувство путем воина. Любой воин может успешно действовать с людьми, как и нагваль Хулиан, при условии, что он сдвинет свою точку сборки в положение, когда уже безразлично, любят его люди, не любят или игнорируют: но это не одно и то же.

Дон Хуан сказал, что, когда он впервые осознал принципы следопыта, как это происходит теперь со мной, он был расстроен так, как никогда раньше. Нагваль Элиас, который был очень похож на дону Хуана, объяснил ему, что следопыты, подобные нагвалю Хулиану — это естественные лидеры людей. Они могут помочь людям, не делая ничего.

— Нагваль Элиас сказал, что эти воины могут помочь людям вылечиться или могут помочь им стать больными. Они могут помочь им найти счастье или могут помочь им найти горе. Я тогда сказал нагвалю Элиасу, что вместо того, чтобы говорить, что эти воины помогают людям, следовало бы сказать, что они воздействуют на людей. Он ответил, что они не просто воздействуют на людей, но действительно собирают их вокруг себя толпами.

Дон Хуан почмокал и посмотрел на меня пристально. В его глазах бегали лукавые искорки.

— Странно, не правда ли, — спросил он. — то, как следопыты используют свое видение людей?

Затем дон Хуан начал свой рассказ о нагвале Хулиане. Он сказал, что нагваль Хулиан потратил много, много лет в ожидании ученика-нагваля. Он наткнулся на дону Хуана однажды по пути домой после короткого визита к знакомым в близлежащей деревне. Он, собственно, думал об ученикенагвале, когда вышел на дорогу и услышал громкий выстрел и увидел разбегавшихся во все стороны людей. Он побежал вместе с ними в придорожные кусты и вышел из своего укрытия только тогда, когда увидел группу людей, собравшихся вокруг какого-то раненого, лежащего на земле.

Раненый был, конечно, дон Хуан, в которого выстрелил тиранический надсмотрщик. Мгновенно нагваль Хулиан увидел, что дон Хуан является особым человеком, чей кокон разделен на четыре секции, а не на две. Он осознал также, что дон Хуан ранен тяжело. Он понимал, что у него нет времени для того, чтобы мешкать: его желание исполнилось, но он должен действовать быстро, прежде чем кто-нибудь поймет, что происходит. Он поднял голову и закричал «они убили моего сына!»

Он путешествовал с одной из видящих своей партии, рослой индианкой, которая публично всегда представлялась, как его невыносимо сварливая жена. Они были прекрасной командой следопытов. Он кивнул женщине-видящей, и она тоже стала плакать и завывать о сыне, который лежит без сознания и истекает кровью. Нагваль Хулиан попросил зевак не вызывать властей, а лучше помочь ему отнести его сына в его дом в городе, который находится в отдалении. Он предложил деньги некоторым сильным молодым людям, если они отнесут его раненого умирающего сына.

Люди отнесли дону Хуана к дому нагваля Хулиана. Нагваль был очень щедр с ними и предложил им крупное вознаграждение, но люди были так тронуты горем этой пары,

которая плакала всю дорогу до дома, что они отказались принять деньги. Однако нагваль Хулиан настоял, чтобы они взяли деньги для того, чтобы обеспечить удачу его сыну.

В течение нескольких дней дон Хуан и вправду не знал, что и думать о доброй паре супругов, которая приняла его в свой дом. Он сказал, что нагваль Хулиан показался ему едва живым старцем. Он не был индейцем, но был женат на молодой гневливой толстой индианке, которая физически была так же сильна, как и сварлива по характеру. Дон Хуан думал, что именно она является целительницей, судя по тому, как она обрабатывала его рану, а также по количеству лекарственных растений, запасенных в комнате, где его положили.

Жена доминировала над стариком и заставляла его ежедневно заниматься раной дона Хуана. Они сделали постель для дона Хуана на толстом матрасе, положенном на пол, и старик испытывал ужасные трудности, наклоняясь к нему. Дону Хуану приходилось бороться с собой, чтобы не засмеяться над комическим зрелищем хрупкого старца, пытающегося стать на колени. Дон Хуан сказал, что когда старик промывал его рану, то бормотал что-то бессвязное, взгляд его блуждал, руки дрожали, а тело тряслось с головы до пят.

Когда он опускался на колени, то никогда не мог подняться сам: ему приходилось звать жену, выкрикивая это сиплым голосом с нотками сдержанного раздражения, а когда жена входила в комнату, они вступали в ужасную перебранку. Часто она выходила, вынуждая старика подниматься самостоятельно.

Дон Хуан заверил меня, что никогда не чувствовал такого сострадания к кому-либо, как к бедному доброму старцу. Много раз он пытался подняться и помочь ему, но едва мог двинуться. Однажды старик потратил почти полчаса, проклиная и ругаясь, отдуваясь и ползая, как улитка, чтобы, наконец, добраться до двери, где он с трудом поднялся в стоячее положение.

Он объяснил дону Хуану, что его плохое здоровье связано с преклонным возрастом, сломанными костями, которые не починили как следует, и ревматизмом. Дон Хуан сказал, что старик поднял глаза к небу и сообщил ему, что он самый несчастный человек на земле: он пришел к целительнице за помощью, но все кончилось тем, что он женился на ней и стал рабом.

— Я спросил старика, почему же он не уйдет, — продолжал дон Хуан. — глаза старика расширились от ужаса, он захлебнулся собственной слюной, пытаясь остановить меня, а затем грохнулся, как бревно, на пол рядом с моей кроватью, пытаясь добиться, чтобы я замолчал. «Ты не понимаешь, что говоришь. Никто не может убежать из этого места», — повторял старик с диким выражением глаз.

— Я поверил ему. Я был убежден, что он еще более жалок, еще более несчастен, чем я. С каждым днем я чувствовал себя в этом доме все более и более крепко. Женщине приходилось готовить много пищи и лечить людей, и она всегда отсутствовала, так что я оставался наедине со стариком. Мы много говорили о моей жизни. Мне нравилось говорить с ним. Я сказал, что у меня нет денег, чтобы оплатить ему его доброту, но что я сделаю все, чтобы помочь ему. Он сказал, что не нуждается в помощи и что готов умереть, но если я действительно думаю то, что сказал, то он оценит это, если я женюсь на его жене после его смерти.

Тогда я понял, что старик рехнулся, а также то, что должен бежать отсюда как можно быстрее.

Дон Хуан считал, что когда он почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы ходить без посторонней помощи, его благодетель дал ему охлаждающую демонстрацию своей способности следопыта. Без всякого предупреждения или предисловия, он поместил дона Хуана лицом к лицу с неорганическим существом. Чувствуя, что дон Хуан планирует бегство, он воспользовался возможностью перепугать его с помощью своего олли, который каким-то образом походил на чудовищного человека.

— Вид этого человека довел меня почти до безумия, — продолжал дон Хуан. — я не мог поверить своим глазам, и все же чудовище стояло рядом со мной, а хрупкий старик стоял рядом, умоляя и упрашивая чудовище пощадить его жизнь.

Видишь ли, мой благодетель был очень похож на древних видящих: он умел выделять страх по частям во времени, и олли реагировал на это. Я этого не знал. Все, что я видел своими глазами, было чудовищное существо, надвигающееся на нас, готовое растерзать нас на части, член за членом.

В тот момент, когда оно бросилось на нас, шипя, как змея, я потерял сознание. Когда я пришел в себя, старик сказал мне, что он заключил сделку с этим существом. Он объяснил дону Хуану, что этот человек согласился оставить обоих в живых при условии, что дон Хуан будет ему служить. Дон Хуан спросил с опаской, что подразумевается под этой

службой. Старик ответил, что это будет рабство, но указал при этом, что жизнь дон Хуана почти оборвалась несколько дней назад, когда его ранили, и если бы он и его жена не подоспели вовремя, чтобы остановить кровотечение, дон Хуан, безусловно, умер бы, так что действительно разговаривать не стоит, незачем и не о чем. Чудовищный человек знает, что он в бутылке. Старик советовал дону Хуану оставить свои колебания и принять предложение, поскольку, если он откажется, то чудовищный человек, который слушает за дверью, ворвется и убьет их обоих на месте, чтобы покончить со всем этим.

У меня были достаточно крепкие нервы, чтобы спросить немощного старца, который дрожал, словно лист, как этот человек собирается убить нас, — продолжал дон Хуан. — он сказал, что чудовище планирует переломать нам все кости, начиная с ног, пока мы будем кричать в невыразимой агонии, и что может продлиться даже пять дней.

Я тут же принял условия этого человека. Старик со слезами на глазах поздравил меня и сказал, что эта сделка, в общем, не так уж плоха: мы будем больше походить на заключенных, чем на рабов чудовищного человека. Нас будут кормить, по крайней мере дважды в день, и поскольку мы остались живы, мы можем создавать планы, работая для своего освобождения, и бороться за свободу.

Дон Хуан улыбнулся, а затем разразился смехом. Он знал заранее, как я буду реагировать на поведение нагваля Хулиана.

— Я же говорил тебе, что ты расстроишься, — сказал он.

— Я действительно не понимаю, дон Хуан, в чем смысл всего этого усложненного маскарада?

— Смысл очень прост, — сказал он, все еще улыбаясь. — это другой метод обучения, и очень хороший. Он требует изобретательного воображения и ужасного контроля со стороны учителя. Мой метод ближе к тому, что ты считаешь обучением. Он требует огромного количества слов. Мне приходится доходить до предела словесной понятливости, а нагваль Хулиан доходил до пределов искусства следопыта.

Дон Хуан сказал, что есть два метода обучения среди видящих, и он знаком с обоими. Он предпочитает тот, в котором требуется объяснение всего и предварительное знание того, что будет дальше. Эта система подкрепляет свободу, выбор, понимание. Метод его благодетеля, с другой стороны, был более принудительным, и не позволял ни выбора, ни понимания, но его великое преимущество в том, что он заставляет воина пережить концепции видящих непосредственно, без всякого промежуточного выяснения.

Дон Хуан объяснил, что все, что его благодетель сделал для него, было шедевром стратегии. Каждое из слов нагваля Хулиана или его действий было преднамеренно избрано для того, чтобы создать особенное воздействие. Его искусство состояло в том, чтобы снабдить слова и действия наиболее подходящим содержанием, так, чтобы они оказали необходимое воздействие.

— В этом метод следопыта, — продолжал дон Хуан. — он укрепляет не понимание, а полное осознание. Например, мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять то, что он сделал для меня, поставив лицом к лицу с олли, хотя я осознал все это безо всякого объяснения, когда пережил этот опыт.

Я говорил тебе, что Хенаро, например, не понимает того, что он делает, но его осознание того, что он делает, так остро, насколько это вообще возможно. И все это потому, что его точка сборки сдвинута методом следопыта.

Он сказал, что если точка сборки насильственно выведена из своего положения методом объяснения всего, как в моем случае, то всегда есть потребность в ком-то, чтобы не только помочь в действительном изменении положения точки сборки, но и в необходимости объяснения того, что происходит. Но когда точка сборки смещается методами следопыта, как в его собственном случае или случае Хенаро, то есть необходимость только в начальном каталитическом акте, который выталкивает точку сборки из ее убежища.

Дон Хуан сказал, что когда нагваль Хулиан заставил его встретиться лицом к лицу с чудовищно выглядевшим олли, его точка сборки сдвинулась под воздействием страха. Такой сильный испуг, как этот, обусловленный столкновением, в сочетании с его физической слабостью, был идеальной ситуацией для того, чтобы вывести точку сборки из своего положения.

Чтобы компенсировать вредные воздействия испуга, его действие должно быть ослаблено, но не уменьшено. Объяснение того, что случается, уменьшает страх, но то, чего хотел нагваль Хулиан — это пользоваться этим первоначальным каталитическим испугом так часто, как ему потребуется. Однако он хотел также добиться смягчения его разрушительного воздействия — и в этом причина его маскарада. Чем более содержательной и драматической была рассказанная им история, тем более смягчающее

воздействие она имела. Если он сам, казалось, находился в том же положении, как и дон Хуан, испуг не мог быть таким же интенсивным, как если бы дон Хуан был один.

— С его склонностью к драматизации, — продолжал дон Хуан. — мой благодетель сумел сдвинуть мою точку сборки достаточно для того, чтобы наполнить меня сразу же двумя всеохватывающими чувствами основных качеств воина: непрерывным усилием и несгибаемым намерением. Я знал, что для того, чтобы освободиться однажды, я должен работать упорядоченным и устойчивым образом и в сотрудничестве со старцем, который, по моему мнению, нуждался в моей помощи настолько же, насколько я в его. Я знал без тени сомнения, что это то, чего я хочу больше всего в своей жизни.

Мне не пришлось говорить с доном Хуаном в течение двух дней. Мы были в Оаксаке, гуляли по главной площади ранним утром. Дети проходили в школу, люди шли в церковь, несколько человек сидели на скамейках, а водители такси ожидали туристов у главного отеля.

— Само собой разумеется, что наиболее трудной вещью на пути воина является задача заставить сдвинуться точку сборки, — сказал дон Хуан. — это движение будет завершением поиска воина. Далее идет другой поиск — это, собственно, поиск видящего.

Он повторил, что на пути воина сдвиг точки сборки — это все. Древние видящие совершенно не были способны осознать эту истину. Они думали, что движение этой точки — только индикатор, который определяет их положение на шкале достоинства. Они никогда не задумывались над тем, что само это положение определяет то, что они воспринимают.

— Метод следопыта, — продолжал дон Хуан, — в руках мастера-следопыта, каким был нагваль Хулиан, обеспечивает удивительный необходимый сдвиг точки сборки. Это очень прочное изменение. Понимаешь ли, когда мастер-следопыт таким образом поддерживает своего ученика, он получает полное сотрудничество и полное участие. Это полное сотрудничество и полное соучастие достигается методом следопыта, и нагваль Хулиан был лучшим в достижении и того, и другого.

Дон Хуан сказал, что невозможно описать то замешательство, через которое он прошел, когда постепенно стал узнавать о богатстве и сложности личности нагваля Хулиана и о его жизни. Пока дон Хуан встречался с запуганным старцем, казавшимся беспомощным, он чувствовал себя легко и удобно. Но однажды, вскоре после той сделки, о которой дон Хуан думал, что она совершилась с человекообразным чудовищем, его удобства рассыпались, когда нагваль Хулиан продемонстрировал ему другую часть своего мастерства следопыта.

К тому времени дон Хуан был уже почти здоров, а нагваль Хулиан по-прежнему спал в его комнате, чтобы ухаживать за ним. Когда он проснулся в тот день, он заявил дону Хуану, что их захватчик ушел на пару дней, а это означает, что он может уже не действовать, как старик. Он сообщил дону Хуану, что только притворился, будто стар, для того, чтобы одурачить человека-чудовище.

Не дав дону Хуану времени, чтобы опомниться, он вскочил на своем матрасе с невыразимой резвостью. Он наклонился, погрузил голову в котел с водой и подержал ее там некоторое время. Когда он выпрямился, его волосы были черные, как смоль. Седые волосы смылись, и перед доном Хуаном стоял человек, которого он не видел никогда прежде: ему было около тридцати лет. Он поигрывал своими мускулами, глубоко дыша и распрямляя каждую часть своего тела так, как если бы долгое время находился в смиренной рубашке.

— Когда я увидел нагваля Хулиана в виде молодого человека, я подумал, что он сам дьявол, — сказал дон Хуан. — я закрыл глаза и понял, что мой конец близок. Нагваль Хулиан смеялся до слез.

Дон Хуан сказал, что нагваль Хулиан помог ему, сдвигая его в правостороннее и левостороннее сознание.

— В течение двух дней молодой человек гоголем ходил вокруг дома, — продолжал дон Хуан. — он рассказывал мне истории из собственной жизни и шутил, так что я катался от смеха по полу комнаты, но что было еще более поразительно, так это изменение с его женой: она вдруг стала тонкой и прекрасной. Я думал, что это совершенно другая женщина, настолько полным было ее изменение и красота. Молодой человек сказал, что когда их захватчик отсутствует, она в действительности совсем другая женщина.

Дон Хуан рассмеялся и сказал, что его дьявольский благодетель тогда говорил действительно правду: женщина на самом деле была другой видящей из партии нагваля.

Дон Хуан спросил молодого человека, зачем они притворяются тем, чем не являются. Молодой человек посмотрел на дону Хуана, его глаза наполнились слезами, и он сказал, что тайны мира действительно неизмеримы. Он и его юная жена захвачены необъяснимыми силами, и, чтобы защитить себя, им приходится притворяться. Причина, почему он ведет

себя как немощный старик, состоит в том, что их захватчик всегда подсматривает сквозь щели в двери. Он просил дону Хуана простить его за то, что ему пришлось его дурачить.

Дон Хуан спросил, кто же этот чудовищный человек. С глубоким вздохом молодой человек признался, что и сам он может лишь догадываться. Он сказал дону Хуану, что хотя он образованный человек, знаменитый актер из театра города мехико, но все же теряется в догадках. Все, что он знает, это следующее: он прибыл сюда для лечения от истощения, которым он страдал много лет. Он был при смерти, когда его родственники привезли его сюда для встречи с целительницей. Она помогла ему выздороветь, а он безумно влюбился в молодую индианку и женился на ней. Его планом было взять ее в столицу, чтобы там разбогатеть с помощью ее способности целительства.

До того, как они отправились в город мехико, она предупредила его, что они должны замаскировать себя, чтобы избежать колдуна. Она объяснила ему, что ее мать тоже целительница и была обучена целительству мастером-колдуном, который потребовал, чтобы она и ее дочь остались с ним на всю жизнь. Молодой человек сказал, что он не стал расспрашивать жену об их отношениях. Ему хотелось только освободить ее, так что он замаскировал себя под старика, а ее под толстуху.

Но эта история не кончилась счастливо: ужасный человек поймал их и держит в качестве заключенных. Они не осмеливаются снять свой маскарад перед лицом этого кошмарного человека и в его присутствии ведут себя так, как если бы они ненавидели друг друга, но в действительности между ними существует привязанность, но они могут любить друг друга только то короткое время, когда этот человек отсутствует.

Дон Хуан сказал, что молодой человек обнял его и сказал, что комната дона Хуана, где он спит, является единственным безопасным местом в доме. Не мог бы он выйти, чтобы последить, пока они будут заниматься любовью.

— Дом сотрясся от их страсти, — продолжал дон Хуан. — в то время, как я сидел под дверью, чувствуя себя виноватым в том, что слушаю, и запуганным до смерти от того, что тот человек может вернуться в любую минуту. И действительно, я услышал, как он приближается к дому. Я постучал в дверь и, не услышав ответа, вошел. Молодая женщина спала обнаженной, а молодого человека нигде не было видно. Я никогда не видел перед собой обнаженной красивой женщины. Я был еще очень слаб. Я слышал, как чудовищный человек рыскал снаружи. Мое замешательство и мой страх были так велики, что я упал без чувств.

История с деяниями нагваля Хулиана расстроила меня вконец. Я сказал дону Хуану, что совершенно не понимаю ценности мастерства слепопыта нагваля Хулиана. Дон Хуан слушал меня, не делая никаких замечаний, и позволил мне вновь и вновь возвращаться к тому же самому.

Когда мы, наконец, сели на скамейку, я чувствовал себя усталым. Я не знал, что сказать, когда он спросил меня, почему его отчет о методах обучения нагваля Хулиана так меня расстроил.

— Я не могу отделаться от чувства, что он шут, — сказал я, наконец.

— Но шутники не обучают никого преднамеренно с помощью своих шуток, — возразил дон Хуан. — нагваль Хулиан разыграл магическую драму, которая требовала смещения точки сборки.

— Он кажется мне очень себялюбивым, — настаивал я.

— Он кажется тебе таким, поскольку ты его судишь, — ответил дон Хуан. — ты моралист. Я сам прошел через все это. Если ты чувствуешь себя таким образом, слушая о действиях нагваля Хулиана, подумай о том, как я должен был чувствовать себя, живя в его доме столько лет. Я судил его, ненавидел его и завидовал ему — все в этой последовательности.

— Я также любил его, но моя ненависть была больше, чем любовь. Я завидовал его легкости, его таинственной способности быть молодым или старым по желанию. Я завидовал всей его атмосфере и больше всего его влиянию на тех, кто оказывался в его окружении. Я готов был лезть на стену, слушая, как он занимает людей интереснейшей беседой. У него всегда было, что сказать, у меня — никогда, и я всегда чувствовал себя некомпетентным и потерянным.

Откровения дона Хуана заставили меня почувствовать себя не в своей тарелке. Мне хотелось, чтобы он изменил предмет разговора, поскольку я не хотел слушать о том, что он был подобен мне. По моему мнению, он был действительно несравненным. Он, очевидно, знал, как я себя чувствую. Он рассмеялся и похлопал меня по спине.

— То, чего я хочу добиться своим рассказом о моей ненависти, это сказать тебе нечто чрезвычайно важное: что положение точки сборки диктует то, как мы ведем себя и что мы чувствуем.

Моим величайшим недостатком в то время было то, что я не понимал этого принципа. Я был незрелым и жил самодовольством, так же, как и ты, поскольку в этом месте находилась моя точка сборки. Видишь ли, я еще не знал, что путь для изменения положения точки сборки — это установление новых привычек, это волнение того, чтобы она сдвинулась. Когда она действительно сдвинулась, было так, как если бы я только что открыл, что единственный путь для общения с такими несравненными воинами, как мой благодетель — это отказаться от чувства собственной важности, чтобы быть способным приветствовать их беспристрастно.

Он сказал, что осознание бывает двух видов. Одно — это только словесное возбуждение, большой эмоциональный взрыв и ничего больше. Другое — это результат сдвига точки сборки: оно не связано с эмоциональным взрывом, но связано с действием. Эмоциональное сознание приходит годы спустя, после того, как воины укрепят путем использования новое положение точки сборки.

— Нагваль Хулиан непосредственно вел нас всех к этого рода сдвигу, — продолжал дон Хуан. — он получил от нас полное содействие и полное участие в его драматических построениях, выходящих за пределы жизни. Например, с помощью своего драматического рассказа о молодом человеке и его жене и их захватчике он получил мое нераздельное внимание и сочувствие. Для меня рассказ о старике, который был молодым, выглядел очень правдоподобно. Я своими глазами видел этого чудовищного человека, а это означало, что молодой человек получил мою неувядающую привязанность.

Дон Хуан сказал, что нагваль Хулиан был поистине маг, заклинатель, который мог действовать силой воли такой степени, что это совершенно непонятно среднему человеку. Его драматические построения включали магические характеры, порожденные силой намерения, такие, как неорганическое существо, которое могло принимать гротескные человеческие формы.

— Власть нагваля Хулиана была такой непогрешимой, — продолжал дон Хуан. — что он мог заставить точку сборки любого сдвинуться и настроить эманации таким образом, чтобы он был вынужден воспринимать все, чего захотел бы нагваль Хулиан. Например, он мог выглядеть очень старым, или очень молодым, в зависимости от того, чего он хотел добиться. И все, кто знал нагваля, сказали бы, что его возраст меняется. В течение тридцати двух лет, когда я знал его, он временами был не старше, чем ты сейчас, а в другое время он был таким безнадежно старым, что едва мог двигаться.

Дон Хуан сказал, что под руководством его благодетеля его точка сборки сдвигалась незаметно и все-таки глубоко. Например, однажды он осознал, что у него есть страх, который с одной стороны не имел для него никакого смысла, а с другой — все смыслы в мире.

— Мой страх был от того, что через свою глупость я не воспользуюсь возможностью освободить себя и повторю жизнь своего отца.

В жизни моего отца не было ничего плохого, уверяю тебя, он жил и умер не хуже и не лучше, чем большинство людей, но важно то, что моя точка сборки сдвинулась, и я осознал однажды, что жизнь моего отца и его смерть ничего не добавили — ни в его жизни, ни в жизни других.

Мой благодетель сказал мне, что мой отец и мать прожили и умерли только для того, чтобы иметь меня, и что их собственные родители сделали то же для них. Он сказал, что воины отличаются в том, что они сдвигают свою точку сборки достаточно для того, чтобы осознать ту огромную цену, которая была отдана за их жизни. Этот сдвиг дает им уважение и благоговейный ужас по отношению к их родителям, которые никогда не почувствовали жизни вообще, ни того чувства, что значит быть живым, в частности.

Дон Хуан сказал, что нагваль Хулиан не только преуспевал в руководстве своими учениками в сдвиге точки сборки, но и наслаждался этим необычайно, когда делал это.

— Он, конечно, чрезвычайно развлекал себя со мной, — продолжал дон Хуан. — когда другие видящие моей партии стали появляться годы спустя, я ожидал этих необычайных ситуаций, которые он создавал и развивал с каждым из них. Когда нагваль Хулиан оставил мир, восторг ушел вместе с ним и никогда не возвращался. Хенаро восторгает нас иногда, но никто не может занять места нагваля Хулиана. Его драматическое мастерство выходило, действительно, за пределы жизни. Уверяю тебя, что мы не понимали, что такое наслаждение, до тех пор, пока не увидели, что делает он, когда некоторые из его драматических представлений возвращались к нему же.

Дон Хуан поднялся со своей любимой скамейки. Он повернулся ко мне, его глаза сияли и были спокойны.

— Если ты действительно окажешься таким тупым, что не сможешь выполнить своей задачи, — сказал он. — у тебя должно быть все-таки достаточно энергии, чтобы сдвинуть

свою точку сборки для того, чтобы прийти на эту скамейку. Сядь здесь на мгновение, освободи себя от мыслей и желаний — и я попытаюсь прийти сюда, где бы я ни был, и собрать тебя. Я обещаю тебе, что попытаюсь.

Затем он расхохотался, как если бы его обещание было слишком смешным, чтобы быть правдоподобным.

— Эти слова следует произносить поздно вечером, — сказал он, все еще смеясь. — но никогда утром: утро наполняет нас оптимизмом, и такие слова утром не имеют смысла.

12. ТОЛЧОК ЗЕМЛИ

— Давай выйдем на дорогу к Оаксаке, — сказал мне дон Хуан. — где-то там нас дожидается Хенаро.

Его предложение застало меня врасплох. Я ждал его весь день для продолжения объяснений. Мы вышли из дома и пошли в молчании через город в направлении немощенной автодороги. Мы шли долго неспеша. Неожиданно дон Хуан начал беседу.

— Я рассказал тебе не все относительно великих находок, сделанных древними видящими, — сказал он. — так же, как они нашли, что органическая жизнь — это не единственная форма жизни на земле, они также открыли, что и сама земля — это живое существо.

Он помедлил немного перед тем, как продолжить. Он улыбнулся мне, как бы приглашая прокомментировать свое замечание. Я не знал, что сказать.

— Древние видящие видели, что у земли есть кокон, — продолжал он. — они видели, что шар охватывает землю: светящийся кокон, перехватывающий эманации Орла. Земля — это гигантское чувствующее существо, подверженное действию тех же сил, что и мы.

Он пояснил, что древние видящие, обнаружив это, сразу же заинтересовались практическим использованием своих знаний. Результатом явилось то, что наиболее развитая часть их колдовства была связана с землей. Они считали землю окончательным источником всего, чем мы являемся. Дон Хуан подтвердил, что древние видящие не ошибались в этом отношении, поскольку земля действительно наш последний источник.

Он не сказал больше ничего, пока мы не встретили Хенаро примерно через милю. Тот дожидался нас, сидя на камне в стороне от дороги. Он очень тепло приветствовал меня и сказал мне, что нам следует взобраться на вершину небольших пересеченных холмов, покрытых чахлой растительностью.

— Мы все трое сядем спиной к камню, — сказал мне дон Хуан. — и будем смотреть на отражение заката на восточных горах: когда солнце зайдет за западные пики, земля может позволить тебе увидеть настройку.

Когда мы достигли вершины холма, то сели, как сказал дон Хуан: прислонившись спиной к камню. Дон Хуан посадил меня посередине.

Я спросил его, что он планирует делать: его неясные утверждения и молчание содержали что-то угрожающее. Я чувствовал большое опасение, однако он не ответил мне: он продолжал говорить так, как если бы я ничего не сказал.

— Именно древние видящие, — сказал он. — открывшие, что это восприятие есть настройка, наткнулись на нечто монументальное. Досадно только, что их заблуждения опять удержали их от того, чтобы понять, что они совершили.

Он указал на цепь гор к востоку от небольшой долины, где был расположен городок.

— На этих горах достаточно отблеска, чтобы подтолкнуть твою точку сборки, — сказал он мне. — как раз перед тем, как солнце скроется за западные пики, у тебя будет достаточно мгновений, чтобы схватить весь отблеск, в котором ты нуждаешься: магическим ключом, который открывает дверь земли, является безмолвие плюс что-либо сияющее.

— Что точно я должен делать, дон Хуан? — спросил я.

Оба они изучающе смотрели на меня. Мне казалось, что я вижу в их глазах смесь любопытства и отвлеченности.

— Просто отсеки внутренний диалог, — сказал мне дон Хуан.

Но меня охватило интенсивное чувство тревоги и сомнения, — у меня не было уверенности, что я смогу добиться этого волевым усилием. После начального мгновения унылого отчаяния, я заставил себя просто расслабиться.

Я осмотрелся и заметил, что мы забрались довольно высоко, что позволяло мне видеть сверху длинную узкую долину. Более половины ее было погружено в вечерние тени. Солнце все еще светило на холмы восточной цепи гор по другую сторону долины. Солнечный свет придавал выветренным горам охристый оттенок, а более далекие пики голубоватых гор приобрели пурпурную окраску.

— Осознаешь ли ты, что уже делал это? — спросил дон Хуан шепотом.

Я ответил ему, что ничего не осознаю.

— Мы сидели здесь раньше по другому случаю, — настаивал он. — ну, да это неважно, потому что только этот случай идет в счет. Сегодня, с помощью Хенаро, ты собираешься найти ключ, который отворяет все. Ты пока не сможешь им пользоваться, но будешь знать, что он такое и где он. Видящие заплатили очень дорого, чтобы знать это. Ты сам платил за это все годы.

Он объяснил: то, что он называет ключом ко всему — это знание из первых рук о том, что земля является чувствующим существом, и, как таковое, может дать воину мощный толчок, импульс, идущий от сознания самой земли в то мгновение, когда эманации внутри кокона воина настраиваются на соответствующие эманации внутри кокона земли. Ну, а поскольку и земля, и человек — чувствующие существа, их эманации совпадают или, лучше сказать, у земли есть все эманации, присутствующие в человеке и во всех чувствующих существах — органических и неорганических. Когда приходит момент настройки, чувствующие существа используют эту настройку ограниченным образом и воспринимают свой мир, однако воины используют эту настройку либо для восприятия, как и все, либо как толчок, позволяющий им входить в невообразимые миры.

— Я ждал, пока ты задашь мне единственный осмысленный вопрос, но ты так и не задал его, — продолжал он. — ты обычно спрашивал, находится ли тайна всего этого в нас или же она вне нас. Теперь ты приблизился к разрешению этого.

Неведомое в действительности не лежит внутри кокона человека, хотя бы в эманациях, неприкосновенных для сознания, и все же оно здесь, так сказать. Это как раз то, чего ты не понял. Когда я сказал тебе, что мы сможем собрать семь миров, кроме известного, ты принял это, как внутреннее мероприятие, поскольку вообще склонен верить, что только в воображении происходит то, что ты делаешь с нами. Поэтому ты никогда не спрашивал меня, где же реально лежит неведомое. Годами я вращал своей рукой, указывая на все окружающее, и говорил тебе, что неведомое — там, но ты никогда не смог установить связи.

Хенаро начал смеяться, затем закашлялся и встал: «он до сих пор не установил связи», — сказал он дону Хуану. Я сказал им, что если нужно установить связь, то мне не удалось сделать этого.

Дон Хуан утверждал все снова и снова, что доля эманаций внутри кокона находится там только для сознания, и что сознание соединяет эту долю эманаций с подобной же долей их в великом. Они называются «эманациями в великом» потому, что огромны, так что сказать, что вне человеческого кокона находится непостижимое, все равно, что сказать: непостижимое находится внутри кокона земли. Но внутри кокона земли находится также неведомое — это эманации, нетронутые сознанием. Когда свет сознания касается их, они активизируются им и могут настроиться на соответствующие эманации в великом. Когда это происходит, неведомое воспринимается и становится известным.

— Я слишком туп, дон Хуан: тебе следует разбить это на более мелкие части, — сказал я.

— Хенаро собирается разбить это для тебя, — ответил дон Хуан.

Хенаро встал и начал изображать ту же походку силы, которую он делал раньше, когда кружил около громадной плоской скалы на кукурузном поле вблизи своего дома, а дон Хуан следил за этим с восхищением. На этот раз дон Хуан зашептал мне в ухо, что я должен попытаться услышать движения Хенаро, особенно движения его бедер, когда они ударяются об его грудь при каждом шаге.

Я следил за движениями Хенаро глазами. Через несколько секунд я почувствовал, что какая-то часть меня поймалась на ногах Хенаро. Движения его бедер не отпускали меня, я почувствовал, что как бы иду с ним, я даже выбился из дыхания. Затем я понял, что действительно следую за Хенаро: я на самом деле шел с ним, удаляясь от места, где мы сидели.

Я не видел больше дон Хуана, а только Хенаро, идущего передо мной тем же странным образом. Мы шли так много часов. Моя усталость была такой, что ужасно разболелась голова, и внезапно меня начало тошнить. Хенаро остановился и подошел ко мне. Вокруг нас было интенсивное сияние, и этот свет отражался на чертах лица Хенаро. Его глаза светились.

— Не смотри на Хенаро! — приказал мне голос в ухо. — осмотрись!

Я повиновался. Я подумал, что нахожусь в аду! Шок от того, что я увидел, был таким сильным, что я вскрикнул в ужасе, но не услышал звука своего голоса. Вокруг простиралась совершенно живая картина всех описаний ада моего христианского воспитания. Я увидел красноватый мир, горячий и подавляющий, темный и пещеристый, без неба, без света, только в зловещих отражениях красноватых отблесков, которые метались вокруг.

Хенаро опять начал идти, что-то потянуло меня за ним. Эта сила, заставившая меня следовать за Хенаро, удерживала меня от того, чтобы оглядываться: мое сознание было приклеено к движениям Хенаро.

Я видел, как Хенаро шлепнулся, словно он окончательно выдохся. В тот момент, когда он коснулся земли и вытянулся для отдыха, что-то во мне освободилось, и я опять был способен оглядеться. Дон Хуан смотрел на меня инквизиторским взглядом: я стоял перед ним лицом к нему. Мы были на том же месте, где сидели: на широком каменистом уступе на вершине небольшой горы. Хенаро пыхтел и сопел, и то же делал я. Я покрылся испариной, волосы совершенно намокли, а одежда была мокрой, хоть выжимай, словно меня опустили в реку.

— Боже мой, что же это происходит! — воскликнул я совершенно серьезно и с беспокойством.

Это восклицание прозвучало так глупо, что дон Хуан и Хенаро начали смеяться.

— Мы пытаемся заставить тебя понять, что такое настройка, — сказал Хенаро.

Дон Хуан мягко помог мне сесть и сел рядом.

— Помнишь ли ты, что произошло? — спросил он меня.

Я сказал, что помню, и он настоял на том, чтобы я рассказал ему то, что видел. Его требование не соответствовало тому, что он говорил мне: что единственная ценность моего опыта — это движение точки сборки, а не содержание видений.

Он объяснил, что Хенаро пытался помогать мне и раньше, очень подобно тому, как он только что сделал, но что я ничего не помнил. Он сказал, что на этот раз Хенаро вел мою точку сборки так же, как и раньше, чтобы собрать мир с другими из великих диапазонов эманаций.

Последовало долгое молчание. Я был нем, поражен, однако мое сознание было ясным, как никогда. Я думаю, что понял, наконец, что такое настройка. Что-то во мне, что я активизировал, сам не зная как, давало мне уверенность, что я понял великую истину.

— Я думаю, что ты набираешь собственный момент движения, — сказал мне дон Хуан. — пойдём домой: для одного дня и этого хватит.

— О нет, продолжай! — сказал Хенаро. — он сильнее быка. Его следует еще подготовить.

— Нет! — сказал дон Хуан подчеркнуто. — мы должны беречь его силы. Он и так уже достаточно получил.

Хенаро настаивал, чтобы мы остались. Он посмотрел на меня и подмигнул:

— Взгляни, — сказал он мне, указывая на восточную цепь гор. — солнце едва сдвинулось на дюйм на этих горах, а ты уже протопал в аду много часов. Не кажется ли тебе это чем-то чрезвычайным?

— Не смейся над ним без необходимости! — запротестовал дон Хуан почти неистово.

Тогда-то я и увидел их маневр: в это мгновение голос видения сказал мне, что дон Хуан и Хенаро — это команда великолепных следопытов, играющих со мной. Именно дон Хуан всегда выталкивал меня за пределы моих возможностей, но он всегда позволял Хенаро перевесить. В тот день у дома Хенаро, когда я вошел в опасное состояние истерического страха, когда Хенаро допрашивал дон Хуана, следует ли меня еще толкнуть, а дон Хуан уверял меня, что Хенаро развлекается за мой счет, Хенаро в действительности боялся за меня.

Мое видение было настолько поразительным для меня, что я начал смеяться. Оба они посмотрели на меня с удивлением, затем дон Хуан, казалось, понял, что со мной происходит. Он сказал об этом Хенаро, и оба они засмеялись, как дети.

— Ты взрослеешь, — сказал мне дон Хуан. — как раз вовремя: ты и не слишком туп, и не очень-то блистаешь — точно так, как я. Но ты не похож на меня в своих заблуждениях. Здесь ты больше подобен нагвалю Хулиану, за тем исключением, что он был блистательным и в этом.

Он встал и потянулся. Он взглянул на меня совершенно пронцающим, свирепым взглядом, какой я когда-либо видел. Я встал.

— Нагваль никогда никому не позволяет узнать, что он на чеку, — сказал он мне. — нагваль приходит и уходит, не оставляя следов: свобода — это то, что делает его нагвалем.

Его глаза мгновение горели, а затем закрылись облаками мягкости, доброты, человечности и опять стали глазами дон Хуана.

Я едва удерживал равновесие: я безнадежно падал в обморок. Хенаро прыгнул ко мне и помог сесть. Оба они сели по бокам.

— Ты собираешься получить толчок земли, — сказал мне дон Хуан в одно ухо.

— Думай о глазах нагваля, — сказал Хенаро в другое.

— Толчок придет в тот момент, когда ты увидишь отблеск на вершинах тех гор, — сказал дон Хуан и указал на высочайший пик высочайшей цепи.

— Ты никогда не увидишь опять глаз нагваля, — прошептал Хенаро.

— Иди с толчком туда, куда он поведет тебя, — сказал дон Хуан.

— Если ты подумаешь о глазах нагваля, то поймешь, что у монеты есть две стороны, — шептал Хенаро.

Я хотел думать о том, что оба они мне шепчут, но мои мысли не повиновались мне. Что-то давило на меня: я чувствовал, что сжимаюсь. Я ощутил приступ тошноты. Я видел, как вечерние тени двигались быстро вверх по восточным горам: мне казалось, что я бегу за ними.

— Итак, мы идем, — сказал Хенаро мне в ухо.

— Следи за большим пиком, следи за отблеском, — сказал дон Хуан в другое.

Там, куда указал дон Хуан, действительно была точка особой яркости — на высочайшем пике этой цепи. Я следил за последним отражающимся там лучом солнца. Я чувствовал дыру в ямке под ложечкой, как если бы был на плавательной доске на прибое.

Я почувствовал, а не услышал, отдаленный грохот землетрясения, который внезапно охватил меня. Сейсмические волны были такими громкими и такими огромными, что потеряли для меня всякий смысл: я был незначительным микробом, извивающимся и скручиваемым.

Постепенно это движение замедлялось. Последовал еще один толчок и все остановилось. Я попытался осмотреться. У меня не было никакого ориентира. Казалось, я был посажен, как дерево. Надо мной был белый, сияющий, немыслимо большой купол. Его присутствие возвышало меня. Я летел к нему, скорее, был выброшен, как снаряд. У меня было чувство покоя, напитанности, безопасности. Чем ближе я поднимался к куполу, тем интенсивнее становились эти чувства. Наконец, они переполнили меня, и я потерял всякое ощущение себя.

На следующий день дон Хуан, Хенаро и я отправились в Оаксаку. Пока мы с доном Хуаном гуляли вокруг главной площади, а время приближалось к вечеру, он внезапно начал говорить о том, что мы делали вчера. Он спросил меня, понял ли я, о чем он говорил, когда сказал, что древние видящие столкнулись с чем-то монументальным.

Я ответил ему, что понял, но не могу объяснить этого в словах.

— А как ты думаешь, что было главным в том, что мы хотели, чтобы ты нашел на вершине той горы? — спросил он.

— Настройка! — сказал голос в мое ухо, и в то же мгновение я сам подумал об этом.

Я обернулся в рефлексивном движении и натолкнулся на Хенаро, который шел сразу за мной, следуя по пятам. Скорость моего движения поразила его. Он захихикал, а затем обнял меня.

Мы сели. Дон Хуан сказал, что он очень мало может сказать о толчке, который я получил от земли, и что воины всегда одиноки в таком случае, а истинное осознание приходит гораздо позднее — после многих лет борьбы.

Я сказал ему, что моя проблема в понимании еще больше увеличивается от того, что они с Хенаро совершают всю работу, а я просто пассивный субъект, способный только реагировать на их действия. Я никогда в жизни не смогу начать никакого действия, поскольку не знаю, ни каким, собственно, должно быть это действие, ни того, как его начать.

— В этом именно вопрос, — сказал дон Хуан. — предполагается, что ты еще не знаешь. Ты останешься здесь, сам по себе, чтобы реорганизовать на собственной основе все, что мы для тебя делаем сейчас: эта задача стоит перед всяким нагвалем.

Нагваль Хулиан сделал то же самое для меня, и гораздо более безжалостно, чем мы поступаем с тобой. Он знал, что делает: он был блестящим нагвалем, способным реорганизовать в несколько лет то, чему его научил нагваль Элиас. Он сделал, вне всякого времени, нечто, что потребовало бы целой жизни от тебя или от меня. Разница в том, что нагвалю Хулиану требовалось только легкое указание — его сознание брало его и открывало единственную имеющуюся дверь.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан, под единственной дверью?

— Я подразумеваю то, что когда точка сборки переходит некоторый критический предел, то результат всегда одинаков для всякого человека. Методики этого движения могут быть самыми различными, а результаты всегда одинаковы, что означает, что точка сборки собирает другие миры с помощью толчка земли.

— Для всех ли одинаков толчок земли, дон Хуан?

— Конечно. Трудностью для среднего человека является внутренний диалог. Только тогда, когда достигается состояние внутреннего безмолвия, ты можешь воспользоваться

этим толчком. Ты подтвердишь эту истину в тот день, когда попытаешься воспользоваться им.

— Я не стал бы тебе рекомендовать, чтобы ты воспользовался им, — сказал Хенаро искренне. — нужны годы, чтобы стать безупречным воином, чтобы выстоять под воздействием толчка земли, ты должен быть лучше, чем ты сейчас.

— Скорость толчка растворит все в тебе, — сказал дон Хуан. — под его воздействием мы становимся ничем. Скорость и индивидуальное существование несоизмеримы. Вчера на горе я и Хенаро удерживали тебя, как якоря, иначе ты не вернулся бы. Ты был бы подобен тем людям, которые целенаправленно воспользовались им и до сих пор парят где-то в этой непостижимой громадности.

Я хотел, чтобы он подробнее остановился на этом, но он отказался. Внезапно он изменил предмет беседы.

— Есть еще одно, чего ты не понял относительно земли как чувствующего существа, — сказал он. — и Хенаро, этот ужасный Хенаро, хотел толкнуть тебя, пока ты не поймешь.

Оба они засмеялись. Хенаро игриво показал мне, подмигивая, как он произносит слова: «да, я ужасен».

— Хенаро — это ужасный натаскиватель, подлый и безжалостный, — продолжал дон Хуан. — ему наплевать на твои страхи, он толкает тебя безжалостно. Если бы не я...

Тут он изобразил совершенную картину себя: задумчивый пожилой джентльмен. Он опустил глаза и вздохнул. И оба они разразились громовым хохотом.

Когда они успокоились, дон Хуан сказал, что Хенаро хочет показать мне то, чего я еще не понял: что верховное сознание земли — это то, что позволяет нам измениться и выйти на другие великие волны эманаций.

— Мы, живые существа, восприниматели, — сказал он. — и мы воспринимаем потому, что некоторые эманации внутри человеческого кокона настраиваются на другие внешние эманации. Следовательно, настройка — это тот тайный проход, а толчок земли — ключ.

Хенаро хочет, чтобы ты проследил момент настройки. Следи за ним!

Хенаро выступал, как цирковой фокусник, и сделал поклон, а затем показал нам, что у него ничего нет в руках или в брюках. Он снял ботинки и потряс их, чтобы показать, что и там ничего не скрывается.

Дон Хуан смеялся от души. Хенаро двигал руками вверх и вниз. Это движение сразу же создало во мне какую-то фиксацию. Я почувствовал, что все мы трое немедленно встали и пошли с площади, причем я был между ними.

Пока мы шли, у меня исчезло периферийное зрение, — я больше не различал ни домов, ни улиц. Я не заметил также никаких гор или растительности. В какое-то мгновение я понял, что потерял из виду дон Хуана и Хенаро: вместо этого я видел две светонесущие связи, движущиеся вверх и вниз около меня.

Меня охватила мгновенная паника, которую я немедленно подавил. У меня было необычное, неизвестное чувство самого себя, и в то же время я не был самим собой. Я, однако, осознавал все окружающее с помощью странной и все же очень знакомой способности. Вид мира вернулся ко мне сразу же. Я вышел весь: то целое, что в своем нормальном сознании я называл телом, было способно воспринимать, как если бы оно было огромным глазом, схватывающим все. То, что я воспринял первым, после того, как увидел два пузыря света, был четкий фиолетово-пурпурный мир, составленный как бы из того, что казалось цветными панелями и диванами. Плоские, подобные экранам панели неправильных концентрических кругов были повсюду.

Я чувствовал вокруг большое давление, а затем услышал голос, говорящий мне в ухо. Я «видел». Голос сказал, что давление обусловлено движением. Я двигался с доном Хуаном и Хенаро. Тут я почувствовал слабый толчок, как если бы разорвал бумажную преграду, и обнаружил себя лицом к лицу со светящимся миром. Свет исходил отовсюду, но не ослеплял. Было так, как если бы солнце прорывалось сквозь прозрачные облака. Я взглянул вниз на источник света: зрелище было изумительным. Земли не было видно, только легкие пушистые облака и свет — мы шли по облакам.

Затем что-то опять заключило меня в свои тиски. Я шел в том же ритме, как и два пузыря света по бокам. Постепенно они начали терять свою яркость и стали, наконец, доном Хуаном и Хенаро. Мы шли по пустынной боковой улице, удаляясь от главной площади. Затем повернули обратно.

— Хенаро только что помог тебе настроить эманации с теми эманациями в великом, которые принадлежат другой полосе, — сказал мне дон Хуан. — настройка должна быть очень мирным, незаметным актом — никакого шума.

Он сказал, что трезвость, необходимая, чтобы позволить точке сборки собрать другие миры, это нечто, что нельзя симпровизировать. Трезвость должна созреть и стать силой в себе, прежде чем воин сможет разбить барьер восприятия безнаказанно.

Мы приблизились к главной площади. Хенаро не сказал ни слова. Он шел молча, как бы в задумчивости. В тот момент, когда мы выходили на главную площадь, дон Хуан сказал, что Хенаро хочет показать мне еще одну вещь: то, что позиция точки сборки — это все и что мир, который это позволяет воспринять, настолько реален, что не остается места ни для чего, кроме реальности.

— Хенаро позволит своей точке сборки собрать другой мир для твоего блага, — сказал мне дон Хуан. — и тогда ты осознаешь, что, когда он воспринимает его, сила его восприятия не оставляет места ни для чего другого.

Хенаро вышел вперед, а дон Хуан приказал мне поворачивать глазами против часовой стрелки, пока я смотрю на Хенаро, чтобы избежать увлечения им. Я повиновался. Хенаро был в пяти или шести футах передо мной. Внезапно его формы размылись и в одно мгновение он улетел, как пух по ветру.

Я подумал о научно-фантастических кинокартинах, которые видел, и удивился, осознаем ли мы свои возможности.

— Хенаро отделился от нас в данный момент силой восприятия, — сказал спокойно дон Хуан. — когда точка сборки собирает мир, этот мир полный. Это чудо, на которое натолкнулись древние видящие, но никогда не сумели понять, что это такое: сознание земли может дать нам толчок настроить другие великие диапазоны эманаций, и сила этой новой настройки заставляет исчезнуть этот мир.

Всякий раз, когда древние видящие делали новую настройку, они верили, что погружаются в глубины или поднимаются к небесам. Они не знали, что этот мир исчезает, как дуновение, когда новая полная настройка заставляет нас воспринять другой полный в себе мир.

13. НАКАТЫВАЮЩАЯ СИЛА

Дон Хуан собирался уже было начать свои объяснения о мастерстве управления сознанием, но передумал и встал. Мы сидели в большой комнате, соблюдая молчание.

— Я хотел бы, чтобы ты попытался видеть эманации Орла, — сказал он. — но для этого ты должен сначала сдвинуть свою точку сборки, пока не увидишь кокон человека.

Мы вышли из дома и направились в центр города. Мы сели на пустую потертую парковую скамейку напротив церкви. День клонился к вечеру. Он был солнечным и ветреным. Большое число народа мельтешило вокруг.

Он повторил опять, как если бы хотел вбить это в меня, что настройка — уникальная сила, поскольку она либо помогает сдвигу точки сборки, либо приклеивает ее к ее обычному положению.

— Тот аспект настройки, — сказал он. — который удерживает точку неподвижной, называется волей, а аспект, сдвигающий ее — намерением. Он заметил, что одной из самых захватывающих тайн является вопрос о том, каким образом воля, безличная сила настройки, превращается в намерение — личную силу, которая находится в распоряжении каждого.

— Наиболее странной частью этой тайны, — сказал он. — является то, что превращение очень легко осуществить. Но гораздо труднее убедить себя в том, что это возможно. Здесь, и именно здесь, находится наша спасительная зацепка. Нас следует убедить в этом, однако никто не хочет быть переубежденным.

Он сказал мне, что я нахожусь в самом остром состоянии сознания, поэтому могу испытать намерение сдвинуть свою точку сборки глубже влево в позицию сновидения. Он сказал, что воину никогда не следует делать попытки видеть без помощи сновидения. Я возразил, что заснуть на публике мне не очень-то улыбается. Он разъяснил свое заявление, сказав, что увести точку сборки с ее нормального положения и удерживать в новом, это и значит спать: при соответствующей практике видящие овладевают способностью быть в состоянии сна и все же вести себя так, как будто с ними ничего не происходит.

После незначительной паузы он добавил, что с целью видения кокона человека следует смотреть на людей сзади, когда они уходят. Бесполезно смотреть на них лицом к лицу, поскольку лицевая часть кокона человека ограждена щитом, который видящие называют «лицевой пластиной». Она представляет собой почти непроницаемый негибкий экран, который защищает нас всю нашу жизнь от натиска некоей особенной силы, порождаемой самими эманациями.

Он также посоветовал мне не удивляться, если мое тело затвердеет, как замороженное. Он сказал, что я буду чувствовать себя, как некто, стоящий в середине комнаты и глядящий в окно на улицу, и что существенна здесь скорость, так как люди будут проходить перед моими окнами очень быстро. Затем он велел мне расслабиться, отсечь внутренний диалог и позволить точке сборки отойти под воздействием внутреннего безмолвия. Он побудил меня ударять себя мягко, но крепко, по правой стороне между подвздошной костью и грудной клеткой.

Я сделал это трижды и глубоко уснул. Это было совершенно особое состояние сна: тело спало, а я прекрасно осознавал все, что происходило. Я слышал слова дон Хуана и мог следовать всякому его указанию, как если бы не спал, и все же я совершенно не мог двинуть телом.

Дон Хуан сказал, что сейчас перед моим окном видения пройдет человек, и что я должен попытаться видеть его. Я сделал безуспешную попытку повернуть голову, и тут появилась сияющая яйцеобразная форма. Она была великолепной! Я пришел в благоговейный ужас от этого зрелища, но оно исчезло до того, как я сумел оправиться от удивления. Она уплыла, покачиваясь вверх и вниз.

Все произошло так неожиданно и быстро, что я расстроился от нетерпения. Я почувствовал, что начал пробуждаться. Дон Хуан опять заговорил, и заставил меня расслабиться. Он сказал, что у меня нет ни времени, ни права для нетерпения. Внезапно появилось другое светящееся существо и уплыло. Казалось, оно было сделано из белой флюоресцирующей косматой шерсти.

Дон Хуан прошептал мне на ухо, что, если я захочу, то мои глаза смогут замедлить все, на чем сфокусированы. Затем он предупредил меня, что приближается еще один человек. В этот момент я осознал, что слышал два голоса. Один из них, только что говоривший и увещевавший меня быть терпеливым, был голосом дон Хуана. Другой, сказавший мне воспользоваться глазами для замедления, был голосом видения.

В этот вечер я видел десять светящихся существ в замедленном движении. Голос видения вел меня, чтобы я мог увидеть в них все, что дон Хуан рассказал мне о свете сознания. На правой стороне этих яйцеобразных светящихся существ была вертикальная полоса сильного янтарного свечения, толщиной, возможно, в десятую долю от объема кокона. Голос сказал, что это человеческая полоса сознания, и указал на точку на человеческом полюсе: эта точка интенсивно сияла. Она была расположена высоко на удлинённых формах, почти на их гребне, на поверхности кокона. Голос сказал, что это точка сборки.

Когда я видел каждое из светящихся существ в профиль, его яйцеобразная форма была похожа на гигантский асимметричный котел, стоящий на ребре, или на почти круглый горшок с крышкой, поставленной на бок. Та часть которая казалась крышкой, была лицевой пластиной. Она была, пожалуй, в пятую часть от толщины кокона.

Мне хотелось продолжать видение этих существ, но дон Хуан сказал, что я должен теперь смотреть на людей лицом к лицу и удерживать свой взгляд до тех пор, пока не разобью барьер и не увижу эманаций.

Я последовал его команде. Почти мгновенно я увидел блистающий ряд живых, неотразимых волокон света. Это было ослепляющее зрелище, которое и колебало мое равновесие. Я упал на бок на бетонную дорожку. Отсюда я увидел, что неотразимые волокна света умножились: они раскрылись и мириады других волокон вышли из них, однако эти волокна, неотразимые, как они были, никак не мешали моему обычному зрению. В церковь шло много народа. Я уже больше не видел людей. Вблизи скамейки было несколько мужчин и женщин. Мне хотелось сфокусировать на них свои глаза, но вместо этого я увидел, как одно из тех волокон света внезапно раздулось. Оно стало подобно огненному шару диаметром, возможно, в семь футов. Оно катилось на меня. Моим первым импульсом было откатиться с его пути, но прежде, чем я успел двинуть хотя бы мускулом, этот шар ударил меня. Я почувствовал это так ясно, как если бы кто-то ударил меня кулаком в живот. Через мгновение другой огненный шар ударил меня, на этот раз с гораздо большей силой, а затем дон Хуан хлопнул меня довольно сильно по щеке открытой ладонью. Я невольно вскочил и потерял из виду волокна света и шары, ударявшие меня.

Дон Хуан сказал, что я успешно выдержал свою первую короткую встречу с эманациями Орла, но что пара толчков наката опасно открыла мой зазор. Он добавил, что шары, ударившие меня, называются накатывающей силой, или накатом (опрокидывателем).

Мы вернулись в его дом, хотя и не помню, как или когда. Я провел несколько часов в своего рода полусонном состоянии. Дон Хуан и другие видящие его группы заставляли меня пить много воды. На короткое время они также опускали меня в бочку с ледяной водой.

— Были те волокна, которые я видел, эманациями Орла? — спросил я дона Хуана.

— Да, но ты почти не видел их, — ответил он. — как только ты начал их видеть, накат остановил тебя. Если бы ты остался так еще мгновение, он взорвал бы тебя.

— Что же такое этот накат? — спросил я.

— Это сила, исходящая из эманаций Орла, — ответил он. — непрерывная сила, ударяющая нас во всякое мгновение нашей жизни. Она смертельна, когда видишь ее, но в других отношениях мы забыли о ней в нашей повседневной жизни, поскольку у нас есть защитный экран: у нас есть всепоглощающие интересы, захватившие все наше сознание. Мы постоянно беспокоимся о своем положении, о своем состоянии. Эти щиты, однако, не удерживают наката — они просто сдерживают наше непосредственное видение, предохраняя тем самым от поражения страхом, возникающим от видения того, как огненные шары ударяют нас. Щиты — большая помощь для нас, но и большое препятствие: они умиротворяют нас, но в то же время дурачат — они дают нам ложное чувство безопасности.

Он предупредил меня, что в моей жизни придет время, когда у меня не будет уже никаких щитов непосредственно перед лицом наката. Он сказал, что это обязательная стадия в жизни воина, известная как «потеря человеческой формы».

Я попросил его объяснить мне раз и навсегда, что такое «человеческая форма» и что значит потерять ее.

Он ответил, что видящие описывают человеческую форму, как неотразимую силу настройки эманаций, зажженную светом сознания в строго определенном месте, там, где обычно закреплена человеческая точка сборки. Это та сила, которая превращает нас в человеческие личности.

Итак, быть человеческой личностью значит быть принужденным сродниться с силой настройки, и, следовательно, сродниться с тем местом, откуда она исходит.

По причине действия воинов в каждый данный момент их точка сборки движется влево. Это постоянный сдвиг, который приводит к необычному чувству отчуждения, или контроля, или даже непринужденности. Этот сдвиг точки сборки влечет за собой новую настройку эманаций. Это начало серии еще больших сдвигов. Видящие очень правильно называют этот первоначальный сдвиг «потерей человеческой формы», поскольку он отмечает неумолимый отход точки сборки от своей первоначальной позиции, что приводит к необратимой потере сродства с силой, которая делает нас человеческими личностями.

Затем он попросил меня описать все детали того, что я помню об огненных шарах. Я сказал ему, что видел их так кратко, что не уверен, смогу ли описать их подробно.

Он отметил, что видеть — это другой способ выразить словами сдвиг точки сборки и что если я сдвину ее чуть-чуть левее, то у меня появится новая картина огненных шаров, которую я смогу интерпретировать, как воспоминание о них.

Я попытался получить ясную картину, но не смог, поэтому описал то, что помнил.

Он объяснил, что эти огненные шары вещь чрезвычайной важности для человека, поскольку они являются выражением силы, пронизывающей все детали жизни и смерти — чего-то, что новые видящие называют накатом.

Я спросил его, что он подразумевает под «всеми деталями жизни и смерти».

— Накатывающая сила — это средство, с помощью которого орел раздает на хранение жизнь и сознание, — ответил он. — но это также, лучше сказать, сила, собирающая жатву: она заставляет умирать все живые существа. То, что ты видел сегодня, древние видящие называли накатом.

Он сказал, что видящие описывают ее в виде вечной линии разноцветных колец, или огненных шаров, которые непрестанно накатываются на человеческие существа. Светящиеся органические существа встречают накатывающую силу непосредственно, до того дня, когда эта сила оказывается слишком большой для них, и тогда они разрушаются. Древние видящие были загипнотизированы видением того, как накат откатывает их затем к клюву Орла, чтобы быть поглощенными. Вот почему они называли это накатом.

— Ты сказал, что это гипнотическое видение. Видел ли ты сам, как накат раскатывает человека? — спросил я.

— Конечно, я видел это, — ответил он и после паузы добавил: — ты и я видели это совсем недавно в городе мехико.

Его утверждение было таким несуразным, что я счел себя вынужденным сказать ему, что на этот раз он ошибается. Он засмеялся и напомнил мне, что в том случае, когда мы оба сидели на скамейке в парке Аламеда в городе Мехико, мы оба были свидетелями смерти человека. Он сказал, что это событие записано у меня как в повседневной памяти, так и в левосторонних эманациях.

Пока дон Хуан говорил со мной, у меня было чувство какого-то легкого прояснения внутри, и я смог визуализировать с невыразимой ясностью всю ту сцену в парке. Человек лежал на траве, а трое полицейских стояли около него, чтобы удерживать на расстоянии зевак. Я четко помнил, как дон Хуан ударил меня по спине, чтобы изменить уровень сознания, а затем я «видел». Мое видение было несовершенным: я не смог стряхнуть видимость мира повседневной жизни. То, чем я кончил, было составлено из волокон великолепнейших оттенков, наложенных на дома и дорожное движение. Эти волокна были, в действительности, цветными линиями света, приходившими сверху. Они обладали внутренней жизнью: они сияли и лучились от энергии.

Когда я взглянул на умирающего, я увидел то, о чем говорил дон Хуан: нечто, что сначала казалось огненными кругами, или радужными перекасти-поле, катилось повсюду, куда я направлял свой взор. Эти круги накатывались на людей, на дона Хуана, на меня. Я чувствовал их своим животом, и мне стало плохо.

Дон Хуан велел мне сфокусироваться на умирающем. Я увидел его в какой-то момент скручивающимся так же, как скручиваются некоторые насекомые, когда к ним прикасаются. Раскаленные круги отталкивали его, как если бы они хотели отбросить его со своего величественного неизменного пути.

Мне не понравилось это зрелище, хотя огненные круги не испугали меня — в них не было ничего ужасного или зловещего, и я не чувствовал себя мрачным или подавленным. Круги просто вызывали у меня тошноту: я чувствовал их в своей подложечной ямке. В тот день я почувствовал внезапное и сильное изменение.

Воспоминание о них опять вызвало общее чувство неуютности, которое я пережил тогда. Когда меня затопило, дон Хуан смеялся, пока не выдохся.

— Ты так все преувеличиваешь, — сказал он. — накатывающая сила не так уж плоха. В действительности она прекрасна. Новые видящие рекомендуют, чтобы мы открылись ей. Древние тоже открывались ей, но по причинам и для целей, которые вдохновлялись чувством собственной важности и одержимостью.

Новые видящие, с другой стороны, подружились с ней. Они освоились с этой силой путем работы с ней без чувства самодовольства. И достигнут поразительный результат по своим следствиям.

Он сказал, что сдвиг точки сборки — это все, что нужно, чтобы открыть себя накатывающей силе, и что если эту силу видеть определенным образом, то опасность незначительна. Однако очень опасным является невольный сдвиг точки сборки, обусловленный, возможно, физической усталостью, эмоциональным опустошением, болезнью или просто небольшими физическими или эмоциональными кризисами, такими, как страх или опьянение.

— Когда точка сборки сдвигается произвольно, накатывающая сила раскалывает кокон, — продолжал он. — много раз я говорил о бреши, которая есть у человека под пупком. В действительности она не под пупком, а на коконе, на высоте пупочной области. Эта брешь весьма похожа на вмятину — естественный дефект на ровном, в основном, коконе. Именно сюда непрестанно ударяет нас накат, и здесь трескается кокон.

Продолжая объяснения, он сказал, что при мелком сдвиге точки сборки трещина очень мала: кокон быстро восстанавливает себя, и человек испытывает то, что в разное время случалось с каждым: цветные пятна и искажения форм, которые остаются даже при закрытых глазах.

Когда же сдвиг значителен, трещина более протяженная, и кокону нужно время для восстановления, как в случае воинов, целенаправленно использующих растения силы для выявления этого сдвига, или людей, неразумно принимающих наркотические средства. В этих случаях человек чувствует себя онемелым и холодным, у него возникают трудности с речью или даже с мышлением: это похоже на то, как если бы человек был заморожен изнутри.

Дон Хуан сказал, что в тех случаях, когда точка сборки сдвигается слишком сильно из-за травмы или смертельной болезни, накатывающая сила делает трещину по всей длине кокона: кокон разрушается и сдвигается в себе — и человек умирает.

— Может ли сознательный сдвиг тоже создать брешь такого рода? — спросил я.

— Иногда да, — ответил он. — в действительности мы хрупки. Если накат ударяет нас снова и снова, смерть приходит к нам через эту брешь. Смерть — это накатывающая сила. Когда она обнаруживает слабость в бреши светящегося существа, она автоматически вскрывает кокон и приводит к его разрушению.

— У всех ли живых существ есть эта брешь? — спросил я.

— Конечно, — ответил он. — если бы ее у них не было, они не умирали бы. Однако брешь различна по размерам и конфигурации. Бреши других органических существ очень

подобны человеческой: некоторые сильнее нас, другие слабее. Однако брешь у неорганических существ совершенно другая: она более походит на длинную нить — волосок светимости, следовательно, неорганические существа более долговечны, чем мы.

В долгой жизни этих существ есть что-то чрезвычайно привлекательное, и древние видящие не смогли устоять перед этим соблазном.

Он сказал, что одна и та же сила может произвести диаметрально противоположные действия: древние видящие были поработаны накачивающей силой, а новые вознаграждены за свои труды даром свободы. Освоившись с накачивающей силой через мастерство намерения, новые видящие в нужный момент вскрывают свой собственный кокон, и сила затопляет их, а не прокатывает, как свернувшееся насекомое. Конечным результатом является их полное и мгновенное исчезновение.

Я задал ему много вопросов о выживании сознания после того, как светоносное существо поглощается внутренним огнем. Он не отвечал. Он просто причмокивал и пожимал плечами, а затем сказал, что одержимость древних видящих накатом ослепила их и не позволила увидеть другую сторону этой силы. Новые видящие со своим полным отрицанием всяких традиций дошли до другой крайности. Вначале они вообще отказывались фокусировать свое видение на накате: они говорили, что хотят понять силу эманаций в великом в ее аспекте жизнедателя и усилителя сознания.

— Они осознали, что бесконечно проще разрушить что-то, чем построить или поддерживать. Унести жизнь — это ничто по сравнению с ее поданием и кормлением. Конечно, новые видящие ошибались в своей односторонности, но в свое время они исправили эту ошибку.

— В чем они ошибались, дон Хуан?

— Ошибочно изолировать что-то для видения. Вначале новые видящие делали прямо противоположное тому, что их предшественники: они фокусировались с таким же, как те, вниманием, но на другой стороне наката. Последствия этого были такими же, если не хуже, чем у древних видящих: они умирали глупой смертью, так же, как обычные люди. У них не было ни таинственности, ни злобности древних видящих, но у них не было и жажды свободы современных видящих.

Эти первые новые видящие служили всем. Поскольку они фокусировались в своем видении на жизнедеятельной стороне эманаций, они были исполнены доброты и любви: они были уязвимы так же, как и древние видящие, наполненные своими гнусностями.

Он сказал, что для современных новых видящих было бы неприемлемо оказаться выброшенными на мель после стольких лет труда и дисциплины, подобно тому, как это происходит с теми, у кого никогда в жизни не было сознательного мгновения.

Дон Хуан сказал, что эти новые видящие осознали, после исправления своих традиций, что знание древних видящих о накачивающей силе было полным. В какое-то время новые видящие пришли к выводу, что в действительности у этой силы есть два аспекта: аспект наката относится исключительно к разрушению и смерти, а кольцевой, с другой стороны — это то, что поддерживает жизнь и сознание, исполнение и цель. Они предпочли, однако, взаимодействовать только с ее опрокидывающим аспектом.

— Созерцая командой, новые видящие способны видеть разделение опрокидывающего и циклического аспектов, — пояснил он. — Они увидели, что обе силы слиты, но это не одно и то же: циклическая сила подходит к нам на мгновение раньше опрокидывающей, но они настолько близки друг к другу, что кажутся одним.

Причина, по которой сила называется циклической, состоит в том, что она подходит в виде колец, нитеобразных радужных обручей: в действительности это очень утонченное видение. И подобно опрокидывающей силе, она непрерывно ударяет все живое, но с другой целью: она ударяет, чтобы дать крепость, направленность, сознание — дать им жизнь.

Новые видящие открыли, что равновесие этих двух сил во всяком живом существе очень утонченное, — продолжал он. — если в какой-то момент существо чувствует, что опрокидывающая сила бьет сильнее, чем циклическая, то это означает, что равновесие нарушено. С этого момента опрокидывающая сила бьет все сильнее и сильнее, пока не расколется брешь и не умертвит.

Он добавил, что из того, что я назвал огненными шарами, исходит радужный обруч, по размеру в точности такой, как и живое существо, будь то человек, дерево, микроб или олли.

— Значит, кольца разного размера? — спросил я.

— Не принимай мои слова буквально, — запротестовал он. — нет никаких колец, о которых можно было бы говорить: просто циклическая сила оставляет видящим впечатление колец, когда они ее сновидят. И нет также разных размеров: это одна

неделимая сила, которая подходит ко всем живым существам, органическим и неорганическим.

— Почему же древние сфокусировались на опрокидывающем аспекте? — спросил я.

— Потому что они верили, что их жизнь зависит от его видения, — ответил он. — они были уверены, что их видение даст им ответы на вечные вопросы. Видишь ли, они думали, что если раскроют тайны опрокидывающей силы, то станут неуязвимыми и бессмертными.

Новые видящие все это изменили, осознав, что нет пути к бессмертию, пока человек имеет кокон.

Дон Хуан пояснил, что древние, очевидно, никогда не осознавали того, что человеческий кокон — это вместилище, и что он не может вечно выдерживать натиск накачивающей силы. Несмотря на все накопленные ими знания, они, в конце концов, не стали лучше, а даже намного хуже, чем обычные люди.

— В каком отношении они стали хуже, чем обычные люди? — спросил я.

— Их громадные знания заставили их принимать, как должное, что их выбор непогрешим, — ответил он. — так, что они решили жить любой ценой.

Дон Хуан посмотрел на меня и улыбнулся. Было ясно, что этой театральной паузой он хочет сказать мне что-то, но я не мог понять, что.

— Они решили жить, — повторил он. — подобно тому, как они решили стать деревьями, чтобы собрать миры в тех почти недостижимых великих диапазонах.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— Я хочу сказать, что они воспользовались накачивающей силой для сдвига своей точки сборки в необратимую позицию сновидения, вместо того, чтобы позволить ей откатить их к клюву Орла и быть поглощенными.

14. БРОСИВШИЕ ВЫЗОВ СМЕРТИ

Я прибыл к дону Хенаро около двух часов дня. Дон Хуан и я начали беседу, а затем дон Хуан перевел меня в состояние повышенного сознания.

— Вот мы опять здесь все втроем, как тогда, когда ходили к той плоской скале, — сказал дон Хуан. — этим вечером мы совершим туда еще одну вылазку. Теперь у тебя достаточно знаний, чтобы сделать очень важные выводы об этом месте и о его влиянии на сознание.

— А что особенного в этом месте, дон Хуан?

— Сегодня вечером ты узнаешь некоторые ужасные факты, собранные древними видящими относительно накачивающей силы, и ты увидишь, что я имел в виду, когда сказал, что древние видящие решили жить любой ценой.

Дон Хуан обратился к Хенаро, который почти уснул. Он подтолкнул его:

— Не сказал бы ты, Хенаро, что древние видящие были страшными людьми? — спросил его дон Хуан.

— Совершенно верно, — сказал Хенаро твердым голосом и, казалось, застыл от усталости.

Он начал заметно клевать носом. Через мгновение он уже глубоко спал: его голова свесилась на грудь, а челюсть отвисла. Он захрапел.

Я хотел громко рассмеяться, но тут заметил, что Хенаро пристально смотрит на меня, как если бы он спал с открытыми глазами.

— Они были такими страшными людьми, что бросили вызов самой смерти, — добавил Хенаро между всхрапываниями.

— Не интересно ли тебе узнать, — сказал дон Хуан. — как эти отвратительные люди бросили вызов смерти?

— Как это они намерением отклонили смерть? — спросил я.

— Они наблюдали за своими олли, — сказал он. — и увидели, что те являются живыми существами с гораздо большей сопротивляемостью по отношению к накачивающей силе, и они исправили себя по образу олли.

Дон Хуан объяснил, что только у органических существ брешь имеет чашеобразное строение. Ее размеры, форма и хрупкость делают ее идеальной конфигурацией для ускорения раскола и разрушения светонесущей оболочки под напором опрокидывающей силы. Олли, с другой стороны, у которых брешь представляет собой только линию, подставляют накачивающей силе такую маленькую поверхность, что остаются, практически, бессмертными. Их контейнеры могут выдерживать натиск опрокидывающей силы неопределенно долго, поскольку волосной зазор не представляет для нее идеальной конфигурации.

— Древние видящие развили очень странную методику закрытия своих зазоров, — продолжал дон Хуан. — по существу, они были правы в предположении, что волосной зазор более долговечен, чем чашеобразный.

— Существует ли эта методика до сих пор? — спросил я.

— Нет, больше нет, — ответил он. — но есть некоторые видящие, которые практикуют этот метод.

По неизвестной мне причине его заявление вызвало во мне приступ чистого ужаса: мое дыхание мгновенно ускорилося, и я не мог сдержать его.

— Они ведь живы до сего дня, не так ли, Хенаро? — спросил дон Хуан.

— Совершенно верно, — пробормотал Хенаро сквозь очевидное состояние глубокого сна.

Я спросил дон Хуана, знает ли он причину того, почему я так испугался. Он напомнил мне предыдущий случай в той самой комнате, где они спросили меня, заметил ли я странных существ, которые вошли, когда Хенаро отворил дверь.

— В тот день твоя точка сборки ушла очень глубоко влево и собрала пугающий мир, — продолжал он. — ну, я уже говорил тебе это: ты не помнишь, что ты ушел прямо в очень далекий мир и напугался там до полусмерти.

Дон Хуан повернулся к Хенаро, который мирно похрапывал, причем его ноги были вытянуты прямо вперед.

— Не напугался ли он до недержания мочи, Хенаро? — спросил дон Хуан.

— Точно, до недержания мочи, — пробормотал Хенаро, а дон Хуан засмеялся.

— Я должен сказать тебе, — продолжал дон Хуан. — что мы не упрекаем тебя за трусость. Мы сами смотрим с отвращением на некоторые действия древних видящих. Я уверен, что теперь ты понял: то, чего ты не можешь вспомнить о той ночи, так это то, что ты видел древних видящих, которые до сих пор живы.

Я хотел запротестовать, что ничего еще не понял, но не мог выговорить своих слов. Я должен был все снова и снова прочищать горло, прежде чем смог произнести хоть слово. Хенаро встал и мягко похлопал меня по верху спины и шее, как если бы я поперхнулся.

— У тебя жаба в горле, — сказал он.

Я поблагодарил его высоким попискивающим голосом.

— Нет, там у тебя, наверное, цыпленок, — добавил он и сел досыпать.

Дон Хуан сказал, что новые видящие взбунтовались против всех странных ритуалов древних и объявили их не только бесполезными, но и вредными для всего нашего существа. Они пошли даже настолько далеко, что полностью убрали эти ритуалы из того, что преподавалось всем воинам: много поколений ничего не знало о них. И только в начале хvi века нагваль себастьян, один из членов прямой линии нагвалей дон Хуана, вновь открыл существование этих методов.

— Как ему удалось открыть это вновь? — спросил я.

— Он был великолепным следопытом, — ответил дон Хуан. — и благодаря своей безупречности получил возможность узнать чудотворное.

Он сказал, что однажды, когда нагваль себастьян собирался начать свою ежедневную службу, а он был псаломщиком в соборе того города, где жил, он обнаружил индейца средних лет, который, казалось, был в замешательстве перед дверью церкви.

Нагваль себастьян подошел к человеку и спросил его, не нуждается ли он в помощи. «Мне нужно немного энергии, чтобы закрыть свой зазор, — ответил ему человек громким ясным голосом. — не дашь ли ты мне немного своей энергии?»

Дон Хуан сказал мне, что, согласно этой повести, нагваль себастьян онемел: он не знал, о чем этот человек говорит. Он предложил индейцу отвести его к приходскому священнику. Человек потерял терпение и яростно обвинил нагваля себастьяна в притворстве: «мне нужна твоя энергия, так как ты нагваль, — сказал он. — давай спокойно выйдем.»

Нагваль себастьян сдался перед магнетической силой незнакомца, послушно пошел за ним в горы. Он отсутствовал много дней. Когда он вернулся, у него был не только новый взгляд на древних видящих, но и подробное знание их методики. Незнакомец был древним толтеком — одним из последних выживших.

Нагваль себастьян узнал много чудесного о древних видящих, — продолжал дон Хуан. — он был первым, кто узнал, какими уродливыми они были и как заблуждались. До него это были только слухи.

Однажды ночью мой благодетель и нагваль Элиас показали мне образцы этих заблуждений. На самом деле они показали их нам с Хенаро вместе, поэтому вполне уместно, что мы с ним покажем их тебе тоже.

Я хотел поговорить, чтобы уклониться от этого: мне нужно было время, чтобы успокоиться и обдумать все, но прежде, чем я смог сказать что-либо, дон Хуан и Хенаро буквально вытащили меня из дома. Они направились к тем же выветренным холмам, на которых мы были раньше.

Мы остановились в ложине большого пересеченного холма. Дон Хуан указал на какие-то отдаленные горы на юге и сказал, что между местом, где мы стоим, и естественным провалом в одной из этих гор, который выглядит, как разинутый рот, есть по крайней мере семь мест, где древние видящие сфокусировали всю силу своего сознания.

Дон Хуан сказал, что те видящие были не только знающими и смелыми, но и довольно успешными в осуществлении своих намерений. Он сказал, что его благодетель показал ему и Хенаро место, где древние видящие, загнанные своей любовью к жизни, погребли себя заживо и действительно намеренно отвергли накатывающую силу.

— Нет ничего в тех местах, что могло бы остановить взгляд, — сказал он. — древние видящие старались не оставить заметных следов — просто ландшафт. Нужно видеть, чтобы узнать, что представляют собой эти места.

Он сказал, что не хочет говорить об удаленных местах, но отвел меня к ближайшему. Я настаивал на том, чтобы знать, что будет дальше. Он сказал, что мы собираемся видеть погребенных видящих и что для этого мы должны подождать до темноты, укрывшись где-нибудь в зеленых кустах. Он указал на такие — они были примерно в полумиле на крутом склоне.

Мы дошли до группы кустов и устроились насколько можно удобней. Затем он начал объяснять очень тихим голосом и сказал, что для того, чтобы получить энергию от земли, древние видящие погребли себя на время — в зависимости от того, чего хотели добиться: чем более трудной была задача, тем более длительным было погребение.

Дон Хуан встал и мелодраматическим жестом показал мне какое-то место в нескольких ярдах от того, где мы были.

— Двое видящих древних погребены там, — сказал он. — они погребли себя около двух тысяч лет назад, чтобы избежать смерти — не в том смысле, чтобы убежать от нее, но в смысле победить ее.

Дон Хуан попросил Хенаро показать мне точное место, где погребены древние видящие. Я обернулся к Хенаро и увидел, что он сидит рядом и опять глубоко спит, но к моему совершенному удивлению он вскочил, залаял, как собака, и побежал на всех четырех к месту, указанному доном Хуаном. Затем он обошел это место, в совершенстве подражая манерам собаки.

Мне его представление показалось забавным. Дон Хуан почти катался на земле от смеха.

— Хенаро показал тебе нечто необычайное, — сказал дон Хуан после того, как Хенаро вернулся туда, где мы сидели, и опять погрузился в сон. — он показал тебе нечто относительно точки сборки и сновидения. Он сновидит сейчас, однако он может действовать так, как если бы был полностью пробужденным, и слышит все, что ты скажешь. Из этой позиции он может сделать больше, чем если бы он был пробужден.

Минуту он помолчал, как бы оценивая, что же еще сказать. Хенаро ритмично похрапывал.

Дон Хуан заметил, как легко найти дефекты в том, что делали древние видящие, хотя, ради справедливости, он никогда не устанет повторять, как удивительны были их достижения. Он сказал, что они понимали землю в совершенстве. Они не только открыли и использовали толчок земли, но также обнаружили, что если остаться погребенными, то точка сборки может настроить эманации, которые обычно недоступны, а такая настройка вовлекает необъяснимую земную способность отклонять непрерывные удары накатывающей силы. Вследствие этого они разработали совершенно поразительную и сложную методику погребения без всякого вреда для себя. В своей битве против смерти они научились продлевать эти периоды на тысячелетия.

День был облачным, и ночь спустилась быстро. Почти мгновенно все погрузилось в темноту. Дон Хуан встал и повел меня и спящего Хенаро к огромному плоскому овальному камню, который привлек мое внимание, как только мы пришли туда. Он был подобен той скале, на которой мы были раньше, но был еще больше. Мне пришло в голову, что тот камень, каким бы громадным он ни был, поместили здесь намеренно.

— Это другое место, — сказал дон Хуан. — эта огромная скала помещена здесь как ловушка, чтобы привлекать людей. Вскоре ты узнаешь, зачем.

Я почувствовал, как дрожь побежала по моему телу: мне казалось, что я сейчас упаду в обморок. Я знал, что определенно преувеличиваю, и хотел сказать об этом, но дон Хуан продолжал говорить громким шепотом. Он сказал, что у Хенаро, поскольку он находится в состоянии сновидения, достаточно контроля за своей точкой сборки, чтобы сдвинуть ее, пока не достигнет особых эманаций, которые могут пробудить все, что находится вокруг этой скалы. Он посоветовал, чтобы я попытался тоже сдвинуть свою точку сборки и последовал за Хенаро. Он сказал, что я могу сделать это, если, прежде всего, установлю

свое негибкое намерение сдвинуть ее, а затем позволю самому содержанию ситуации продиктовать, куда ее следует сдвинуть.

После некоторого размышления он прошептал мне в ухо не заботиться о процедурах, поскольку большинство действительно необычайных вещей, случающихся с видящими или обычными людьми в таких ситуациях, происходит само по себе только путем вмешательства намерения.

Он помолчал минуту, а затем добавил, что опасностью для меня является неизбежная попытка погребенных видящих запугать до смерти. Он увещевал меня сохранять спокойствие и не поддаваться страху, но следовать за Хенаро.

Я безнадежно боролся с тошнотой. Дон Хуан хлопнул меня по спине и сказал, что я старый воробей, а играю роль невинного свидетеля. Он уверил меня, что я не делаю сознательного усилия для удержания точки сборки, но что все люди поступают так автоматически.

— Что-то собирается заслонить от тебя свет жизни, — прошептал он. — но не сдавайся, поскольку если сдашься, то умрешь, и древние ястребы отсюда устроят пирушку на твоей энергии.

— Давай выберемся отсюда, — попросил я. — мне наплевать на отсутствие примера уродливости древних видящих.

— Уже слишком поздно, — сказал Хенаро, теперь уже полностью пробужденный и стоящий рядом со мной. — если мы даже попытаемся уйти, те двое видящих или их оллы из другого места сразят тебя. Они уже окружили нас: шестнадцать сознаний уже сфокусировались на тебе сейчас.

— Кто они? — прошептал я в ухо Хенаро.

— Те четверо видящих и их двор, — ответил он. — они знали о нас с того момента, как мы пришли сюда.

Я хотел поджечь хвост и бежать, спасая жизнь, но дон Хуан взял меня за руку и указал на небо. Я заметил, что произошло заметное изменение видимости: вместо смоляной черноты, которая стояла до сих пор, проявился приятный сумеречный полусвет. Я быстро сориентировался по сторонам света: небо определенно было светлее к востоку.

Я почувствовал странное давление вокруг головы. В ушах гудело. Мне было холодно и жарко одновременно. Я был так напуган, как никогда раньше, но что досаждало мне особенно, так это унылое чувство поражения, трусости. Меня подташнивало, и я чувствовал себя несчастным.

Дон Хуан зашептал мне в ухо. Он сказал, что мне следует быть начеку и что нападение древних видящих мы почувствуем все трое и в любой момент.

— Ты можешь перебраться ко мне, если хочешь, — сказал Хенаро быстрым шепотом, как если бы что-то подгоняло его.

Я колебался мгновение. Я не хотел, чтобы дон Хуан поверил, что я так напуган, что должен держаться за Хенаро.

— Вот они идут, — сказал Хенаро громким шепотом.

Мир перевернулся для меня вверх ногами, когда что-то схватило меня за левую лодыжку. Я почувствовал смертный холод во всем теле. Я знал, что ступил в железный капкан, поставленный, может быть, на медведя. Все это пронеслось у меня в уме прежде, чем я испустил пронзительный визг, такой же интенсивный, как и мой испуг.

Дон Хуан и Хенаро громко засмеялись. Они были у меня по сторонам не дальше трех футов, но я был так перепуган, что даже не заметил их.

— Пой! Пой, спасая жизнь! — слышал я приказание дон Хуана со звуком его дыхания.

Я попытался высвободить ногу и тогда почувствовал острую боль, как если бы в мою ногу вонзились иглы. Дон Хуан снова и снова настаивал, чтобы я пел. Он и Хенаро начали известную песню. Хенаро выговаривал слова, глядя на меня с расстояния едва ли в два дюйма. Они пели фальшиво, сиплыми голосами, так безнадежно выбиваясь из ритма и настолько выше диапазона своих голосов, что я рассмеялся.

— Пой, или ты погибнешь, — сказал мне дон Хуан.

— Давай-ка устроим трио, — сказал Хенаро. — запоем-ка болеро.

Я присоединился к этому фальшивому трио. Мы довольно долго пели на пределе своих голосов, как пьяные. Я почувствовал, что железный захват на моей ноге начал постепенно ослабевать. Я не осмеливался посмотреть вниз на свою лодыжку, но на мгновение я все же взглянул, и увидел, что там не было капкана, удерживающего меня: темная головообразная форма кусала меня!

Только сверхусилие удержало меня от обморока. Я почувствовал, что меня рвет, и автоматически хотел наклониться, но кто-то держал меня безболезненно и с нечеловеческой силой за локти и затылок и не позволял двигаться. Я весь облевался.

Моя опустошенность была такой полной, что я начал терять сознание. Дон Хуан брызнул мне в лицо из тыковки, которую всегда носил, когда мы уходили в горы. Вода попала за ворот, и это охлаждение восстановило мое физическое равновесие, но не повлияло на силу, державшую меня за локти и затылок.

— Я думаю, ты зашел слишком уж далеко в своем страхе, — сказал мне дон Хуан громко и таким официальным тоном, что это сразу воспринималось как приказ.

— Давайте опять запоем, — добавил он. — давайте споем песню с содержанием, я не хочу больше болеро.

Я мысленно поблагодарил его за трезвость и возвышенный стиль и так растрогался, когда услышал, как они запели «ла Валентина», что даже начал плакать.

Из-за той страсти,
Все, говорят,
С ним те напасти,
Да наплевать!
Пусть даже дьявол
Стучится в дверь -
Я и без правил
Готов умереть!
О, валентина, ты, валентина,
Меняю себя я на блеск твоих глаз!
И если я должен
Погибнуть сегодня,
То пусть это будет
Сегодня, сейчас!

Все мое существо было потрясено воздействием этого немыслимого смещения ценностей. Никогда еще песня не значила для меня столько. Когда я услышал их, распевавших такую незатейливую песенку, какие я всегда считал отдающими дешевой сентиментальностью, я почувствовал, что понял характер воина. Дон Хуан вбил в меня, что воины живут рядом со смертью, и из этого знания, что смерть с ними, они извлекают мужество для любой встречи. Дон Хуан говорил, что худшее, что с нами может случиться, это то, что мы должны умереть, ну а раз уж это наша неотвратимая судьба, то мы свободны: тому, кто все потерял, нечего бояться.

Я подошел к дону Хуану и Хенаро и обнял их, чтобы выразить свою безграничную благодарность и восхищение ими. Тут я понял, что ничто уже не держит меня больше. Без единого слова дон Хуан взял меня за руку и повел, чтобы посадить на плоский камень.

— Спектакль еще только начинается, — сказал Хенаро весело, усаживаясь поудобнее. — ты только что оплатил свой входной билет: он весь у тебя на груди.

Он посмотрел на меня и оба они залились смехом.

— Не садись слишком близко ко мне, — сказал Хенаро. — мне не нравятся пукалки. Но и не отходи слишком: древние видящие еще не закончили свои трюки.

Я придвинулся к ним настолько близко, насколько позволяла вежливость. Мгновение я беспокоился о своем состоянии, но затем все мои приступы тошноты стали пустяками, потому что к нам шли какие-то люди. Я не мог ясно видеть их формы, но видел человеческие фигуры, перемещающиеся в полумраке. У них не было фонарей или фонариков, хотя было ясно, что в этот час они нуждались в них. Почему-то эта деталь беспокоила меня. Мне не хотелось фокусироваться на них и я преднамеренно начал рассуждать. Я представил, что мы привлекли внимание своим громким пением, и они вышли узнать, в чем дело. Дон Хуан положил руку мне на плечо. Он указал движением подбородка на людей, идущих перед группой других:

— Эти четверо — древние видящие, — сказал он. — остальные — их оллы.

И не успел я сказать, что они кажутся мне местными крестьянами, как услышал свистящий звук у себя за спиной. Я быстро обернулся в состоянии полной тревоги. Мое движение было таким внезапным, что предупреждение дон Хуана запоздало:

— Не оглядывайся! — услышал я его крик, но его слова были только фоном: они уже ничего не значили для меня. Повернувшись, я увидел, что три чудовищно уродливых человека взбираются на скалу сразу же за моей спиной: они крались ко мне, их рты были полуоткрыты в кошмарной гримасе, а руки простирались, чтобы схватить.

Я хотел крикнуть во всю мощь своих легких, но вышло только агоническое клочкотание, как если бы что-то забило мне дыхание. Я автоматически выкатился из их досягаемости и оказался на земле.

Когда я остановился, ко мне прыгнул дон Хуан — как раз в то мгновение, когда орда людей, возглавляемая теми, на кого указал мне дон Хуан, устремилась ко мне, как

коршуны. Они вскрикивали, как летучие мыши или крысы. Я завопил в ужасе. На этот раз у меня получился пронзительный крик.

Дон Хуан так проворно, как первоклассный атлет, выхватил меня из их окружения и увлек на скалу. Он велел мне суровым голосом не оглядываться, как бы запуган я ни был. Он сказал, что олли совсем не могут толкнуть, но они могут запугать меня так, что я упаду на землю, а на земле олли могут прижать кого хочешь, и если бы я упал на месте, где были погребены эти видящие, то оказался бы в их власти. Они бы растерзали меня, пока олли удерживали. Он добавил, что не сказал мне всего этого, потому что надеялся, что я буду «видеть» и пойму это сам. Это его решение чуть не стоило мне жизни.

Ощущение, что чудовищные люди находятся сзади, было почти невыносимым. Дон Хуан усиленно приказывал мне сохранять спокойствие и сфокусировать внимание на четверых во главе толпы из десяти или двенадцати. В то мгновение, когда я сфокусировал на них свои глаза, они, как по команде, придвинулись к краю плоской скалы. Там они остановились и начали шипеть, как змеи. Они двигались взад и вперед. Их движения казались синхронными: они были такими единообразными и упорядоченными, что казались машинальными. Было так, как если бы они повторяли одно и то же, чтобы загипнотизировать меня.

— Не смотри на них пристально, дорогой, — сказал мне Хенаро, как если бы он обращался к ребенку.

Последовавший за этим мой смех был таким же истерическим, как и мой страх. Я смеялся так громко, что звук его перекачивался по окружающим холмам.

Те люди сразу остановились и оказались, как будто, в замешательстве. Я мог различить, как покачивались вверх и вниз формы их голов, как будто они разговаривали между собой, обсуждая ситуацию. Затем один из них прыгнул на скалу.

— Берегись! Это один из видящих! — воскликнул Хенаро.

— Что мы собираемся делать? — закричал я.

— Мы можем начать опять петь, — ответил дон Хуан, как само собой разумеющееся.

Тогда мой страх достиг своего предела. Я начал подпрыгивать и реветь, как зверь. Тот человек спрыгнул на землю.

— Не обращай больше внимания на этих клоунов, — сказал дон Хуан. — давай поговорим как обычно.

Он сказал, что мы пришли сюда для моего просвещения, а я провалился так несносно. Мне следует реорганизовать себя. Первое, что надо сделать, это понять, что моя точка сборки сдвинулась и теперь затемнила свет эманаций, а перевести чувства из моего обычного сознания в мир, который я сейчас собрал, это действительно пародия, так как такой страх доминирует только среди эманаций повседневной жизни.

Я сказал ему, что, если моя точка сборки сдвинулась так, как он сказал, то у меня для него есть еще новость: мой страх бесконечно более велик и разрушителен, чем тот, какой я испытывал когда-либо в своей жизни.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — твое первое внимание в замешательстве и не хочет уступить контроля — вот и все. У меня такое чувство, что ты можешь подойти прямо к этим существам лицом к лицу и они не сделают тебе ничего.

Но я настаивал, что, безусловно, не в таком состоянии, чтобы пробовать такие нелепые вещи, как эта.

Он засмеялся мне в лицо и сказал, что рано или поздно, но я вылечусь от своего безумия, и что взять на себя инициативу и встретиться с этой четверкой видящих бесконечно менее нелепо, чем полагать, что я вообще вижу. Он сказал, что для него безумием было бы столкнуться с людьми, которые были погребены две тысячи лет назад, и не подумать о том, что это верх нелепости.

Я ясно слышал все, что он говорил, но в действительности не обращал на него никакого внимания. Я был утрачен людьми, окружавшими скалу. Они, казалось, готовились прыгнуть на нас, особенно на меня. Они фиксировались на мне. Моя правая рука начала подергиваться, как если бы у меня был мышечный припадок. Затем я осознал, что освещенность неба изменилась: до этого я не замечал, что уже рассвет. Тут произошла странная вещь: неуправляемый порыв заставил меня подняться и побежать к этой группе людей.

У меня в это время было два совершенно разных чувства относительно одного и того же события. Меньшим был просто ужас. Другое, большее — полное безразличие: я больше ни о чем не беспокоился.

Когда я поравнялся с этой группой, я осознал, что дон Хуан был прав: это не реальные люди. Только четверо из них имели какое-то сходство с человеком, но они тоже не были

людьми: это были странные существа с огромными желтоватыми глазами. Другие были просто формами, которые управлялись четверкой, напоминавшей людей.

Я почувствовал чрезвычайное огорчение за этих существ с желтоватыми глазами. Я попытался коснуться их, но не мог их найти. Какого-то рода ветер унес их.

Я поискал дона Хуана и Хенаро. Их не было. Опять стало предельно темно. Я выкрикивал снова и снова их имена. Несколько минут я барахтался в темноте. Дон Хуан подошел ко мне и испугал меня. Хенаро не было видно.

— Пойдем домой, — сказал он. — нам еще далеко идти.

Дон Хуан отметил то, как хорошо я выполнил задание на месте погребения древних видящих, особенно в последней части нашего столкновения с ними. Он сказал, что сдвиг точки сборки сопровождался изменением освещенности: в дневное время свет становился мрачным, а ночью темнота замещалась сумерками. Он добавил, что два сдвига я выполнил сам с помощью лишь одного животного страха. Единственное, что он считал недостойным — это мое потакание своему страху, особенно после того, как я осознал, что воину нечего бояться.

— Откуда ты знаешь, что я осознал это? — спросил я.

— Потому что ты освободился: когда исчезает страх, все, связывающее нас, исчезает, — сказал он. — олли уцепился за твою ногу, так как был привлечен твоим животным ужасом.

Я сказал ему, что сожалею, что не смог придерживаться своего сознания.

— Не утруждай себя этим, — засмеялся он. — ты знаешь, что такими осознаниями можно пруд прудить: они ничего не добавляют в жизни воина, поскольку вычеркиваются при одном сдвиге точки сборки.

То, чего хотели добиться мы с Хенаро, так это сдвинуть тебя поглубже. На этот раз Хенаро был там только для того, чтобы приманить древних видящих. Он делал это уже однажды, и ты вошел так далеко налево, что для того, чтобы это вспомнить, тебе придется попотеть. Вчера твой страх был таким же интенсивным, как и в первый раз, когда видящие и их олли следовали за тобой до этой комнаты, но твое твердое первое внимание не позволило тебе тогда осознать это.

— Объясни мне, что случилось на месте погребения древних воинов? — попросил я.

— Олли вышли, чтобы видеть тебя, — ответил он. — ну, а поскольку у них был очень низкий уровень энергии, он всегда нуждается в помощи людей: четверо видящих собрали двенадцать «союзников».

Поля Мексики, а также некоторые города полны опасностей. То, что случилось с тобой, могло случиться с любым мужчиной и женщиной. Если они натолкнутся на эту гробницу, то могут даже увидеть видящих и их олли, если они достаточно податливы, чтобы позволить своему страху сдвинуть точку сборки. Но одно очевидно: они могут умереть от страха.

— Но ты действительно веришь, что эти толтекские видящие живы до сих пор? — спросил я.

Он засмеялся и покачал головой в знак недоверия.

— Как раз настало время, чтобы сдвинуть чуть-чуть твою точку сборки, — сказал он. — я не могу беседовать с тобой, когда ты находишься в своем идиотском состоянии.

Он слегка ударил меня ладонью по трем точкам: как раз по выступу ребер справа от подвздошной кости, по центру спины, ниже лопаток, и по верхней части правой грудной мышцы.

У меня сразу загудело в ушах. Струя крови потекла из правой ноздри и что-то внутри открылось, как пробка. Было так, как если бы поток энергии был заблокирован, а затем, неожиданно, преграду убрали.

— Что же, в конце концов, представляют собой эти видящие и их «союзники»? — спросил я.

— Ничто, — ответил он. — мы были теми, кто пришел за ними. Эти видящие заметили, конечно, твое поле энергии еще в первый раз, когда ты их видел. Когда ты вернулся, они собирались пообедать за твой счет.

— Ты говорил, что они живы, дон Хуан, — сказал я. — ты имел в виду, что они живы так, как живы олли, не правда ли?

— Точно так, — ответил он. — они, конечно, не могут быть живы так, как ты или я. Это было бы абсурдно.

Далее он объяснил, что беспокойство древних видящих относительно смерти заставило их рассмотреть предельно странные возможности. Те из них, кто избрал за образец олли, стремились, безусловно, найти надежное пристанище, и они нашли его путем фиксации позиции точки сборки в одной из семи полос неорганического сознания. Те видящие решили, что там они в сравнительной безопасности: в конце концов, там они отделены от

повседневного мира почти непреодолимым барьером — барьером восприятия, поставленным точкой сборки.

— Когда эти четверо видящих увидели, что ты можешь сдвинуть свою точку сборки, они вылетели, как летучие мыши из ада, — сказал он и засмеялся.

— Считаешь ли ты, что я собрал один из семи миров? — спросил я.

— Нет, ты не собрал в этот раз, — ответил он. — но ты сделал это раньше, когда видящие и их союзники гнались за тобой. В тот день ты совсем вошел в их мир, но проблема в том, что ты любишь действовать глупо, так что ты не помнишь этого вообще.

— Я уверен, — продолжал он. — что присутствие нагваля обуславливает то, что ученики иногда действуют тупо. Когда нагваль Хулиан был еще в мире, я был тупее, чем сейчас. Я уверен, что, когда меня здесь не будет больше, ты будешь способен помнить все.

Дон Хуан объяснил, что поскольку им нужно было показать тех, кто бросил вызов смерти, он и Хенаро выманили их на границы нашего мира. То, что я вначале сделал, был глубокий боковой сдвиг, который позволил мне увидеть их, как людей, но в конце я правильно сделал нужный сдвиг, который позволил мне увидеть их так, как они есть.

На следующий день очень рано в доме Сильвио Мануэля дон Хуан вызвал меня в большую комнату, чтобы обсудить события предыдущей ночи. Я чувствовал себя опустошенным, мне хотелось отдыхать, спать, но дон Хуан спешил со временем. Он сразу же начал свои объяснения. Он сказал, что древние видящие нашли способ использования накатывающей силы для передвижения. Вместо того, чтобы умереть под напором опрокидывающей силы, они оседлали накат и позволили ему сдвинуть свою точку сборки до пределов человеческих возможностей.

Дон Хуан выразил беспристрастное восхищение таким достижением. Он признал, что ничто другое не может дать такого толчка точке сборки, как накат.

Я попросил объяснить различие между толчком наката и толчком земли. Он сказал, что земной толчок является силой настройки только янтарных эманаций. Этот толчок возвышает сознание до немыслимой степени. Для новых видящих это прорыв в неограниченное сознание, которое они называют полной свободой.

Толчок наката, с другой стороны — это сила смерти. Под ударом наката точка сборки смещается в новое непредсказуемое положение. Поэтому древние видящие были всегда одиноки в своих путешествиях, хотя все предприятия, которыми они занимались, всегда были общими, но компания других видящих в таких путешествиях была случайной, и обычно означала борьбу за превосходство.

Я признался дону Хуану, что интересы древних видящих, какими бы они ни были, звучат для меня хуже, чем самые отвратительные и страшные сказки. Он громоподобно расхохотался. Он, видимо, был доволен.

— Ты все же должен признать, как бы это ни было противно, что те дьяволы были очень смелыми, — продолжал он. — я сам не люблю их, как ты знаешь, но не могу не восхищаться ими. Их любовь к жизни, поистине, непостижима для меня.

— Какая же это любовь, дон Хуан? Это что-то тошнотворное, — сказал я.

— Что же еще могло толкнуть этих людей в такие крайности, как не любовь? — ответил он. — они любили жизнь настолько, что не желали с ней расстаться. Именно так я вижу это. Мой благодетель видел нечто другое: он полагал, что они боялись смерти, а это не то же самое, что любовь к жизни. Я сказал бы, что они боялись умереть потому, что любили жизнь, и потому, что видели чудеса, а не потому, что были мелкими алчными чудовищами. Ни в коей мере! Они заблуждались, потому что никто никогда не остановил их и они испортились, как избалованные дети, но их смелость была безупречной, и таким же было их мужество.

— Отправится ли кто-нибудь в неведомое из алчности? Никогда. Алчность действует только в мире обыденных дел. Чтобы принять вызов устрашающего одиночества, нужно нечто большее, чем алчность — нужно иметь любовь, любовь к жизни, к авантюре, к тайне. Нужно иметь неиссякаемое любопытство и крепкую кишку. Поэтому не говори мне этой чепухи, что тебе противно. Это неподражаемо!

Глаза дона Хуана сияли от внутреннего смеха. Он поставил меня на место, но смеялся и над этим.

Дон Хуан оставил меня одного в комнате, быть может, на час. Мне хотелось разобраться в своих мыслях и чувствах, но у меня не было способа сделать это. Я знал, вне всякого сомнения, что моя точка сборки находится в позиции, где не преобладает рассудок, и все же мной двигало рассудочное беспокойство. Дон Хуан сказал, что с методической точки зрения при сдвиге точки сборки мы спим. Меня интересовало, например, находился ли я в спящем состоянии для внешнего наблюдателя, как Хенаро был спящим для меня.

Как только дон Хуан вернулся, я спросил его об этом.

— Ты в спящем состоянии, без всякой натяжки, — ответил он. — если бы люди в нормальном состоянии сознания увидели тебя теперь, ты показался бы им чуточку шатающимся, даже пьяным.

Он объяснил, что во время нормального сна сдвиг точки сборки идет вдоль любого края человеческой полосы. Такой сдвиг всегда связан со сном в постели, а сдвиг, обусловленный практикой, происходит в среднем сечении человеческой полосы и не связан со сном в постели, хотя сновидец находится в состоянии сна.

— Как раз на этом стыке новые и древние видящие разделились в своем поиске силы, — продолжал он. — древние желали иметь копию тела, но с большей физической прочностью, так что они заставляли свою точку сборки скользить вдоль правого края человеческой полосы. Чем глубже они уходили вдоль правого края, тем более странным становилось их тело сновидения. Прошлой ночью ты сам был свидетелем чудовищных результатов сдвига вдоль правого края.

Он сказал, что новые видящие совершенно отличны в этом отношении, потому что не удерживают свою точку сборки вдоль среднего сечения человеческой полосы. Если сдвиг неглубок, как в состоянии повышенного сознания, то сновидец почти таков, как и любой на улице, за исключением некоторой уязвимости в отношении таких эмоций, как страх и сомнение. Однако при некоторой глубине сновидец, сдвигающийся вдоль среднего сечения, становится пузырем света. Таким образом, пузырь света — это тело сновидения новых видящих.

Он сказал также, что такое безличное тело сновидения более способствует пониманию и исследованию, а это лежит в основе всего, что делают новые видящие. Слишком очеловеченное тело сновидения древних видящих заставило их искать такие же слишком личные эгоистические ответы.

Неожиданно мне показалось, что дон Хуан подыскивает слова. — есть еще один человек, бросивший вызов смерти, — сказал он кратко. — настолько не похожий на тех четырех видящих, которых ты видел, что неотличим от обычного прохожего. Он совершил этот уникальный подвиг, приобретя способность открывать и закрывать свою брешь по желанию.

Дон Хуан почти нервно перебирал пальцами.

— Этим человеком, бросившим вызов смерти, является тот древний видящий, которого нагваль себастьян нашел в 1723 году. Этот день мы считаем началом нашей линии — вторым началом. Этот победитель смерти, который живет на земле уже тысячи лет, изменял жизнь каждого нагваля, с которым встречался — у одних сильнее, у других слабее, причем он встречался с каждым нагвалем нашей линии с 1723 года.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я почувствовал себя странно неловко. Я думал, что мое замешательство было результатом дилеммы: у меня были очень серьезные сомнения в подлинности этой истории и, в то же время, у меня была абсолютно несоответствующая этому уверенность в том, что все, сказанное им, правда. Я рассказал ему о своем затруднении.

— Вопрос рационального недоверия это не только твоя проблема, — сказал дон Хуан. — мой благодетель вначале тоже бился над этим вопросом. Конечно, позднее он вспомнил все, однако это потребовало много времени. Когда мы встретились, он уже собрал все, так что я никогда не видел его в сомнении. Я только слышал о нем.

Странно то, что те, кто никогда не останавливал взгляда на человеке, легче могут принять то, что он один из первоначальных видящих. Мой благодетель говорил, что его затруднения проистекали из того, что шок от встречи с таким существом соединяет вместе рад эманаций. И этим эманациям требуется время, чтобы разделяться.

Продолжая объяснения, дон Хуан сказал, что по мере того, как сдвигается моя точка сборки, придет момент, когда она наткнется на соответствующую комбинацию эманаций: в этот момент доказательства существования этого человека станут для меня совершенно очевидными.

Я почувствовал себя вынужденным еще раз говорить о своем двойственном состоянии.

— Мы отклоняемся от нашего предмета, — сказал он. — может показаться, что я пытаюсь убедить тебя в существовании этого человека. В действительности я хотел сказать о том, что этот древний видящий знает, как обращаться с накапывающей силой, ну а то, веришь ты или не веришь в его существование, не так важно. Однажды ты на опыте убедишься, что он действительно преуспел в перекрытии бреши. Той энергией, которую он заимствует у нагваля каждого поколения, он пользуется исключительно для закрытия этой бреши.

— Как ему удастся закрыть ее? — спросил я.

— Нет пути, чтобы знать это, — ответил он. — я говорил с двумя другими нагвалями, которые виделись с ним лицом к лицу, — с нагвалем Хулианом и нагвалем Элиасом. Никто из них не знал, как. Этот человек никогда не открывает, как он закрыл зазор. Я надеюсь объяснить это через некоторое время. Нагваль себастьян говорил, что когда он впервые увидел этого древнего видящего, этот человек был очень слаб, он почти умирал, однако мой благодетель нашел его лихо витанцовывающим, словно он был молодой человек.

Дон Хуан сказал, что нагваль себастьян прозвал этого безымянного человека «арендатором», так как был поражен методом, каким он получает энергию, арендуя ее, так сказать, а оплачивает он покровительством и знаниями.

— Кто-нибудь пострадал когда-нибудь при этом обмене? — спросил я.

— Никто из нагвалей, обменивавшихся с ним энергией, не пострадал, — ответил он. — обязательства этого человека состоят в том, что он возьмет от нагваля немного избытка его энергии в обмен на дары в виде необычайных способностей. Например, нагваль Хулиан получил походку силы. С ее помощью он мог активизировать или усыплять те эманации в своем коконе, которые делали его то молодым, то старым — по желанию.

Дон Хуан объяснил, что в общем и те, кто бросает вызов смерти, доходят до того, что усыпляют все эманации в своем коконе, за исключением тех, которые соответствуют эманациям олли. Таким образом они получают возможность имитировать в какой-то форме олли.

Дон Хуан сказал, что каждый из тех «победителей смерти», которых мы встретили у скалы, был способен сдвинуть свою точку сборки в такое место на своем коконе, чтобы выделить эманации, общие с олли, для взаимодействия с ними. Но все они оказались неспособными вернуть ее обратно в ее обычную позицию для взаимодействия с людьми. «Арендатор», с другой стороны, способен сдвигать свою точку сборки, чтобы собирать повседневный мир, как если бы никогда ничего не случилось.

Дон Хуан сказал также, что его благодетель был убежден — и он с ним полностью согласен, что во время обмена энергий древний колдун сдвигает точку сборки нагваля, чтобы выделить эманации олли в коконе нагваля. При этом он использует большой толчок энергии, освобождаемый этими эманациями, которые внезапно оказываются настроенными после столь глубокого сна.

Он сказал, что замкнутая в нас энергия, в спящих эманациях, обладает громадной силой и неисчислимым разнообразием. Мы можем только смутно оценить диапазон этой могучей силы, если учтем, что энергия, включенная в восприятие и действия в повседневном мире, является результатом настройки едва ли десятой доли эманаций, заключенных в коконе человека.

— В момент смерти вся эта энергия освобождается сразу, — продолжал он. — и в этот момент живые существа бывают затоплены совершенно невыносимой силой. И вовсе не сила наката разбивает их бреши — эта сила никогда не входит внутрь кокона, она лишь заставляет его разрушиться. Что затопляет их, так это сила всех эманаций, которые внезапно настраиваются после целой жизни сонного состояния. И для этой гигантской силы не остается иного выхода, как через эту брешь.

Он добавил, что древний колдун нашел способ для использования этой энергии. Путем настройки ограниченной и очень специфической части спектра спящих эманаций внутри кокона нагваля он получает ограниченный по диапазону, но гигантский толчок.

— Как, по твоему, он принимает энергию внутрь своего тела? — спросил я.

— Разбивая брешь нагваля, — ответил он. — он сдвигает точку сборки нагваля, пока брешь не откроется немного. Когда энергия вновь настроенных эманаций выходит через отверстие, он принимает ее в свой зазор.

— Зачем этот древний провидец делает это? — спросил я.

— Мое мнение состоит в том, что он пойман в круг, который сам не может разбить, — ответил дон Хуан. — у нас с ним соглашение: он делает все, чтобы его выполнять, так же, как и мы. Мы не судим его, но все же мы должны знать, что его тропа не ведет к свободе. Он знает это, но он знает также, что ничего не может изменить — он пойман в созданную им самим ситуацию. Единственное, что он может делать, это продлевать свое олли-подобное существование, насколько удастся.

15. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФОРМА

Сразу же после обеда дон Хуан и я сели для беседы. Он начал безо всяких предисловий и заявил, что его объяснения подошли к концу. Он сказал, что обсудил со мной во всех подробностях все истины сознания, которые были открыты древними видящими. Он подчеркнул, что теперь я знаю порядок, в каком их выстроили новые видящие. Он сказал, что в последних встречах в связи с его объяснениями он дал мне подробный отчет о двух

силах, помогающих сдвигу нашей точки сборки: толчке земли и накатывающей силе. Он объяснил также три методики, разработанных новыми видящими: искусство следопыта, мастерство намерения и искусство сновидения, а также их влияние на движение точки сборки.

— Теперь, — продолжал он. — для завершения объяснений о мастерстве управления сознанием тебе осталось сделать только одно: разбить самому барьер восприятия. Ты должен сдвинуть свою точку сборки без посторонней помощи и настроить другой великий диапазон эманаций.

— Не сделать этого — значит превратить все, чему ты обучался и что ты делал, просто в беседу, в пустые слова. А слова немного стоят.

Он объяснил, что после того, как точка сборки сдвинута со своего обычного положения и достигнет некоторых глубин, она пересекает некий барьер, который мгновенно прерывает ее способность настраивать эманации. Мы переживаем это как момент перцептуальной слепоты. Древние видящие называли этот момент «стеней тумана», поскольку туман появляется всегда, когда нарушается настройка эманаций.

Он сказал, что при этом есть три способа действовать: барьер можно принять абстрактно, как препятствие для восприятия; его можно почувствовать всем телом, как пересечение тугого бумажного экрана или же его можно увидеть, как стену тумана.

В процессе моего обучения у дон Хуана он бесчисленное количество раз приводил меня к видению барьера восприятия. Вначале мне нравилась идея стены тумана. Дон Хуан предупредил, что древние тоже предпочитали смотреть на нее таким образом. Он сказал, что в таком видении барьера есть большое утешение и легкость, но за этим кроется серьезная опасность замены чего-то непостижимого чем-то сумрачным и многозначительным. Поэтому его рекомендация состоит в том, чтобы непостижимые вещи оставить непостижимыми, а не делать частью каталога-описи первого внимания.

После короткого периода удобства видения стены тумана я должен был согласиться с доном Хуаном, что лучше этот переходный период удерживать как непостижимое отвлечение, но тогда я уже не мог разбить эту фиксацию своего сознания. Каждый раз, когда я был помещен перед необходимостью разбить барьер восприятия, я видел стену тумана.

Однажды в таком случае я пожаловался дону Хуану и Хенаро, что хотя я и хочу видеть это, как что-то другое, я не могу ничего изменить. Дон Хуан прокомментировал это и сказал, что все понятно, поскольку я злобный и сумрачный, и что он и я очень различны: у него легкий характер, и он практичен и не читит человеческую опись-перечисление. Я же, наоборот, не желаю выбросить свою опись в окно, а потому тяжел, злобный и непрактичен. Я был шокирован и подавлен его резкой критикой и очень опечалился. Дон Хуан и Хенаро смеялись, пока по их щекам не потекли слезы.

Хенаро еще добавил, что ко всему я еще мстителен и склонен к ожирению. Они так смеялись, что, наконец, и мне пришлось присоединиться к ним.

Затем дон Хуан сказал, что упражнения по сборке других миров позволяют точке сборки получить опыт в сдвиге. Меня, однако, всегда интересовало, как получить первоначальный толчок для вывода точки сборки из ее исходного положения. Когда я спрашивал его об этом в прошлом, он указывал, что поскольку настройка — это сила, вовлеченная во все, то точку сборки заставляет сдвинуться намерение.

Теперь я опять спросил его об этом.

— Сейчас ты сам обязан ответить на этот вопрос. Мастерство управления сознанием дает толчок точке сборки. В конце концов, от нас остается очень мало: по существу мы — точка сборки, фиксированная в некоторой позиции. Наш враг и в то же время наш друг — это внутренний диалог, наш каталог-перечисление. Будь воином, отсеки свой внутренний диалог: сделай опись и отбрось ее. Новые видящие составляют точные каталоги, а затем осмеивают их. Ну, а без описи-перечисления точка сборки становится свободной.

Дон Хуан напомнил мне, что он немало говорил о самом стойком аспекте нашего каталога-описи: о нашей идее бога. Этот его аспект, сказал он, подобно мощному клею, удерживает точку сборки в ее исходной позиции. Если я хочу собрать другой истинный мир на других великих диапазонах эманаций, то я должен сделать обязательный шаг и освободить все привязки своей точки сборки.

— Этот шаг состоит в том, чтобы видеть человеческий образ, — сказал он. — ты должен сделать это сегодня без посторонней помощи.

— Что такое человеческий образ? — спросил я.

— Я помогал тебе видеть его много раз, — ответил он. — ты знаешь, о чем я говорю.

Я воздержался от того, чтобы сказать, что не знаю. Если он сказал, что я видел человеческий образ, значит я, видимо, делал это, хотя у меня не было даже отдаленного понимания, что это такое.

Он знал, что происходит со мной. Он улыбнулся мне сочувственно и покачал головой.

— Человеческий образ — это громадная связка эманаций в великом диапазоне органической жизни, — сказал он. — она называется человеческим образом потому, что эта связка появляется только внутри кокона человека.

Человеческий образ — это доля эманаций Орла, которую видящие могут видеть непосредственно, не подвергая себя опасности.

Здесь последовала длинная пауза, прежде чем он заговорил опять.

— Разбить барьер восприятия — это последняя задача мастерства управления сознанием, — сказал он. — для того, чтобы сдвинуть точку сборки в эту позицию, ты должен собрать достаточно энергии. Соверши отрезвляющее путешествие. Помни, что ты делаешь!

Я безуспешно пытался припомнить, что такое человеческий образ. Я почувствовал безнадежное отчаяние, которое вскоре сменилось гневом: я негодовал на себя, на дону Хуана, на всех вообще.

Дона Хуана моя ярость не тронула. Как само собой разумеющееся, он сказал, что гнев — это естественная реакция на колебания точки сборки на команду сдвинуться.

— Пройдет много времени до того, как ты сможешь применить принцип, что твоя команда — это команда Орла, — сказал он. — в этом сущность мастерства намерения. А пока дай команду не раздражаться, даже в худшие из моментов сомнения. Процесс происходит медленно, пока команда не будет услышана и ей не будут повиноваться, как командам Орла.

Он сказал также, что есть неизмеримая область сознания между обычным положением точки сборки и позицией, когда уже нет сомнений, которая является местом, где проявляется барьер восприятия. В этой неизмеримой области воины становятся добычей всевозможных недоделок. Он предупредил меня быть настороже и не терять уверенности, поскольку время от времени я буду попадать в тиски чувства отчаяния.

— Новые видящие рекомендуют применять очень простое действие в тех случаях, когда нетерпение, или отчаяние, или гнев, или печаль охватывают воина. Они рекомендуют поворачивать глазами, причем направление не имеет особого значения: я лично предпочитаю вращать ими против часовой стрелки.

Движение глазами сразу же сдвигает точку сборки. Это движение дает освобождение. Это временная замена для тебя истинного мастерства намерения.

Я пожаловался на то, что у него нет достаточно времени, чтобы рассказать мне о намерении.

— Все это придет к тебе однажды, — заверил он меня, — одно ведет к другому: одно ключевое слово — и все это вывалится на тебя, как если бы открылась дверь переполненного шкафа.

Затем он вернулся к рассуждениям о человеческом образе. Он сказал, что видеть самому, без помощи другого — это важный шаг, поскольку у всех нас есть некоторые идеи, которые следует разбить, чтобы освободиться, так как видящий — путешествующий в неведомое — чтобы увидеть непостижимое, должен быть в безукоризненном состоянии бытия.

Он подмигнул мне и сказал, что для того, чтобы быть в безупречном состоянии бытия, следует освободиться от рассудочных допущений и рассудочных страхов. Он добавил, что рассудочные страхи и рассудочные допущения в данный момент не позволяют мне настроить эманации, которые помогли бы мне вспомнить видение человеческого образа. Он заставил меня расслабиться и поворачивать глазами, чтобы вынудить сдвинуться точку сборки. Он снова и снова повторял, что действительно важно вспомнить видение человеческого образа до того, как я увижу его опять. И поскольку он давил на меня некоторое время, не осталось места для моей обычной медлительности.

Я поворачивал глазами, как он указал, и почти немедленно забыл все свои неудобства, а затем внезапный прилив памяти пришел ко мне, и я вспомнил, что видел человеческий образ. Это случилось несколько лет назад в очень памятной для меня ситуации, поскольку с точки зрения моего школьного католического воспитания, дон Хуан сделал самые святотатственные заявления, какие я когда-либо слышал.

Все это началось, как случайный разговор, пока мы путешествовали по холмам пустыни Соноры. Он объяснял мне смысл того, что он делает со мной при своем обучении. Мы остановились для отдыха и сели на какие-то большие валуны. Он продолжал объяснение своей учебной методики, и это вдохновило меня в сотый раз выразить ему свое отношение

к этому. Было очевидно, что он не хочет больше это слышать. Он сдвинул мой уровень сознания и сказал, что если бы я увидел человеческий образ, то понял бы все, что он делает, и что освободило бы от многих лет труда.

Он дал мне подробное объяснение того, что же такое человеческий образ. Он говорил тогда о нем не в смысле эманаций Орла, а в смысле энергетического образа, который служит для печати качеств человечности на аморфной капле биологической материи. Наконец я понял это его объяснение, особенно после того, как он опять описал человеческий образ, используя механическую аналогию. Он сказал, что тот подобен гигантской матрице, штампующей бесконечно человеческие существа, как если бы заготовки подходили к нему по конвейерной ленте. Он живо изобразил этот процесс, стискивая свои ладони, как если бы матрица, формирующая людей, соединяла всякий раз две свои половины. Он сказал также, что все виды имеют свою собственную форму и что всякий индивид каждого вида формируется в условиях, характерных для его рода.

Затем он начал чрезвычайно беспокоящее объяснение относительно человеческого образа. Он сказал, что как древние видящие, так и мистики нашего мира имеют одно общее свойство: они были способны видеть человеческий образ, но не поняли, что это такое. Веками мистики давали нам волнующие отчеты о своих переживаниях, однако эти отчеты, как бы они ни были прекрасны, страдали от большой и безнадёжной ошибки в допущении, что этот образ — всемогущий и всеведущий творец. Такой же была интерпретация древних видящих, которые называли человеческий образ «добрым духом», «защитником человека».

Он сказал, что у новых видящих оказалось достаточно трезвости, чтобы видеть человеческий образ и понять, что он такое. То, к чему они пришли, это то, что человеческий образ — не творец, а образ всех человеческих атрибутов, о которых мы можем думать, а о некоторых из них мы даже неспособны и помыслить. Образ — это наш бог, поскольку мы то, что он изображает на нас, а не потому, что творит из ничего по своему образу и подобию.

Дон Хуан сказал, что, по его мнению, падать на колени в присутствии человеческого образа отдаёт высокомерием и человеческой самоцентричностью.

Когда я услышал объяснения дона Хуана, я ужасно забеспокоился. Хотя я и не считал себя практическим католиком, я был поражен его святотатственными выводами. Я вежливо его выслушал, но ждал паузы в заградительном огне его святотатственных суждений, чтобы сменить тему. Но он продолжал повторять свое безжалостным образом. Наконец я прервал его и сказал: «я верю, что бог существует».

Он возразил, что мое убеждение основано на вере и, как таковое, является вторичным, а следовательно, ничего не вносит нового. Он сказал, что мое верование в существование бога, как и каждого другого, основано на слухах, а не на моем видении.

Он уверил меня, что если бы я даже мог видеть, то допустил бы тот же просчет, какой допустили мистики: каждый, кто видит человеческий образ, автоматически допускает, что это бог.

Он назвал мистический опыт случайным видением, краткосрочным делом, которое вообще не имеет значения, поскольку оно результат случайного движения точки сборки. Он уверял, что только новые видящие действительно являются теми, кто может вынести справедливое суждение по этому вопросу, поскольку они отвергли случайное видение и способны видеть человеческий образ так часто, как хотят.

Поэтому они увидели, что то, что мы называем богом — это только статический прототип человечности без всякой власти, так как человеческий образ ни при каких обстоятельствах не может помочь нам, вмешиваясь за нас, отвергая наши злодеяния или вознаграждая как-либо. Мы просто результат его печати — мы его отпечаток. Образ человека — это точно то, что говорит это слово, это образец, форма, слепок, группирующие связку нитеобразных элементов, которую мы называем человеком.

То, что он сказал, погрузило меня в состояние большого отчаяния, но мои истинные мучения его, казалось, мало трогали. Он продолжал колоть меня тем, что называл непростительным преступлением случайных видящих, которые заставили нас сфокусировать свою невозместимую энергию на чем-то, что совсем не имеет энергии сделать что-либо.

Чем больше он говорил, тем сильнее была моя досада, и когда я был уже так расстроен, что мог накричать на него, он заставил меня сместиться в еще более глубокое состояние повышенного сознания. Он ударил меня справа между подвздошной костью и реберной клеткой. Этот удар ввел меня в состояние парения в лучезарном свете, в чистом источнике, исключительно мирном и благодатном. Этот свет был небом, оазисом в окружающей темноте.

По моим субъективным оценкам я видел этот свет неизмеримо долго. Великолепие этого зрелища было выше всего, что я могу сказать, и все же я не могу выразить того, что же придавало ему такую красоту. Затем пришла мысль, что его красота исходит из чувства гармонии, из чувства мира и отдыха, из чувства прибытия в гавань и, наконец, безопасности. Я чувствовал себя совершающим вдохи и выдохи легко и покойно. Какое великолепное чувство полноты! Я знал без тени сомнения, что стою лицом к лицу с богом, источником всего, и я знал, что бог любит меня — бог есть любовь и всепрощение. Этот свет омывал меня, и я чувствовал себя чистым, свободным. Я бесконтрольно плакал, главным образом о себе: видение этого великолепного света заставило меня почувствовать себя недостойным, мерзким.

Внезапно я услышал в ухе голос дон Хуана. Он говорил, что мне нужно выйти за пределы образа, что образ — это только стадия, остановка, которая временно дает мир и безмятежность тем, кто отправляется в неведомое, но что она бесплодна, статична, что это только плоское отражение в зеркале, и само зеркало — в нем отражается человеческий образ. Я страстно отверг то, что сказал дон Хуан. Я взбунтовался против его богохульственных, святотатственных слов. Мне хотелось ответить ему, как следует, но я не мог разорвать связывающую власть своего видения: я был пойман ею. По-видимому, дон Хуан точно знал, что я чувствую и что я хочу сказать ему.

— Ты не можешь выругать нагваля, — сказал он мне в ухо. — именно нагваль помог тебе видеть — методика нагваля, власть нагваля. Нагваль — твой проводник.

В этом месте я осознал нечто относительно голоса, который слышал в ухе: это не был голос дон Хуана, хотя он звучал совсем так же, как его голос. Во всяком случае голос был прав: зачинщиком этого видения был нагваль Хуан Матус. Его методика и его власть позволили мне видеть бога. Он сказал, что это не бог, а человеческий образ. Я знал, что он прав, и все же я не мог признать этого, и не от раздражения или упрямства, а из чувства предельной преданности и любви к божеству, которое было передо мной.

Пока я созерцал этот свет со всей страстной силой, на какую был способен, свет, казалось, сконденсировался, и я увидел человека, сияющего человека, излучавшего благодать, любовь, понимание, искренность, истину — человека, который был соединением всего доброго.

Воспламенение, какое я почувствовал, увидев этого человека, было намного выше всего, что я когда-либо переживал в своей жизни, и я упал на колени: мне хотелось поклониться олицетворенному богу, но дон Хуан вмешался и постучал по верху левой части моей грудной клетки вблизи ключицы — и я потерял видение бога.

Я остался с мучительным чувством, смесью угрызений совести, возвышенного волнения и сомнений. Дон Хуан осмеивал меня: он называл меня набожным и беспечным и сказал, что из меня вышел бы великий священник, ну а теперь я смогу стать духовным вождем, у которого был случай видеть бога. В язвительном тоне он советовал мне начать проповедовать и описывать всем то, что я видел.

Очень небрежно, но очевидно заинтересованно он сделал одно замечание, которое было полувопросом-полуутверждением:

— Ну, а человек? — спросил он. — можешь ли ты забыть, что бог — мужчина?

Огромность чего-то неопределенного начала прорезываться во мне, пока я входил в состояние повышенной ясности.

— Очень удобно, а? — сказал дон Хуан, улыбаясь. — бог — мужчина. Какое облегчение!

Рассказав дону Хуану теперь о том, что я вспомнил, я спросил его о том, что меня так поразило. Чтобы увидеть человеческий образ, я, очевидно, должен был пройти через сдвиг точки сборки: воспоминание тех чувств и осознание, какие тогда у меня были, оставались такими живыми, что меня охватило чувство предельной бесплодности всего. Все, что я тогда делал и чувствовал, я чувствовал и сейчас. И я спросил его, как это возможно, чтобы имея такое ясное всеохватывающее понимание, я вдруг забыл его совершенно. Было так, как если бы все, что происходило со мной, не имело значения, так как мне всегда приходилось начинать сначала, независимо от того, как я продвинулся в прошлом.

— Это только эмоциональное впечатление, — сказал он. — совершенно неверная оценка. То, что ты делал годы назад, прочно заключено в некоторых неиспользуемых эманациях. В тот день, например, когда я заставил тебя видеть человеческий образ, у меня было свое собственное заблуждение: я думал, что если ты увидишь его, то поймешь его. Это было настоящее непонимание с моей стороны.

Дон Хуан объяснил, что он всегда считал себя медлительным в деле понимания, но у него никогда не было возможности оценить это в действительности, так как не было точки отсчета. Однако когда появился я и он стал учителем, что было для него чем-то совершенно новым, он осознал, что нет способа ускорить понимание и что только сдвига

точки сборки недостаточно. А его учили, что этого достаточно. Вскоре он понял, что поскольку точка сборки обычно сдвигается во время сна, иногда на очень отдаленные позиции, то когда мы подвергаемся искусственному сдвигу, мы все оказываемся экспертами по немедленной компенсации этого. Мы постоянно выходим из равновесия, и все же действуем так, как если бы с нами ничего не случилось.

Он заметил, что ценность вывода новых видящих не выявляется до того, пока не попытаешься сдвигать чью-то еще точку сборки. Новые видящие говорят, что в этом отношении идут в счет только усилия по укреплению устойчивости точки сборки в новом положении. Только эту методику обучения они считают достойной обсуждения и они знают, что это длительный процесс, который можно осуществить лишь постепенно, черепашными темпами.

Дон Хуан сказал затем, что пользовался вначале растениями силы в соответствии с рекомендациями новых видящих. Они знали по опыту и из видения, что растения силы вытряхивают точку сборки из ее обычной установки. Воздействие растений силы на точку сборки, в принципе, очень подобно воздействию снов: сны заставляют ее двигаться. Но растения силы осуществляют этот сдвиг в большем и всепоглощающем масштабе. Дезориентирующее влияние такого сдвига используется затем учителем для подкрепления утверждения, что восприятие мира никогда не бывает окончательным.

Я вспомнил затем, что видел человеческий образ за многие годы еще пять раз. С каждым разом я все больше терял свою страстную привязанность к нему, однако я никогда не мог преодолеть того факта, что всегда вижу бога в виде мужчины. В конце концов это перестало для меня быть богом, а стало человеческим образом — не потому, что так говорил дон Хуан, а потому, что наличие мужского бога не выдерживало критики. Я понял тогда заявления дон Хуана об этом: они совсем не были богохульственными или святотатственными — он сделал их не на основе контекста повседневного мира. Он был прав, когда сказал, что новые видящие перешли рубеж в способности видеть человеческий образ так часто, как захотят, но, что было еще важнее для меня, у них было достаточно трезвости, чтобы исследовать то, что они видели.

Я спросил его, почему вижу человеческий образ всегда как мужчину. Он ответил, что это объясняется тем, что моя точка сборки еще не обладает достаточной устойчивостью в новом положении и подвергается боковому сдвигу в человеческой полосе. Это подобно тому, как мы видим барьер восприятия как стену тумана. То, что приводит к боковому сдвигу точки сборки, так это почти неодолимое желание, или необходимость, передать непонятное через то, что нам вполне знакомо: барьер — как стену, а человеческий образ — как человека, поскольку он не может быть, видимо, ничем иным. Он думал, что, если бы я был женщиной, то увидел бы этот образ, пожалуй, в виде женщины.

Дон Хуан встал и сказал, что пришло время прогуляться в город, так как мне следует увидеть человеческий образ в гуще народа. В молчании мы пошли к площади, но до того, как попали туда, я почувствовал неудержимый поток энергии и побежал обратно по улице к окраине городка. Я вышел к мосту и там увидел человеческий образ как великолепный, теплый янтарный свет.

Я упал на колени, не столько из чувства набожности, сколько из благоговейного ужаса. Вид человеческого образа был более удивителен, чем когда-либо. Я почувствовал, без всякого высокомерия, что претерпел огромное изменение с тех пор, когда увидел его впервые, и, однако, все, что я видел с тех пор и узнал, дало мне только возможность еще лучше и глубже понять, что за чудо у меня перед глазами.

Вначале человеческий образ был наложен на вид моста, затем я перефокусировал зрение и увидел человеческий образ простирающимся вверх и вниз в бесконечность. Мост при этом был просто тощей оболочкой, крошечным наброском, наложенным на вечное. И такими же были маленькие фигурки людей,двигающихся вокруг меня и глядящих на меня с нескрываемым любопытством. Но я был за пределами их касаний, хотя в этот момент я был уязвим настолько, насколько это возможно. Человеческий образ не имел власти защитить меня или сохранить, и все же я любил его со всей страстью, не знающей предела.

Я подумал, что понимаю теперь то, что дон Хуан повторял мне многократно: что реальную привязанность нельзя положить в банк. Я с радостью остался бы рабом человеческого образа, и не за то, что он может мне дать — ему ведь нечего дать — а из чистого чувства, какое я испытывал к нему.

Я почувствовал, что кто-то тянет меня, но прежде, чем исчезнуть из его присутствия, я выкрикнул обещание человеческому образу, но гигантская сила вытащила меня оттуда прежде, чем я успел изложить то, что хотел. Я оказался стоящим коленопреклоненным на

мосту, а группа крестьян смотрела на меня и смеялась. Ко мне подошел дон Хуан, помог подняться и отвел меня обратно.

— Есть два пути видеть человеческий образ, — начал дон Хуан, как только мы уселись. — его можно видеть как человека или как свет. Это зависит от сдвига точки сборки: если сдвиг будет боковым, тогда образ — человеческое существо, а если сдвиг идет по среднему сечению человеческого диапазона, тогда образ будет светом. Единственная ценность того, что ты сделал сегодня, в том, что твоя точка сборки сдвинулась по среднему сечению.

Он сказал, что позиция, где виден человеческий образ, очень близка к позиции, где появляется тело сновидения и барьер восприятия. В этом причина того, что новые видящие рекомендуют практиковать видение и понимание человеческого образа.

— Уверен ли ты в том, что понял, что представляет собой человеческий образ? — спросил он с улыбкой.

— Уверю тебя, дон Хуан, что совершенно ясно осознаю, что представляет собой человеческий образ, — сказал я.

— Я слышал, когда вошел на мост, как ты выкрикивал бессмысленные вещи человеческому образу, — сказал он с очень озорной улыбкой.

Я сказал ему, что чувствовал себя, как негодный слуга, поклоняющийся бесценному господину, и все же я был движим чистым чувством, обещая ему неувядающую любовь.

Он нашел все это очень веселым и смеялся до упаду.

— Обещание негодного слуги бесценному господину негодно, — сказал он и опять захлебнулся смехом.

Я не чувствовал, что защищаю свою позицию. Мои чувства к человеческому образу были высказаны без мысли о вознаграждении: для меня не имело значения, что мои обещания негодны.

16. ПУТЕШЕСТВИЕ ТЕЛА СНОВИДЕНИЯ

Дон Хуан сказал мне, что мы оба собираемся поехать в город Оаксаку в последний раз. Он очень ясно выразил то, что мы уже никогда больше не будем там вместе. Он сказал, что его чувства, возможно, когда-либо вернутся в это место, но вся совокупность его — никогда.

В Оаксаке дон Хуан часами всматривался в мирские, тривиальные вещи: в поблекшие цвета стен, в формы отдаленных гор, в узоры трещин на асфальте, в лица людей. Затем мы подошли к площади и сели на его любимую скамейку, которая была не занята, что было всегда, когда он этого хотел.

Во время нашей долгой прогулки по центру города я пытался всеми силами вогнуть себя в настроение печали и хмурости, но просто не смог этого сделать. В его предстоящем уходе было что-то праздничное. Он объяснил это как неустойчивую крепость полной свободы.

— Свобода подобна заразной болезни, — сказал он. — она передается. Ее носителем является безупречный нагваль. Люди не ценят этого, потому что они не хотят быть свободными. Свобода устрашающая, помни это, но не для нас. Я готовил себя почти всю мою жизнь к этому моменту. И ты тоже.

Он снова и снова повторял, что на той стадии, на которой я нахожусь, никакие рассудочные допущения не должны вторгаться в мои действия. Он сказал, что тело сновидения и барьер восприятия — позиции точки сборки и что знание также важно для видящих, как письмо и чтение для современного человека. И то, и другое достигается только годами практики.

— Очень важно, чтобы ты вспомнил прямо сейчас, — сказал он с особой настойчивостью. — время, когда твоя точка сборки достигла этой позиции и это создало твое тело сновидения.

Затем он улыбнулся и отметил, что у нас очень мало времени. Он сказал, что воспоминание о главных путешествиях тела сновидения поместит мою точку сборки в положение преодоления барьера восприятия для того, чтобы собрать другой мир.

— К телу сновидения прилагают разные понятия, — сказал он после долгой паузы. — название, которое я люблю больше всего, «двойник». Этот термин принадлежит древним видящим и окрашен их настроением. Мне нет дела до их настроения, но я должен признаться, что мне нравится этот термин «двойник»: в нем есть таинственность и запрещение, как раз так же, как в древних видящих. Он дает мне чувство темноты, теней. Древние видящие говорили, что двойник всегда приходит облаченным в ветер.

В течение многих лет дон Хуан и другие члены его партии стремились довести до меня, что мы можем быть в двух местах одновременно — что мы можем пережить своего рода перцептуальный дуализм.

Пока дон Хуан говорил, я начал вспоминать нечто, так глубоко забытое, что вначале казалось, будто я только слышал об этом. Но затем, шаг за шагом, я осознал, что сам пережил этот опыт.

Я был тогда в двух местах одновременно. Это случилось однажды ночью в горах северной Мексики. Весь день мы с доном Хуаном собирали растения. Мы устроились на ночлег, и я уже почти засыпал от усталости, когда внезапно я почувствовал порыв ветра и из темноты выпрыгнул дон Хенаро как раз передо мной и напугал меня до смерти.

Первая моя мысль была подозрением: я полагал, что дон Хенаро весь день прятался в кустах, ожидая, пока опустится ночь, чтобы осуществить свое устрашающее появление. Когда я взглянул, как он выхаживает вокруг, я заметил, что с ним этой ночью происходит что-то странное: нечто осязаемое, реальное, и все же нечто, что я не могу ухватить.

Он шутил со мной и гарцевал вокруг, вытворяя то, что поражало мой рассудок. Дон Хуан смеялся над моим страхом, как идиот, когда же он решил, что подошло время, он сместил меня в состояние повышенного сознания, и на мгновение я смог увидеть дон Хуана и дон Хенаро как два пузыря света. Хенаро не был во плоти и крови, как я знал его в состоянии обычного сознания — это было его тело сновидения. Я могу сказать это, потому что видел его как огненный шар, находящийся над землей. Он не был заземлен, как дон Хуан. Было так, как если бы Хенаро, этот пузырь света, был на грани взлета — обратно в воздух: он был в двух футах от земли, готовый унести.

Другое, что я сделал той ночью и что внезапно стало мне ясно по мере того, как я вспоминал это событие, а теперь знал уже автоматически: нужно поворачивать глазами, чтобы заставить сдвинуться точку сборки. Я мог своим намерением настроить эманации, которые позволяли мне видеть Хенаро как пузырь света, или же я мог настроить эманации, позволяющие мне видеть его просто странным, неведомым, чужим.

Когда я видел Хенаро в странном виде, его глаза недоброжелательно светились, как глаза зверя в темноте, но они, тем не менее, были глазами: я не видел их как точки янтарного света.

В ту ночь дон Хуан сказал, что Хенаро собирается помочь моей точке сборки сдвинуться особенно глубоко, чтобы я смог подражать ему и следовать всему, что он делает. Хенаро отставил свой зад, а затем двинул с силой вперед своим тазом. Я подумал, что это непристойный жест. Он повторял его снова и снова, двигаясь вокруг нас, как в танце.

Дон Хуан подтолкнул меня локтем, принуждая имитировать движения Хенаро, и я стал это делать. Оба мы носились вокруг, выполняя это абсурдное движение. Через некоторое время я почувствовал, что мое тело выполняет это движение само по себе без того, что казалось мне реальным мной. Это разделение моего тела и реального меня стало еще более явным, а затем, в какой-то момент, оказалось, что я смотрю на смехотворную сцену, в которой два человека делали друг за другом похотливые движения.

Я следил, зачарованный, и осознал, что один из них — это я. В тот момент, когда я осознал это, я почувствовал, что что-то тянет меня, и я опять оказался выпячивающим свой таз назад и вперед вместе с Хенаро. Почти тотчас я заметил, что другой человек, стоящий рядом с доном Хуаном, следит за нами. Его обдувал ветер: я видел, как вздымались его волосы. Он был нагим и казался в затруднении. Ветер собрался вокруг него, как бы предохраняя его, или наоборот, пытаясь его унести.

Я начал медленно осознавать, что этот другой человек тоже я. Когда я это понял, то был потрясен: необъяснимая физическая сила разнесла меня на части, как если бы я был составлен из волокон, и я опять смотрел на человека, который был мной, скачущего с Хенаро и глядящего на меня во время моего взгляда. И в то же время я глядел на обнаженного, который тоже был мной, взирающего на меня, когда я делал похотливые движения вместе с Хенаро. Этот толчок был таким сильным, что я сбился с ритма своих движений и упал.

Следующее, что я знаю, это то, что дон Хуан помог мне встать. Хенаро и другой я, обнаженный, исчезли. Я помню также, что дон Хуан отказался тогда обсуждать это событие. Он не объяснил его, сказав только, что Хенаро — эксперт по созданию своего дубля, или двойника, и что у меня было немало взаимодействий с дублем Хенаро в состоянии обычного сознания, чего я никогда не замечал.

— В ту ночь Хенаро, как он делал это сотни раз до этого, заставил свою точку сборки продвинуться очень глубоко влево, — прокомментировал дон Хуан, после того, как я рассказал ему все, что помнил.

Его власть была такой, что он загнал твою точку сборки в позицию, где появляется тело сновидения. Ты увидел свое тело сновидения, следящее за тобой. Весь трюк в его танце.

Я попросил его объяснить, как похотливые движения Хенаро смогли произвести такое сильное воздействие.

— Ты жеманный, — сказал он. — выполняя похотливый жест, Хенаро намеренно воспользовался твоим явным отвращением и замешательством, ну, а поскольку он был в теле сновидения, то у него была власть видеть эманации Орла. Используя это преимущество, было просто заставить сдвинуться твою точку сборки.

Он сказал, что то, что помог мне сделать Хенаро в ту ночь, очень немного из того, что Хенаро делал с моей точкой сборки, заставляя ее создавать тело сновидения много, много раз, но он пока не хочет, чтобы я вспомнил те случаи.

— Я хочу, чтобы ты перестроил соответствующие эманации и вспомнил то время, когда ты действительно проснулся в позиции сновидения, — сказал он.

Странная волна энергии, казалось, взорвалась во мне, и я уже знал, что он хочет, чтобы я вспомнил, однако я не мог сфокусировать свою память на полном событии: я мог вспомнить его только фрагментарно.

Я вспомнил, что однажды утром дон Хуан, дон Хенаро и я сидели на той самой скамейке, и я тогда был в своем нормальном состоянии сознания. Совершенно неожиданно дон Хенаро сказал, что он собирается заставить свое тело оставить скамейку, не вставая. Это утверждение совершенно выпадало из контекста нашей беседы, а я уже привык к упорядоченным, назидательным словам и действиям дона Хуана. Я повернулся к дону Хуану, ожидая объяснения, но он остался бесстрастным и глядел прямо перед собой, как если бы ни меня, ни Хенаро здесь вовсе не было.

Дон Хенаро толкнул меня, привлекая мое внимание, а затем я увидел чрезвычайно тревожащую картину: я увидел Хенаро на другой стороне площади. Он манил меня к себе, но я также видел Хенаро, сидящего рядом и глядящего прямо перед собой, как дон Хуан.

Я хотел сказать что-то, чтобы выразить свой благоговейный ужас, но обнаружил, что онемел, охваченный какой-то силой, которая не позволяла говорить. Я опять взглянул на Хенаро через парк: он по-прежнему был там, показывая жестом головы, чтобы я присоединился к нему.

Мое эмоциональное страдание нарастало с каждой секундой. Мой живот выворачивался, и у меня, наконец, появилось видение тоннеля, который вел прямо к Хенаро на другой стороне площади. А затем великое любопытство, или великий страх, что в тот момент было одним и тем же, потянуло меня туда, где был он. Он заставил меня повернуться и указал на троих людей, сидящих на скамейке в застывших позах, как если бы время остановилось.

Я чувствовал ужасное беспокойство, какой-то внутренний зуд, как если бы мягкие органы моего тела были в огне, а затем я был опять на скамейке, а Хенаро ушел. Он помахал мне на прощание рукой через площадь и исчез среди людей, идущих на рынок.

Дон Хуан очень оживился. Он смотрел на меня непрерывно. Он встал и обошел меня, затем сел опять и не смог удержать строгого выражения лица, когда смотрел на меня.

Я понял, почему он действует таким образом: я вошел в состояние повышенного сознания без помощи дона Хуана, Хенаро самому удалось сдвинуть мне точку сборки.

Я невольно засмеялся, видя, как дон Хуан торжественно засовывает мою шариковую ручку в свой карман. Он сказал, что собирается воспользоваться моим состоянием повышенного сознания, чтобы показать мне, что нет конца тайне человека и тайне мира.

Я сосредоточил все свое внимание на его словах, но он сказал что-то, чего я не понял. Я попросил его повторить то, что он сказал, но не мог понять ни слова из того, что он говорил: он либо говорил на чужом мне языке, либо просто бормотал. Станным во всем этом было то, что что-то поймало мое личное внимание: или ритм его речи, или мое усилие понять его. У меня появилось чувство, что мой ум отличается от обычного, хотя я не мог выразить, в чем это отличие. Я тяжело задумался, рассуждая о том, что же происходит.

Дон Хуан говорил очень тихо мне в ухо. Он сказал, что поскольку я вошел в состояние повышенного сознания совсем без всякой помощи с его стороны, то фиксация моей точки сборки очень ослабла, и я могу позволить ей сдвинуться влево путем расслабления, наполовину уснув на этой скамейке. Он уверял меня, что последит за мной и что мне нечего бояться. Он вынуждал меня расслабиться и позволить сдвинуться моей точке сборки.

Мгновенно я почувствовал телесную тяжесть глубокого сна. В один из моментов я осознал, что вижу сон: я увидел дом, который видел раньше. Я приближался к нему, как если бы шел по улице. Были и другие дома, но я не обращал на них никакого внимания: что-то фиксировало мое сознание на том доме, который я видел. Это был большой современный панельный дом с лужайкой перед парадной дверью.

Когда я приблизился к дому, у меня появилось чувство сродства с ним, как если бы я его уже видел во сне. Я вышел на гравийную дорожку к главной двери: она была открытой, и я вошел внутрь. Там был большой зал и большая жилая комната направо с темно-красной

кушеткой и соответствующими креслами, стоящими в углу. У меня, очевидно, было тоннельное зрение: я мог видеть только то, что находилось перед глазами.

У кушетки стояла молодая женщина, так, как будто она только что поднялась, когда я вошел. Она была тонкой и высокой, и исключительно хорошо одета в заказной костюм. Ей было около двадцати. У нее были темно-каштановые волосы, жгучие карие глаза, которые, казалось, улыбались, и острый тонко очерченный нос. Цвет лица был светлый, но с оливковым отливом. Мне она показалась восхитительно прекрасной. Очевидно, она была американкой. Она кивнула мне, улыбаясь, и протянула руки ладонями вниз, как если бы хотела помочь мне подняться.

Я схватил ее руки самым неуклюжим образом. Я перепугался и хотел отступить, но она держала меня крепко и все же очень нежно. Ее ладони были длинные и прекрасные. Она говорила со мной по испански с легким акцентом. Она умоляла меня расслабиться, почувствовать ее руки, сосредоточить свое внимание на ее лице и следить за движениями ее рта. Я хотел спросить ее, кто она, но не мог вымолвить ни слова.

Затем я услышал голос дон Хуана в ухе. Он сказал: «а, вот ты где!» — как если бы он только что нашел меня. Я сидел на парковой скамье. Но я мог также слышать голос молодой женщины. Она сказала: «иди и сядь со мной». Я сделал это, и тут начался самый невероятный сдвиг точек зрения — я попеременно был то с доном Хуаном, то с этой молодой женщиной. Я мог видеть каждого из них так же ясно, как и все остальное.

Дон Хуан спросил меня, люблю ли я ее, нахожу ли ее привлекательной и утешительной. Я не мог говорить, но как-то сообщил ему свое чувство: что мне безмерно нравится эта девушка. Я думал, без всяких задних мыслей, что она образец доброты и что она необходима для того, что дон Хуан делает со мной.

Дон Хуан опять заговорил мне в ухо и сказал, что если я ее так люблю, то должен проснуться в ее доме: мое горячее чувство и любовь к ней будут мне проводниками. Я чувствовал себя весело и отважно. Ощущение всеохватывающего возбуждения заструилось сквозь мое тело: было такое чувство, как будто это возбуждение разнимает меня на части, но меня не беспокоило то, что со мной происходит. Я радостно погрузился в черноту, настолько черную, что это превыше всякого словесного выражения, а затем обнаружил себя в доме молодой женщины. Я сидел с ней на кушетке.

После мгновения чистой животной паники я осознал, что в чем-то я не полон — во мне не хватало чего-то, однако я не нашел, что ситуация угрожающая. У меня в уме появилась мысль, что я в сновидении и что сейчас я собираюсь проснуться на парковой скамье в Оаксаке, с доном Хуаном, где я действительно был по своей природе.

Молодая женщина помогла мне подняться и повела в ванную, где большая ванна была наполнена водой. Тогда я осознал, что стою совершенно голый. Она нежно помогла мне залезть в ванну и держала мою голову, пока я почти плавал в ней.

Через некоторое время она помогла мне выйти из ванны. Я чувствовал себя слабым и непрочным. Я лег на кушетку в жилой комнате, и она приблизилась ко мне. Я мог слышать биение ее сердца и давление крови в ее жилах. Ее глаза были, как два источника, излучающих что-то странно среднее между светом и теплом. Я знал, что вижу силу жизни, исходящую из ее тела через глаза. Все ее тело было как живая печь — она пылала.

Я почувствовал роковую дрожь, которая пронизывала все мое существо. Было так, как будто мои нервы обнажились и кто-то дергал их. Это ощущение было агонизирующим. Затем я либо упал в обморок, либо уснул.

Когда я пробудился, кто-то положил мокрые холодные полотенца на мое лицо и на затылок. Я увидел молодую женщину, сидящую у изголовья кровати, на которой я лежал. На ночном столике стояло ведро воды. В ногах у меня стоял дон Хуан с моей одеждой в руках. Тогда я полностью проснулся и сел. Они закрыли меня одеялом.

— Ну, как дела, путешественник? — спросил дон Хуан, улыбаясь. — в одном ли ты теперь месте?

Это было все, что я мог вспомнить. Я рассказал этот эпизод дону Хуану, и пока говорил, вспомнил еще один фрагмент. Я вспомнил, что дон Хуан насмеялся и допытывался, как это я попал обнаженный в женскую кровать. Я тогда ужасно разозлился на его замечания. Я оделся и в ярости выскочил на улицу.

Дон Хуан догнал меня на лужайке перед домом. Очень серьезным тоном он сказал мне, что я опять вернулся к своему безобразному глупому «я» и что я собрал себя путем замешательства, а это показывает, что нет конца моему чувству самодовольства. Однако он добавил примиряющим тоном, что в данный момент это не важно. Важно, фактически, то, что я сдвинул свою точку сборки очень глубоко влево, и, как следствие, преодолел огромное расстояние. Он говорил о чудесах и тайнах, но я не был способен слушать его, так как находился под перекрестным огнем страха и чувства собственной важности. Я

почти дымился. Я был уверен, что дон Хуан загипнотизировал меня в парке, а затем перенес в дом этой девушки, и что оба они сделали со мной что-то ужасное.

Моя ярость прервалась внезапно: что-то там, на улице, было настолько устрашающим, настолько шокирующим, что мой гнев мгновенно исчез, но до того, как мои мысли успели полностью организовать, дон Хуан ударил меня по спине, и ничего не осталось от того, что только что происходило. Я вошел в блаженное состояние своей повседневной глупости и обнаружил себя весело слушающим дон Хуана и беспокоящимся о том, нравлюсь ли я ему.

Пока я рассказывал дону Хуану о новом фрагменте, который только что вспомнил, я осознал, что одним из его методов для успокоения моих эмоциональных мучений было смещение меня в повседневное состояние сознания.

— Единственная вещь, утешительная для тех, кто путешествует в неведомое, это забвение, — сказал он. — какое облегчение оказаться опять в повседневном мире!

— В тот день ты совершил великолепный подвиг. Для меня трезвым поведением было не дать тебе возможности вообще сфокусироваться на этом, так что когда ты действительно вошел в состояние паники, мне пришлось сместить тебя в обычное состояние сознания: я сдвинул твою точку сборки туда, где уже нет сомнений. У воина есть две таких ее позиции: в одной у тебя больше нет сомнений, потому что ты знаешь все, в другой, которая соответствует обыденному сознанию, у тебя нет сомнений, так как ты ничего не знаешь.

— Тогда для тебя было слишком рано знать, что в действительности произошло, но я думаю, что теперь как раз наступило нужное время. Глядя на ту улицу, ты уже был близок к тому, чтобы понять, где была твоя позиция сновидения. В тот день ты преодолел огромное расстояние.

Дон Хуан пристально рассматривал меня с выражением радости и печали, а я пытался сделать все, что мог, чтобы сдержать странное возбуждение, которое охватило меня. Я чувствовал, что потерял что-то ужасно для меня важное в глубинах своей памяти или, как сказал бы дон Хуан, «внутри некоторых неиспользуемых эманаций, которые однажды были настроены».

Моя борьба за то, чтобы оставаться спокойным, оказалась бесполезной, мои колени вдруг задрожали и нервные спазмы прокатились посередине моего тела. Я мямлил, неспособный задать вопроса. Мне пришлось долго делать глотательные движения и глубоко дышать, прежде чем я обрел спокойствие.

— Когда мы сели здесь для беседы, я сказал, что никакие рассудочные допущения не должны вмешиваться в действие видящего, — продолжал он строгим голосом. — я знаю, что для того, чтобы признать то, что ты сделал, тебе придется расстаться с рассудочностью, но ты можешь сделать это на том уровне сознания, на котором ты находишься сейчас.

Он объяснил, что я должен понять, что рассудочность — это условие настройки: просто результат положения точки сборки. Он подчеркнул, что я должен понимать это, когда нахожусь в состоянии большей уязвимости, как в данный момент. Понять это тогда, когда моя точка сборки достигает положения, где уже нет сомнений, бесполезно, поскольку состояние такого рода обычно для этой позиции. Также бесполезно понять это в состоянии обычного сознания: в этом состоянии такое понимание — это всегда только эмоциональный взрыв, и оно длится, пока не пройдет эта эмоция.

— Я сказал, что в тот день ты преодолел большое расстояние, — сказал он спокойно. — и я сказал это потому, что знаю: это так. Я был там, ты помнишь?

Я вспотел насквозь от нервозности и тревоги.

— Ты переместился, поскольку проснулся в отдаленной позиции сновидения, — продолжал он. — когда Хенаро перетянул тебя через площадь, прямо отсюда, с этой скамьи, он вымостил дорогу для твоей точки сборки сдвигаться вообще из нормального состояния сознания в то, когда появляется тело сновидения. Твое тело сновидения в действительности пролетело, в мгновение ока, невероятное расстояние, но не это важно. Тайна — в позиции сновидения. Если она достаточно сильна, чтобы притянуть тебя, ты можешь дойти до границ этого мира или зайти за них так, как это делали древние видящие. Они исчезали из этого мира, поскольку пробуждались в позиции сновидения за пределами известного. Твоя позиция сновидения в тот день была в этом мире, но на значительном расстоянии от города Оаксака.

— Как происходит путешествие такого рода? — спросил я.

— Нет возможности знать, как оно происходит, — ответил он. — сильная эмоция, или негибимое намерение, или большой интерес служат проводниками. Затем точка сборки мощно фиксируется в позиции сновидения и остается там достаточно долго, чтобы перетянуть туда все эманации, какие есть внутри кокона.

Затем дон Хуан сказал, что бесчисленно много раз за время нашего взаимодействия он заставлял меня видеть, и это было как в нормальном состоянии, так и в состоянии повышенного сознания. Бесчисленно много раз я видел то, что теперь начинаю понимать более связным образом. Эта связность не логическая и не рассудочная, однако она, тем не менее, проясняет, хотя бы и самым странным образом, все, что я делал, все, что сделано для меня, и все, что я видел за эти годы с ним.

Он сказал, что теперь я нуждаюсь в одном последнем разъяснении: в связном, хотя и не рациональном сознании, что все в мире, где мы обучились восприятию, неразрывно связано с позицией, в которой находится точка сборки. Если точка сборки выведена из этого положения, мир перестает быть тем, чем является для нас.

Дон Хуан утверждал, что смещение точки сборки за пределы средней линии кокона человека заставляет весь мир, известный нам, мгновенно исчезнуть из поля зрения, как если бы он стерся, потому что стабильность и субстанциональность, которые кажутся принадлежащими воспринимаемому нами миру, это только сила настройки. Некоторые эманации оказываются настроенными рутинно, и это объясняется фиксацией точки сборки на определенном месте. Это все, что касается этого мира.

— Прочность мира — это не мираж, — продолжал он. — миражем является фиксация точки сборки на каком-то месте. Когда видящие сдвигают свою точку сборки, они встречаются не с иллюзией, они встречаются с другим миром. Этот другой мир настолько же реален, как и тот, который мы видим сейчас, однако новая фиксация точки сборки, которая дает этот другой мир, столь же иллюзорна, как и предыдущая.

Возьмем, например, тебя: ты теперь в состоянии повышенного сознания. То, что ты способен делать в этом состоянии, это не иллюзия: это столь же реально, как и мир, с которым ты встретишься завтра в своей повседневной жизни, и все же завтра этот мир, свидетелем которого ты сейчас являешься, не будет существовать. Он существует только тогда, когда твоя точка сборки приходит в особое место, где она сейчас.

Он добавил, что задача, с которой встречаются воины после окончания своей подготовки, это задача интеграции. В процессе этой подготовки точка сборки воинов, особенно нагваля, сдвигается в наибольшее возможное число мест. Он сказал, что в моем случае я был перемещен в бесчисленное множество позиций, и это я должен буду однажды свести в единое целое.

— Например, если бы ты мог сдвинуть свою точку сборки в особую позицию, то вспомнил бы, кто та девушка, — продолжал он со странной улыбкой. — твоя точка сборки была в этом месте сотни раз: собрать это воедино должно быть простейшей вещью для тебя. Было так, как если бы мое воспоминание зависело от его внушения: во мне зашевелились смутные воспоминания, своего рода чувства. Там было чувство бесконечной преданности, которое, казалось, влекло меня. Приятнейшая сладость наполнила воздух, как если бы кто-то подошел сзади и излил на меня этот аромат. Я даже обернулся, и тут вспомнил: она — Кэрл, — женщина-нагваль! Я был с ней только вчера — как я мог ее забыть?

Возникло неопишемое состояние, в котором, я думаю, через меня пронеслись все чувства моего психологического репертуара. «Возможно ли, — спросил я себя, — чтобы я проснулся в ее доме в Туксоне, в штате Оризона, за две тысячи миль отсюда? И так ли уж изолированы все случаи повышенного сознания, что ты не помнишь их?

Дон Хуан подошел ко мне и положил свои руки мне на плечи. Он сказал, что точно знает, что я чувствую. Его благодетель заставил его пройти через такой же опыт, и то, что он сам пытается делать со мной, с ним сделал его благодетель: пытался словесно утешить. Он оценил эту попытку своего благодетеля, но он усомнился тогда, как сомневается и теперь, что есть способ утешить кого-то, кто осуществил путешествие тела сновидения.

Теперь в моем уме не было сомнения: что-то во мне преодолело это расстояние между городами Оаксака в Мексике и Таксоном в штате Аризона. Я почувствовал странное облегчение, как если бы очистился от вины впервые за долгие годы.

В течение тех лет, которые я провел с доном Хуаном, у меня в памяти были разрывы непрерывности. То, что я был с ним в тот день в Таксоне, это один из таких разрывов. Я помню, что не мог вспомнить, как попал в Таксон, однако я не обратил на это какого-либо внимания: я решил, что этот провал — результат моей деятельности с доном Хуаном. А он всегда был очень осторожен, стремясь не возбуждать моих рассудочных подозрений в состоянии нормального сознания, когда же подозрения были неизбежны, он всегда вежливо объяснял, что природа нашей деятельности порождает серьезные несоответствия памяти.

Я сказал дону Хуану, что, поскольку мы оба оказались в тот день в этом месте, то возможно ли двум, или более чем двум людям проснуться в одной и той же позиции сновидения.

— Конечно, — сказал он. — именно так древние толтекские колдуны отправлялись в неведомое группами. Они следовали один за другим. Нет способа знать, как ты следуешь за другим, это просто делается: тело сновидения делает это. Присутствие другого сновидца прищипоривает его. В тот день ты потащил меня за собой, и я последовал, так как хотел быть с тобой.

У меня было столько вопросов, чтобы задать их ему, но все они казались очень поверхностными.

— Как это возможно, чтобы я не помнил женщины-нагваль? — выдавил я, и ужасная тревога и томление охватили меня. Я старался не печалиться больше, но печаль внезапно прокатилась по мне, как боль.

— Да ты все еще не помнишь ее, — сказал он. — только когда твоя точка сборки сдвинется, ты сможешь вспомнить ее. Она для тебя словно призрак, и таков же ты для нее. Ты видел ее однажды, когда был в нормальном состоянии сознания, а она никогда не видела тебя в своем нормальном состоянии. Ты для нее такой же герой, как она для тебя, но только с тем различием, что ты можешь однажды проснуться и воссоединить все это. У тебя, возможно, будет достаточно времени, а у нее нет: ее время здесь очень коротко.

Меня как бы охватило чувство протеста от такой ужасной несправедливости. Я внутренне подготовил целый водопад возражений, но даже не попытался их выразить. Улыбка дона Хуана была лучезарной, его глаза светились чистой радостью и озорством. У меня было чувство, что он ожидает моих замечаний, поскольку знает, что я собираюсь сказать, и это чувство остановило меня, или, лучше сказать, моя точка сборки опять сдвинулась сама по себе. И я уже знал, что женщина-нагваль не будет сожалеть, что у нее нет времени, ни я не буду радоваться тому, что оно есть.

Дон Хуан читал меня, как книгу. Он заставил меня покончить со всеми этими постижениями и выразить причину того, почему не следует печалиться об этом или радоваться. На мгновение я почувствовал, что знаю, почему, но затем потерял нить.

— Возбуждение от того, что имеешь время, равно тому, какое возникает при его отсутствии, — сказал он. — они равны.

— Чувствовать печаль — это не то же самое, что сожаление, — сказал я. а я чувствую ужасную печаль.

— Кого беспокоит печаль, — сказал он. — думай только о тайнах: тайна — это то, что заслуживает внимания. Мы — живые существа: мы должны умереть и упустить свое сознание, но если мы сможем изменить хотя бы привкус этого, то какие тайны могут нас ждать! Какие тайны!

17. ПРЕОДОЛЕНИЕ БАРЬЕРА ВОСПРИЯТИЯ

Позднее к вечеру, все еще в Оаксаке, мы с доном Хуаном медленно прогуливались вокруг площади. Когда мы приблизились к его любимой скамейке, люди, которые сидели на ней, встали и ушли. Мы поспешили к ней и сели.

— Мы подошли к концу моих объяснений о сознании, — сказал он. — и сегодня ты должен сам собрать другой мир и навсегда оставить всякие сомнения.

В том, что ты собираешься сделать, не должно быть ошибок. Сегодня, с позиции повышенного состояния сознания, ты собираешься заставить свою точку сборки сдвинуться — и в одно мгновение тыстроишь эманации другого мира.

Через несколько дней, когда Хенаро и я встретимся с тобой на вершине горы, ты должен будешь сделать то же самое, но уже с худшей позиции обыденного сознания. Там тебе придется настроить эманации другого мира немедленно: если ты не сделаешь этого, ты умрешь смертью обычного человека, упавшего в пропасть.

Он намекал на тот акт, который он заставит меня сделать, как последнее действие в его учениях для правой стороны — это акт прыжка в бездну с вершины горы.

Дон Хуан заявил, что воины заканчивают свою подготовку, когда становятся способными разбить барьер восприятия без посторонней помощи, исходя из состояния обычного сознания. Нагваль приводит воинов к этому порогу, однако успех принадлежит и индивиду: нагваль просто испытывает их, постоянно подталкивая к способности постоять за себя.

— Единственная сила, которая может временно отменить настройку, это настройка, — продолжал он. — тебе придется ликвидировать настройку, которая удерживает тебя на восприятии мира повседневных действий. Вызывая намерение перевести точку сборки в

новую позицию и намеренно удерживая ее там достаточно долго, ты соберешь другой мир и исчезнешь из этого.

— Древние видящие до сих пор отвергают смерть, делая именно это: намеренно удерживая свою точку сборки фиксированной в позиции, которая помещает их в один из семи других миров.

— Что произойдет, если мне удастся настроить другой мир? — спросил я.

— Ты попадешь туда, — ответил он. — как сделал это Хенаро однажды вечером на этом же месте, когда показывал тебе тайны настройки.

— Где же я окажусь, дон Хуан?

— Ясно, что в другом мире, где же еще?

— А что будет с окружающими людьми, и зданиями, и горами, и всем остальным?

— Ты будешь отделен от всего этого истинным барьером, который ты разобьешь — барьером восприятия, и так же, как те видящие, которые погребли себя, чтобы победить смерть, ты не будешь в этом мире.

Когда я услышал это утверждение, во мне разгорелась битва: какая-то часть меня кричала, что позиция дона Хуана нетерпима, в то время как другая вне всякого сомнения знала, что он прав.

Я спросил его, что случится, если я сдвину свою точку сборки прямо на улице, посреди движения в Лос-Анжелесе. И он ответил с серьезным выражением лица:

— Лос-Анжелес исчезнет, как пух по ветру, а ты останешься. В этом тайна, которую я пытался объяснить тебе. Ты переживал ее, но ты еще не понял ее, а сегодня поймешь.

Он сказал, что я еще не пользовался толчком земли для сдвига в другой из великих диапазонов эманаций, но поскольку я поставлен перед настоятельной необходимостью сдвинуться, то эта необходимость послужит мне пусковым устройством.

Дон Хуан взглянул вверх на небо. Он вытянул вверх руки, как он делал, когда долго засиживался и выталкивал из тела физическую усталость. Он приказал мне выключить внутренний диалог и войти в состояние внутреннего безмолвия. Затем он встал и начал уходить с площади: он подал мне знак следовать за ним. Он шел по пустынной стороне улицы. Я узнал ее: это была та же улица, на которой Хенаро дал мне свою демонстрацию настройки. В тот момент, когда я это вспомнил, я обнаружил, что иду с доном Хуаном по местности, к тому времени уже очень знакомой мне: пустынная равнина с желтоватыми дюнами из того, что казалось серой.

Я тотчас вспомнил, что дон Хуан заставлял меня воспринимать этот мир сотни раз. Я вспомнил также, что позади этого унылого дюнного ландшафта лежит другой мир, сияющий исключительным, однородным чистым белым светом.

Когда мы с доном Хуаном вошли в него на этот раз, я почувствовал, что этот свет, идущий со всех направлений, не был укрепляющим светом, но был таким утомительным, что давал мне чувство священного.

Пока этот священный свет омывал меня, рассудочная мысль ворвалась в мое внутреннее безмолвие. Я подумал, что вполне возможно, что мистики и святые совершали это путешествие точки сборки. Они видели бога — в человеческом образе, ад — в серых дюнах, а затем славу небес в этом прозрачном свете.

Мои рассудочные мысли почти тотчас сгорели под напором того, что я воспринимал. Мое сознание было захвачено множеством форм, фигур мужчин, женщин и детей всех возрастов и других непостижимых проявлений, сияющих ослепительным белым светом.

Я видел дона Хуана, идущего рядом и глядящего на меня, а не на видения. В следующее мгновение я увидел его, как светящийся шар, колеблющийся вверх и вниз в нескольких футах от меня. Этот шар сделал неожиданное и пугающее движение и приблизился ко мне так, что я увидел его внутренность.

Дон Хуан работал над своим светом сознания, чтобы показать мне это. Этот свет внезапно засиял у него слева на четырех или пяти нитеобразных волокнах. Он остался там неподвижным. Все мое сосредоточение было на этом: что-то медленно потянуло меня, как через трубу, и я увидел олли — три темные удлиненные твердые фигуры, волнующиеся дрожью, как листья под ветром. Их было видно на почти флюоресцирующем розоватом фоне. В тот момент, когда я сфокусировал на них свой взгляд, они подошли ко мне, причем не передвигаясь, скользя и перелетая, а подтягивая себя вдоль каких-то беловатых нитей, исходивших из меня. Эта беловатость не была светом или свечением, а просто линиями, которые, казалось, были нанесены тяжелым меловым порошком. Они быстро рассыпались, но недостаточно быстро: олли были уже на мне до того, как линии исчезли.

Они теснили меня. Мне стало досадно, и олли тотчас отодвинулись, как если бы обиделись на меня. Мне стало их жалко, и это мое чувство мгновенно притянуло их обратно. Они подошли и карабкались по мне. Тогда я увидел нечто, что видел в зеркале на

ручье: у олли не было внутреннего света — у них не было внутренней подвижности. В них не было жизни и все же они, очевидно, были живы. Это были странные уродливые формы, напоминающие застегнутые на молнию спальные мешки: тонкая линия посередине их удлиненной формы создавала впечатление, что они сшиты.

Они не были приятными персонажами. От чувства, что они совершенно чужды мне, мне стало неуютно — появилось нетерпение. Я увидел, что трое из олли двигались так, как если бы подпрыгивали. Внутри них было слабое свечение. Это свечение увеличивалось в интенсивности, пока в последнем из них не стало довольно ярким.

В тот момент, когда я увидел это, я встретился с черным миром. Под этими словами я не имею в виду, что он был темным, как темна ночь, нет, все вокруг меня было смоляно-черным. Я взглянул на небо, но нигде не мог найти света: небо тоже было черным и буквально покрыто линиями и неправильными кругами разной степени черноты. Небо выглядело, как черный кусок дерева с каким-то рельефом.

Я взглянул вниз на землю. Она была пушистой. Казалось, она сделана из хлопьев агар-агара. Они не были тусклыми, но и не светились: это было что-то среднее, чего я никогда не видел в жизни — черный агар-агар.

Я услышал голос видения. Он сказал, что моя точка сборки собрала полный мир с другими великими диапазонами эманаций — черный мир.

Мне хотелось впитать каждое слово, какое я слышал. Чтобы сделать это, мне пришлось расщепить свое сосредоточение. Голос прекратился. Мои глаза опять сфокусировались: я стоял с доном Хуаном всего в нескольких кварталах от площади.

Я мгновенно почувствовал, что у меня нет времени для отдыха — было бы бесполезно потакать себе в том, что я слишком поражен. Я собрал все свое мужество и спросил дона Хуана: сделал ли я то, чего он ожидал.

— Ты точно сделал то, что от тебя требовалось, — ответил он утвердительно. — давай выйдем к площади и обойдем ее еще раз, последний раз в этом мире.

Я отказывался думать о том, что дон Хуан покидает этот мир, поэтому я спросил его о черном мире. У меня было смутное воспоминание, что я видел его раньше. Он сказал:

— Собрать его — это самое простое. Из всего, что ты пережил, только черный мир достоин внимания. Он представляет собой действительную настройку другого великого диапазона, какую ты когда-либо делал. Все остальное было боковым сдвигом в человеческой полосе по-прежнему в пределах все того же великого диапазона: стена тумана, равнина желтоватых дюн, мир светящихся явлений — все это боковые настройки, которые осуществляются нашей точкой сборки при приближении к критической позиции.

Пока мы шли обратно к площади, он объяснил, что одним из странных свойств черного мира является то, что в нем за восприятие времени ответственны не такие же эманации, как у нас: они отличны и результат их действия другой! Видящие, путешествующие в черный мир, чувствуют, что они находятся там целую вечность, а в нашем мире этому соответствует мгновение. (см. Даниила Андреева «Роза мира» о слоях с другим течением времени. /Прим. И. Г. /). — Черный мир — это ужасный мир, — сказал он убежденно. — потому что он старит тело.

Я попросил его разъяснить это утверждение. Он замедлил шаг и взглянул на меня. Он напомнил мне, что Хенаро своим прямым методом однажды уже старался обратить на это мое внимание, когда сказал, что мы топтались в аду целую вечность, хотя в этом мире, который мы знаем, на прошло и минуты.

Дон Хуан сказал, что в молодости был одержим черным миром. И он поинтересовался у своего благодетеля, что с ним случится, если он войдет в него и останется там некоторое время, ну а поскольку его благодетель не был склонен к объяснениям, он просто погрузил дона Хуана в черный мир, чтобы он сам это обнаружил.

— Власть нагваля Хулиана была такой необычайной, — продолжал дон Хуан. — что мне потребовалось несколько дней, чтобы вернуться назад из того черного мира.

— Ты имеешь в виду, что тебе потребовалось несколько дней, чтобы вернуть свою точку сборки в ее нормальное положение? — спросил я.

— Да, именно это я имею в виду, — ответил он.

Он объяснил, что за несколько дней, пока он блуждал в черном мире, он постарел по крайней мере, на десять лет, если не больше: эманации внутри его кокона чувствовали годы борьбы и одиночества.

С Сильвио Мануэлем был прямо противоположный случай. Нагваль Хулиан погрузил его тоже в неведомое, однако Сильвио Мануэль собрал другой мир с другим набором полос и с не нашими эманациями времени, а с такими, которые оказывают на видящих противоположное действие: он отсутствовал семь лет, а чувствовал это так, как если бы прошло только мгновение.

— Собрать другие миры это не только вопрос практики, но и вопрос намерения, — продолжал он. — и это не просто впрыгивание и выпрыгивание из этих миров, как на резиновой ленте. Понимаешь, видящий должен быть смелым: если ты разбил барьер восприятия, ты вовсе не обязан вернуться в то же самое место этого мира. Понимаешь, о чем я говорю?

Во мне медленно начало проявляться то, о чем он говорит. У меня было почти непреодолимое желание рассмеяться над столь абсурдной мыслью, но до того, как она выкристаллизовалась во мне, дон Хуан заговорил со мной и прервал то, что я уже готов был вспомнить.

Он сказал, что для воинов опасность сборки других миров состоит в том, что они столь же захватывающи, как и этот наш мир. Сила настройки такова, что если точка сборки порвала свою связь с нормальной позицией, она начинает фиксироваться в других положениях, другими настройками. И воины рискуют заблудиться в немыслимом одиночестве.

Когда я слушал его, инквизиторская рассудочная часть меня напомнила мне, что в черном мире я видел и его, как светящийся шар, следовательно, в том мире можно быть с другими людьми.

— Только если люди последуют за тобой, сдвинув свои точки сборки, когда ты сдвинешь свою, — ответил он. — я сдвинул свою, чтобы быть с тобой, иначе бы ты остался там один с олли.

Мы остановились, и дон Хуан сказал, что для меня пришло время уходить.

— Я хотел бы, чтобы ты обошел все боковые сдвиги, — сказал он. — и направился сразу в другой полный мир — черный мир. Через пару дней тебе придется делать это самому. Тогда у тебя не будет времени заниматься пустяками — ты должен будешь сделать это, чтобы избежать смерти.

Он сказал, что преодоление барьера восприятия это кульминация всего, что делают видящие. С момента, когда этот барьер разбит, понятие человек с его судьбой для воина имеет другое значение. Из-за такого трансцендентного значения преодоления этого барьера новые видящие используют акт его преодоления в качестве финального испытания. Это испытание состоит из прыжка с горной вершины в пропасть, причем в состоянии нормального сознания. Если воин, прыгнувший в пропасть, не сотрет повседневный мир и не соберет новый, пока не достигнет дна, он умрет.

— Что тебе следует сделать, так это заставить этот мир исчезнуть, — сказал он. — но все же в какой-то мере ты останешься собой. Это и есть последнее прибежище сознания — то, на которое опираются новые видящие: они знают, что после того, как сожгут сознание, они каким-то образом сохраняют способность быть самими собой.

Он улыбнулся и указал на улицу, которая была видна оттуда, где мы сидели: на этой улице Хенаро показал мне тайны настройки.

— Эта улица, как и любая другая, ведет в вечность, — сказал он. — все, что тебе следует сделать, это пойти по ней в полном безмолвии. Время пришло — иди! Иди же!

Он повернулся и пошел прочь от меня. Хенаро ожидал его на углу. Хенаро помахал мне, а затем сделал жест, вынуждающий меня следовать своим путем. Дон Хуан шел, не оборачиваясь. Хенаро присоединился к нему. Сначала я пошел за ними, но я знал, что это ошибка: вместо этого я должен идти в обратном направлении. Улица была темной, пустынной и унылой. Я не поддавался чувству поражения или неадекватности. Я шел, сохраняя внутреннее безмолвие. Моя точка сборки сдвигалась очень быстро. Я увидел тех трех олли. Их срединная линия создавала впечатление, что они криво усмеваются. Я почувствовал, что флиртую, а затем сила, подобная ветру, унесла прочь этот мир.

ЭПИЛОГ

Через пару дней вся партия нагваля и все ученики собрались на плоской вершине, о которой говорил мне дон Хуан.

Дон Хуан сказал, что каждый из учеников уже сказал последнее «прости» каждому и что все мы находимся в состоянии сознания, которое не допускает сентиментальностей. Для нас, сказал он, есть только действие: мы — воины в состоянии тотальной войны.

Все, за исключением дон Хуана, Хенаро, Паблито, Нестора и меня отошли на некоторое расстояние от плоской вершины, чтобы позволить Паблито, Нестору и мне уединиться и войти в состояние нормального сознания, но до того, как мы это сделали, дон Хуан взял нас за руки и повел по кругу на этой плоской вершине.

— Через минуту вы должны будете намеренно заставить сдвинуться свою точку сборки, — сказал он. — И никто не поможет вам, — теперь вы одиноки. Вы должны понять, что намерение начинается с команды.

— Древние видящие обычно говорили, что если воины собираются иметь внутренний диалог, они должны иметь соответствующий диалог. Для древних видящих это означало диалог о колдовстве и усилении самоотражения. Для новых видящих это не означает диалога, а отрешенную манипуляцию намерением посредством трезвых команд.

Он все снова и снова повторял, что манипулирование намерением начинается с отдачи самому себе команды. Затем команда повторяется до тех пор, пока она не станет командой Орла, ну а потом точка сборки сдвигается, когда достигнут момент внутреннего безмолвия.

Тот факт, что такой момент возможен, сказал он, имеет чрезвычайную важность для видящих, как новых, так и древних, но по диаметрально противоположным соображениям. Знание этого позволяло древним видящим сдвигать свою точку сборки в немыслимые позиции сновидения в неизмеримом неведомом. Для новых видящих это означает отказ от того, чтобы быть пищей: избежать Орла путем сдвига точки сборки в особую позицию сновидения, называемую полной свободой.

Он объяснил, что древние видящие открыли, что можно привести точку сборки к пределам известного и удерживать ее там неподвижно в состоянии первичного повышенного сознания. Из этой позиции они видели возможность медленно сдвигать точку сборки уже постоянно в другие позиции за границы этого предела — изумительный подвиг смелости, однако лишенный трезвости, поскольку они никогда не могли вернуть обратно свою точку сборки или, возможно, не хотели.

Дон Хуан сказал, что эти авантюристы, поставленные перед выбором умереть в мире обычных дел или в неведомых мирах, неизбежно избирали последнее, а новые видящие, осознав, что их предшественники избирали всего навсего место своей смерти, поняли суетность всего этого: тщетность борьбы за контроль над своими собратьями-людьми, тщетность сборки других миров и, самое главное, тщетность довольства собой.

Он сказал, что одним из наиболее счастливых решений, которое приняли новые видящие, было решение никогда не позволять своей точке сборки постоянно сдвигаться в какую-либо другую позицию, кроме повышенного состояния сознания. Из этой позиции они в действительности разрешили свою дилемму тщетности и нашли, что решение состоит не просто в том, чтобы выбрать другой мир, где умереть, но в избрании полного сознания, полной свободы.

Дон Хуан заметил, что, избрав полную свободу, новые видящие непреднамеренно продолжили традицию своих предшественников и стали ядром победителей смерти.

Он объяснил, что новые видящие открыли, что если точку сборки заставлять постоянно сдвигаться до границ неведомого, а затем возвращать к позиции на границе известного и потом вдруг ее внезапно освободить, она пронесется, как молния, по всему кокону человека, сразу настраивая все эманации внутри кокона.

— Новые видящие зажигаются силой настройки, — продолжал дон Хуан. — силой воли, которую они обратили в силу намерения путем безупречной жизни. Намерение — это настройка всех янтарных эманаций сознания, так что правильно будет сказать, что полная свобода означает полное сознание.

— Это то, что все вы собираетесь сделать, дон Хуан? — спросил я.

— Да, мы, конечно, собираемся, если у нас достаточно энергии, — ответил он. — свобода — это дар Орла человеку. К сожалению, очень мало людей осознает, что все, в чем мы нуждаемся, чтобы принять этот великолепный дар — это иметь достаточно энергии.

— Если это все, в чем мы нуждаемся, то мы должны, видимо, стать скупцами по отношению к энергии.

После этого дон Хуан перевел нас в состояние обычного сознания. В сумерках Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть, а дон Хуан и партия нагваля зажгли себя внутренним огнем. Они вошли в состояние полного сознания, поскольку имели достаточно энергии для того, чтобы принять дар свободы, отпугивающий ум.

Паблито, Нестор и я не умерли на дне этого ущелья, как не умер ни один из учеников, которые прыгали раньше, поскольку мы никогда не достигли его дна: все мы под воздействием такого мощного и непостижимого акта, как прыжок смерти, сдвинули свои точки сборки и собрали другие миры.

Мы знали теперь, что оставлены, чтобы вспомнить повышенное состояние сознания и приобрести полноту самих себя, и знали также, что чем больше мы вспомним, тем возвышенной будет наше настроение, наше восхищение, но и наши сомнения и муки будут тоже сильнее.

До сих пор было так, как если бы нас оставили, чтобы испытывать муку тантала под действием самых трудных вопросов в природе и судьбе человека до тех пор, пока придет время и у нас будет достаточно энергии не только для того, чтобы проверить все, чему дон Хуан учил нас, но и для того, чтобы самим принять дар Орла.